
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 2(66), 2021 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Аймалетдинов А.А.* Государственно-конфессиональные отношения:
проблема терминологии и классификации основных моделей 310

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Медведев Н.П.* Местное самоуправление в контексте
исследовательской парадигмы политической социологии 321
- Гончаров П.С., Медведев В.Н.* К вопросу о легитимности власти:
общественно-политический аспект 327
- Попов С.И., Шошич М.* Формирование и развитие
политического сознания в Сербии на современном этапе 332
- Бойкузилова Г.Х.* Социально-политическая роль женщин
в государственном управлении 337

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Морозов С.И., Макаренко К.М.* Технологии регулирования
деструктивных форм протестной деятельности в современной России 346
- Брагин А.Д.* Политико-философские аспекты миграции 358
- Денисенко П.В.* «Подталкивание» в эпоху больших данных:
новые возможности для государственного управления 367
- Кругляков Д.А.* Институт парламентаризма
в публичном пространстве современного общества:
особенности функционирования и позиционирования 374
- Кузнецов Е.А.* Трансформация космической деятельности:
доктрина «нового космоса» 380
- Овчинников П.С., Нечай Е.Е., Сахненко А.С.* Product Management
в политической сфере 389
- Салимов Д.М.* Механизмы реализации политического режима
цензуры и контроля над СМИ в современном Таджикистане 398
- Тацилин А.Л.* Социальное происхождение как основа
формирования политических элит в современном Китае 409

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

- Сабирова Н.С.* Генотип политической культуры России
как особенный фактор ее развития 416

Юрчиков Н.В. Гражданская идентичность в современной политической культуре Индонезии: единство нации или идеологический конфликт?	423
---	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Тушков А.А., Тушков А.А. Эволюция военного присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе	430
Никлаус А.А. К вопросу о шестой государственной реформе в Бельгии: история и результаты.....	439
Тушков А.А., Черникова Э.М. Трансформация политико-культурной идентичности Японии: от традиций к современности.....	448
Мехдиева У.М. Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева)	457
Шаршбебаева Т.А., Сариева Д.С. Эволюционное развитие кадровой политики в Кыргызстане	467
Шангараев Р.Н. Формирование концептуального подхода турецкой внешней политики в Центральной Азии	475
Урпер Мехмет. Перспективы развития российско-турецких отношений	482
Камбаров Ш.К. Модернизация системы образования в Узбекистане: проблемы и пути решения	494
Бойматов Ф.З. Перспективы развития туризма в Узбекистане	500
Аскерова Э.Ф. Курдский вопрос в отношениях США и Турции	509
Ван Цзиньхуэй. Внешняя политика КНР на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы.....	515
Егоров И.С. Прогресс в нормализации отношений между Катаром и арабской «четверкой» во главе с Саудовской Аравией: причины и перспективы	522
Сарсембаев Н.В. Внутригосударственные, региональные и глобальные аспекты развития и разрешения сирийского конфликта	532
Кузьмичев А.А. Система международных отношений как понятие в современной политологической теории	541
Фань Тяньян, Боголюбова Н.М. Территориальные споры в Южно-Китайском море: позиции конфликтующих сторон	550

<i>Будник А.И., Григорьева Т.В., Кан А.А.</i> Современное состояние Курильской проблемы	556
НАШИ АВТОРЫ	564
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	571

CONTENTS

THEORY, PHILOSOPHY AND HISTORY OF POLITICS

- Aymaletdinov A.A.* State-Confessional Relations:
the Problem of Terminology and Classification of Basic Models 320

POLITICAL SOCIOLOGY

- Medvedev N.P.* Local Self-Government
in the Context of the Political Sociology Research Paradigm 326
- Goncharov P.S., Medvedev V.N.* To the Issue of Legitimacy of Power: t
he Socio-Political Aspect 331
- Popov S.I., Shoshich M.* Formation and Development
of Political Consciousness in Serbia at the Modern Stage 335
- Boykuzieva G.Kh.* Socio-Political Role
of Women in Public Administration 344

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Morozov S.I., Makarenko K.M.* Technologies for Regulating Destructive
Forms of Protest Activity in Modern Russia 356
- Bragin A.D.* Political and Philosophical Aspects of Migration 365
- Denisenko P.V.* “Nudging” in the Age of Big Data:
New Opportunities for Public Administration 373
- Kruglyakov D.A.* Parliamentary Institute in the Public Sphere
of Modern Society: Features of Functioning and Positioning 379
- Kuznetsov E.A.* Transformation of Space Activities:
the Doctrine of the “New Cosmos” 388
- Ovchinnikov P.S., Nechay E.E., Sakhnenko A.S.* Product Management
in the Political Field 397
- Salimov D.M.* Mechanisms of Implementation
of the Political Regime of Censorship and Control over the Media
in Modern Tajikistan 407
- Tashchilin A.L.* Social Origin as a Basis
for Forming Political Elites in Modern China 415

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

- Sabirova N.S.** The Genotype of Russia's Political Culture as a Special Factor in its Development..... 422
- Iurchikov N.V.** Civil Identity in Modern Political Culture of Indonesia: National Unity or Ideological Conflict?..... 429

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS, FOREIGN AND WORLD POLICY

- Tushkov A.A., Tushkov A.A.** The Evolution of the U.S. Military Presence in the Asia-Pacific Region..... 438
- Niklaus A.A.** On the Question of the Sixth State Reform in Belgium: History and Results..... 446
- Tushkov A.A., Chernikova E.M.** Transforming Japan's Political and Cultural Identity: from Tradition to Modernity..... 456
- Mekhdieva U.M.** The Image of a Political Leader in the Context of History (on the Example of the President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev)..... 465
- Sharshebaeva T.A., Sarieva D.S.** Evolutionary Development of Personnel Policy in Kyrgyzstan..... 473
- Shangaraev R.N.** Formation of Conceptual Approach of Turkish Foreign Policy in Central Asia 481
- Urper Mehmet.** Perspectives for the Development of Russian-Turkish Relations..... 492
- Qambarov Sh.K.** Modernization of Education Systems in Uzbekistan: Problems and Solutions 499
- Boymatov F.Z.** Prospects for the Development of Tourism in Uzbekistan 508
- Askerova E.F.** The Kurdish Issue in US-Turkey Relations 514
- Van Czin'hujej.** China's Foreign Policy in the Far East: Problems and Prospects 521
- Egorov I.S.** Progress in the Normalization of Relations Between Qatar and the Arab "Quartet" Led by Saudi Arabia: Causes and Prospects 530
- Sarsembaev N.V.** Internal, Regional and Global Aspects of the Development and Resolution of the Syrian Conflict 340
- Kuzmichev A.A.** System of International Relations as a Definition in Modern Political Theory..... 549
- Fan Tianyang, Bogolyubova N.M.** Territorial Disputes in the South China Sea: the Positions of the Conflicting Parties 555

<i>Budnik A.I., Grigorieva T.V., Kan A.A.</i> The Current State of the Kuril Problem	563
OUR AUTHORS.....	568
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	571

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ

В статье рассматривается проблема теоретических основ типологизации моделей государственно-конфессиональных отношений, анализируется научная литература, посвященная данной проблеме. Выделяются общие критерии типологизации, встречающиеся в отечественной научной литературе. Автор приходит к выводу, что с формально-юридической точки зрения принцип отделения религиозных организаций от государства является основополагающим критерием, а государственно-конфессиональные отношения в современной России развиваются в многовекторном направлении.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, государственная вероисповедная политика, религиозные объединения, внутренняя политика.*

Актуальные проблемы и основные направления государственной политики по отношению к различным сферам общественной жизни всегда привлекали большой интерес со стороны исследователей. Одним из важнейших регуляторов духовной сферы общества с древнейших времен выступали религия и право. Религиозные нормы наряду с законодательными определяли права и обязанности, статус членов общества, а также меры, применяемые к нарушителям данных норм.

Можно выделить три основных аспекта взаимоотношений религии и права:

- сакрализация норм законодательства;
- церковное (каноническое) право;
- правовое регулирование в сфере свободы совести, свободы вероисповедания и деятельности религиозных организаций.

Уже в первых государствах устанавливаемые нормы права рассматривались как непосредственно установленные божествами или как взятые

из священных книг, тем самым, получая обоснование необходимости их неукоснительного соблюдения, а легитимация политической власти – как богоданная. Во многих вероучениях религиозная жизнь регулируется нормами религиозного права, при этом каноническое право государственной церкви может быть возведено в ранг обязательных норм поведения для всех граждан. Так, например, в большинстве мусульманских стран не прослеживается однозначного разграничения между светским и религиозным правом, поскольку шариат является одним из основных источников правовой системы мусульманского государства, а неотъемлемой частью шариата является мусульманское право.

В царской России Святейший правительствующий синод был высшим государственным органом церковно-административной власти в Российской империи, а исполнение канонических норм церкви обеспечивалось государством.

Основные направления внутренней политики государства в различных сферах жизнедеятельности общества часто являются исследовательским предметом. Ученые и эксперты активно изучают религии как важнейший социальный институт общества и как социальный регулятор.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 15; 16].

Однако проблему государственно-конфессиональных отношений нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Взаимодействие государства и конфессий – это всегда важный аспект существования общества, его развития и социально-политической стабильности. В современных условиях развития эта проблема еще более актуализируется, в том числе и для нашего государства.

Анализ научной литературы по данной проблеме показывает, что существуют различия в толковании как главных категорий «государство» и «конфессия», так и других, авторы исследований зачастую вкладывают в них разное содержание. Также следует отметить используемый для систематизации эмпирического материала научный метод группировки, заключающийся в выявлении некоторого количества похожих «моделей» таких взаимоотношений.

Попытаемся определить изучаемые объекты – «государство» и «конфессия». Существует огромное количество определений «государства» в политологии, истории, юриспруденции, но на сегодняшний день не существует единого универсального всеобъемлющего. На наш взгляд, учитывая сложность и социальную дифференцированность современного общества, в исследовании проблемы в данной статье наиболее подходящей формули-

ровкой является следующая: государство – совокупность взаимосвязанных между собой учреждений и организаций, управляющих обществом, звено политической системы общества с властными полномочиями [7. С. 562].

Понятие «конфессия» не определено законодательно и может трактоваться как «вероучение» или «вероисповедание», однако в нашем случае имеет место быть юридическая трактовка данного понятия, так как государство вступает в отношения не с мировоззрением, учением, а с законодательно определенными институтами – религиозными объединениями, поэтому в нашем случае понятие «конфессия» – это организованная религия, воплощенная в каких-либо социальных институтах [8. С. 109].

Таким образом государственно-конфессиональные отношения (далее – ГКО) представляют собой отношения государства и религиозных объединений, или совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, включая органы государства и управления, государственные организации, с одной стороны, и религиозные объединения, и другие организации, учрежденные религиозными объединениями, с другой стороны [18. С. 13].

Вероятно, по причине того, что наука, изучающая государственно-конфессиональные отношения (как отношения между социально-политическими субъектами) начала формироваться сравнительно недавно, в постсоветское время, ее терминология еще не устоялась. Возвращаясь к вопросу толкования, стоит отметить, что в литературе встречаются и другие определения для обозначения данных отношений, наиболее часто употребляемые из них – государственно-религиозные отношения и государственно-церковные отношения.

Как уже отмечалось, в современной России государство вступает в отношения с организованными обществами верующих людей, а не с вероучениями, поэтому первый термин мы считаем не вполне корректным из-за разнородности упоминаемых в нем субъектов отношений. Государственно-церковные отношения достаточно часто употребляемый термин, в том числе и в официальных документах, однако его некорректно употреблять в отношении тех религиозных объединений, в вероучении которых нет понятия «церковь» – у мусульман, иудеев, буддистов и иных конфессий.

Самым простым признаком классификации ГКО является признак наличия или отсутствия принципа отделения религиозных объединений от государства. В этой связи следует выделить работы С.В. Джораевой, Л.А. Морозовой, М.И. Одинцова, О.Н. Четвериковой.

Так, например, С.В. Джораева [3. С. 37-45] указывает на существование двух моделей ГКО. Первая модель, условно называемая «симфонией», берет свое начало с момента признания христианства государственной религией. Свое практическое воплощение данная модель нашла в папизме и цезаропапизме. Вторая модель характеризуется отделением государства от церкви.

Исследователь Л.А. Морозова [9. С. 92] в качестве критерия классификации использует понятие статуса церкви в государстве и выделяет государственную церковь, где определенная конфессия признана преобладающей, и режим отделения церкви от государства, признающий равенство всех существующих конфессий.

М.И. Одинцов [11. С. 36] полагает, что история ГКО может быть осмыслена через призму зарождения и эволюции двух типов государства: клерикального и светского. Первый тип государства неотъемлемо привязан к определенной религии, и поэтому имеет смысл рассматривать «христианские», мусульманские», «буддийские» и иные конфессиональные государства, светский тип государств – исторически гораздо более поздний – оформляется в правовом отношении на рубеже XVIII-XIX вв. как результат революционного преобразования клерикального государства. Автор О.Н. Четверикова [17. С. 18-33] выделяет два типа регулирования ГКО: дифференцированный и универсальный. Первый тип, наиболее распространенный, включает в себя несколько видов ГКО. Первый из них – статус государственной церкви, характеризующийся доминирующим положением государственной религии, деятельность которой полностью подконтрольна государству. Второй вид – статус официальной или традиционной религии, где с нормативно-правовой точки зрения признается равенство всех конфессий, однако из-за социальной значимости одна из них обладает определенным преимуществом. И третий вид – соглашение или конкордат, когда государство и какая-либо конфессия заключают двухсторонний договор о сотрудничестве.

Однако некоторые исследователи вводят дополнительные критерии для классификации. Рассмотрим работы с тремя и четырьмя моделями ГКО.

Трехчастное деление присутствует в работах таких исследователей, как А.Ю. Григоренко, И.А. Куницын.

А.Ю. Григоренко [2. С. 107] рассматривает три основные модели ГКО: сепарационную модель, при которой общество, исповедуя идеалы свободы, стремится уравнивать все конфессии и законодательно отгородиться от церкви и не вмешивается в процессы религиозной жизни; сегрегативную модель, при которой государство и общество, исповедуя атеистическую идеологию, воспринимает церковь как духовного противника и стремится уничтожить; интегративная, при которой определенная конфессия воспринимается как союзник государства и интегрируется в общественно-политическую жизнь и поддерживается государством в качестве важного социально-политического института.

И.А. Куницын [6. С. 94-101] классифицирует ГКО по критерию правового регулирования статуса религиозных объединений. Первый тип регулирования – моноконфессиональный, который, как правило, характерен для теократического государства и допускает функционирование религиозных

объединений только одной конфессии. Второй-универсальный-предполагает наделение всех конфессий равными правами. И последний тип регулирования, дифференцированный, характерен для обществ, где существующие конфессии обладают разным объемом прав и обязанностей. В свою очередь, дифференцированный тип подразделяется на три подтипа: государственное религиозное образование, консенсуальный статус (основанный на конкордате с государством) и статус признанных (традиционных) объединений.

М.Г. Писманик [13. С. 128] использует четырехчастное деление ГКО, выделяя наиболее типичные ситуации через призму положения и места религиозных объединений в общественной жизни. Деспотическое подчинение и подавление церкви, по мнению автора, можно наблюдать в странах с тоталитарным политическим режимом. Ситуация теократии находит свое выражение в странах со слитыми государственным аппаратом и структурами определенной конфессии. Ситуация государственной церкви становится возможной, если какая-либо одна определенная конфессия получает неизмеримо более широкие права по сравнению с другими. И последняя ситуация – последовательно проведенный принцип разделения государства и религиозных объединений.

Исследователь И.В. Понкин [12. С. 143-204] приводит более сложную классификацию моделей ГКО, которые характеризует наличие или отсутствие отделения религиозных объединений от государства и различные аспекты их взаимодействия. Теократическая модель возможна, если полностью отсутствует факт отделения религиозных объединений от государства. Модель секулярной квазирелигии имеет место в том случае, если государство стремится искоренить религию как таковую и заменить ее общеобязательной идеологией. Эквипотенциальная модель внерелигиозного государства показывает всемерное стремление государства к достижению максимально возможной внерелигиозности и изоляции религиозных объединений от государственной жизни, низводя их деятельность до уровня частной жизни лиц. Преференциальная модель отличается тем, что государство вследствие исторической обусловленности выделяет одну или несколько религий и наделяет их определенными преимуществами. Контаминационная модель характерна для государств, где религия официально отделена от государства, однако вследствие исторических и культурных особенностей развития определенная конфессия является фактически государственной и ее нормы фактически составляют основу ее государственного строя и норм права. Идентификационная модель предполагает расширенное сотрудничество государства с несколькими определенными религиозными объединениями, причиной и основанием чему является учет современной национально-культурной и иной идентичности граждан.

Особый интерес вызывает концепция ГКО, разработанная исследователями М.О. Шаховым и О.С. Шутовой [19. С. 158-179], которую они условно

обозначили как «силовая модель». Авторы в качестве критериев классификации моделей ГКО рассматривают уровень общественно-политического влияния государства и религиозных объединений, направленности их взаимодействия и стремление к доминированию. Таким образом, стремясь преодолеть недостатки описательно-классифицирующего подхода исследователи выделили 108 возможных моделей ГКО, характерные для разных государств в разный исторический период. Преимуществом данного подхода является возможность рассмотреть ГКО в динамике и развитии.

Рассмотренные работы позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, каждая из перечисленных типологий ГКО, основанных на различных критериях (часто очень похожих) имеет право на существование, так как имеет свои преимущества и помогает достичь цель исследования – выделить и классифицировать определенное количество моделей ГКО. Во-вторых, анализ моделей ГКО от простого к сложному, до «силовой модели» можно проследить, что по мере возрастания числа выделяемых типов возрастает и точность, детальность описания каждого из них, однако, в этом случае сильно возрастает и количество данных моделей (характерных как для различных современных государств, так и для отдельных периодов их истории). Данное обстоятельство затрудняет группировку моделей ГКО в соразмерные группы и ограничивает их для активного практического использования. Хотя сама по себе идея типологизации ГКО по критерию влияния субъектов кажется нам весьма эффективной, но требует детального исследования и введения критериев оценки влияния всех субъектов и ее отдельных составляющих (органов государственной власти различных уровней, общественных объединений, органов управления религиозных организаций, их лидеров, неформальных лидеров мнения и других).

Изначально мы ограничились двумя объектами ГКО – государством и религиозными объединениями как некими идеальными объектами. Все виды классификации моделей ГКО в большей или меньшей степени соответствуют обозначенному нами определению «государственно-конфессиональные отношения», хотя другие термины могут иметь иные наполнения (например, исследователь Кардашевский А.В. термин «государство» рассматривает как «политико-территориальную организацию, являющуюся носителем и выразителем власти господствующего социального субъекта» [5. С. 25-33]).

Проделанный анализ наиболее часто встречающихся моделей ГКО и позволяет представить наиболее оптимальную классификацию моделей, которая была бы актуальна для анализа ГКО в современной России и позволила бы провести анализ в сравнении с зарубежным опытом. На наш взгляд, главным критерием классификации ГКО выступает принцип отделения религиозных объединений от государства, и в самом общем виде государства подразделяются на государства конфессионального типа и государства светского типа.

Государства конфессионального типа в самом обобщенном виде в свою очередь можно разделить на государства теократические и государства с наличием государственной церкви.

В теократических государствах одна из конфессий сама руководит страной. К таким государствам относятся Ватикан, где главой государства является Папа Римский, некоторые мусульманские страны, в которых верховная власть формально или фактически принадлежит мусульманским религиозным лидерам (Исламская Республика Иран) или источником права являются религиозные нормы (Королевство Саудовская Аравия).

Во втором случае «соотношение сил» между государством и конфессией обратное – определенная конфессия сама включена в систему органов государственной власти, является частью государственного аппарата, управляется и контролируется государством. Классическим примером такого типа ГКО, имеющим устоявшуюся традицию, является Церковь Англии, которую возглавляет глава государства. В истории нашей страны модель конфессионального государства с государственной церковью существовала в царский период, где церковью управлял Священный Синод. В наши дни в таких странах государственная религия не является обязательной для граждан и не является причиной для дискриминации, поэтому наличие государственной церкви само по себе не сопровождается ограничением свободы совести.

Отдельно хотелось упомянуть страны с подавляющей частью населения, исповедующей католичество, в которых церковь и государство были тесно связаны. Их нельзя относить к странам с национальными государственными церквями, так как институт религии не находится в подчиненном положении к государству, а высшим руководящим органом католицизма является Святой Престол. Правовое положение католицизма в этих странах определяется специальными договорами – конкордатами, имеющими международный характер, ввиду того что Ватикан является независимым государством и полноправным субъектом международных отношений. Именно благодаря этому фактору католическая церковь зачастую имеет привилегированное положение в этих странах, договор с иной конфессией не будет носить межгосударственного статуса, а будет иметь внутrigосударственный характер, или представлять собой договор между государством и иностранной религиозной организацией. Таким образом, конкордат может заключаться с государствами как конфессионального, так и светского типа.

Понятие «государство светского типа» шире по содержанию, нежели «светское государство». Во многих странах (яркими примерами являются США и КНР) светскость не упоминается в качестве характеристики государства в текстах конституций. Явное наличие признаков светскости государства (принцип отделения религиозных организаций от государства, принцип равенства религиозных организаций перед законом, отсутствие

государственной или обязательной идеологии и др.) не всегда сопровождается формальным юридическим провозглашением государства светским. В то же время, например, в Республике Турция, которая, согласно ее конституции, признается светским государством, мусульманские священнослужители являются государственными служащими, а изучение основ религии является обязательной частью школьной программы. Во Франции, которая, согласно конституции, также объявляется светским государством, является собственником большинства католических храмов и несет расходы по их содержанию и реставрации, кроме того государство обеспечивает деятельность капелланских служб в армии. Таким образом, не существует точного и постоянного набора признаков светскости государства. Однако можно выделить ряд наиболее характерных черт данного типа ГКО:

- отсутствие государственной или иной обязательной для всех граждан идеологии;
- светский характер государственной системы образования;
- неучастие религиозных объединений в деятельности органов государственной власти;
- отсутствие государственного финансирования деятельности религиозных объединений;
- религиозные нормы не являются источником права, а государство не устанавливает ответственности за нарушение религиозных норм;
- государство не вмешивается во внутренние дела религиозных организаций.

В зависимости от национальной специфики данный тип модели ГКО может сильно различаться. Поэтому, на наш взгляд, следует выделить как минимум 3 подтипа, наиболее часто встречающиеся в современном мире – сегрегационный, сепарационный и кооперативный.

Сегрегационный тип ГКО характерен для атеистических государств, а точнее говоря для государств, где существует государственная и обязательная для общества идеология. Наиболее знакомым или показательным примером для нас является пример ГКО, характерный для Советского Союза. Принцип отделения религиозных организаций от государства сопровождался формальным признанием свободы совести и юридическим признанием самих организаций, однако религия рассматривалась как отрицательное социальное явление и ее роль сильно ограничивалась государством.

Сепарационный тип ГКО подразумевает нейтральность государства в отношении религии, их взаимное невмешательство в дела друг друга. Наиболее яркими примерами здесь являются модели ГКО, сложившиеся в США и Франции. Для данного типа ГКО характерно также отсутствие прямого сотрудничества и в социально-гуманитарной сфере. Непрямое взаимодействие обычно проводится через благотворительные фонды или иные специально создаваемые НКО.

Кооперационный тип ГКО имеет место быть в случае, когда государство решает какие-либо социальные проблемы совместно с религиозными организациями. В этом случае большое влияние на ГКО оказывают исторические традиции, опыт взаимодействия государства с той или иной религиозной организацией. Наглядным примером данной модели ГКО можно считать взаимоотношения государства и Римско-католической и Евангелической церквью в Германии, которые осуществляют разные формы социального служения и совместно реализуют социально-гуманитарные проекты. С определенной долей условности можно утверждать, что этот тип ГКО также характерен и для современной России, что может выражаться и на законодательном уровне. Так, в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ [14] признается «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и упоминаются христианство, ислам, буддизм, иудаизм «как составляющие неотъемлемой части исторического наследия народов России». В политическом дискурсе фигурирует ставшее устойчивым выражение «традиционные религии России», а представители данных конфессий принимают участие в работе общественных палат на федеральном, региональном и местном уровнях, в работе общественных советов при органах исполнительной власти и в иных институтах гражданского общества, лидеры наиболее крупных религиозных организаций присутствуют на встречах с первыми лицами государства, в том числе и с Президентом Российской Федерации.

Государство приняло ряд законов, содействующих развитию религиозного образования, возвращению имущества религиозным организациям и т.д., учреждению и развитию некоммерческих фондов, способствующих поддержке деятельности религиозных организаций. Развивается взаимодействие в деле духовного воспитания лишенных свободы, воспитательной работы в Вооруженных силах, социально-благотворительной деятельности в иных направлениях. При этом Российская Федерация остается светским государством и согласно ее Конституции, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [10]. Таким образом, можно утверждать, что ГКО в современной России развиваются в многовекторном направлении.

Существование в светском государстве разных типов ГКО зависит от многих факторов – от ценностных и социальных установок различных конфессий, от практического применения принципа «нейтральности» к различным конфессиям со стороны государства, от степени согласованности при проведении государственной вероисповедной политики между различными органами государственной власти и ее системности, от степени консолидированности (в том числе институциональной) различных конфес-

сиональных сообществ и общества в целом, типа политической культуры в обществе, целей политической элиты, компетентности лиц, принимающих решения и многих других факторов.

Следует еще раз уточнить, что принцип отделения религиозных организаций от государства является основополагающим критерием при типологизации ГКО, а дальнейшая типологизация светских государств по подтипам коррелирует в зависимости от многих факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гаджимурадова Г.И., Апанович М.Ю., Медведь В.А.* Секьюритизация миграционной политики стран Европы в эпоху миграционной турбулентности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т 10. № 10 (67).

2. *Григоренко А.Ю.* Церковно-государственные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и нетерпимости // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. М., 2000.

3. *Джораева С.В.* Государственно-церковные отношения в России (опыт философско-исторического анализа). М., 1997.

4. *Жамбаева У.Б.* Историко-политический экскурс Тибета как государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

5. *Кардашевский А.В., Тирских М.Г.* Современные концепции государственно-конфессиональных отношений. «Сущностные» модели // Вопросы теории и истории государства и права. 2009. № 2.

6. *Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в России. М., 2000.

7. *Мельвил А.Ю.* Политология: учебник. М.: Изд-во МГИМО МИД России, 2008.

8. *Митофанова А.В.* Религиозный фактор в мировой политике и проблема цивилизаций // Век глобализации. 2008. № 1.

9. *Морозова Л.А.* Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. 1995. № 3.

10. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 года // <http://duma.gov.ru/news/48953/>.

11. *Одинцов М.И.* Двадцатый век в Российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе: материалы международной конференции (Москва, 23-24 марта 1999 г.). М., 2000.

12. *Понкин И.В.* Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003.

-
13. Религия в истории и культуре / под ред. М.Г. Писманика. М., 2000.
14. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (с изм. и доп.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/.
15. *Филина Н.В.* Право на реализацию свободы вероисповедания в странах БРИКС с позиции Комиссии США по международной религиозной свободе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).
16. *Хвалей А.А., Бурьгин А.А.* Исламизм и светскость – неотделимые грани политической модернизации Туниса // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).
17. *Четверикова О.Н.* Религия и политика в современной Европе. М., 2005.
18. *Шахов М.О.* Мусульманские религиозные объединения и закон: 2-е доп. перераб. изд. М.: ИД «Медина», 2018.
19. *Шахов М.О., Шутова О.С.* Государственно-конфессиональные отношения: анализ типологий и «силовая модель» // Политика. 2003. № 3.

A.A. AYMALETDINOV

*Institute of Asian and African Studies Lomonosov
Moscow State University, Postgraduate student of the
Department of Political Science of the East,
Moscow, Russia*

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS: THE PROBLEM OF TERMINOLOGY AND CLASSIFICATION OF BASIC MODELS

The article examines the problem of the theoretical foundations of the typologization of models of state-confessional relations, analyzes the scientific literature devoted to this problem. The general criteria of typology, found in the domestic scientific literature, are highlighted. The author comes to the conclusion that, from a formal legal point of view, the principle of separation of religious organizations from the state is a fundamental criterion, and state-confessional relations in modern Russia are developing in a multi-vector direction.

Key words: *state-confessional relations, state confessional policy, religious associations, domestic policy.*

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В рецензионной статье делается попытка оценки научной значимости, заявленной авторами статьи, проблемы развития института местного самоуправления в условиях централизации власти в современной России. Дается характеристика основных принципов организации и функционирования местного самоуправления на основе Европейской хартии местного самоуправления и Конституции России. В дискуссионном плане ставится вопрос о критериях оценки органов местного самоуправления и оценки их эффективности вышестоящими структурами власти в контексте того, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти России».

Ключевые слова: *местное самоуправление, общественно-властный институт, критерии оценки эффективности местной власти, Конституция России, Европейская хартия местного самоуправления.*

Размышляя над прочитанным после рецензирования статьи «Оценки эффективности деятельности органов местной власти: методология и методика» [1] декана социологического факультета Института социально-политических исследований РАН Великой Н.М. и аспирантки Моисеевой А.Н., опубликованную в научном журнале «Вопросы политологии», следует отметить неординарный методологический подход авторов статьи к анализу темы, актуальность и научную значимость заявленной исследовательской проблемы.

Следует также подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 14].

Однако проблему дальнейшего развития местного самоуправления, как общественно-властного института, нельзя назвать однозначно исчерпан-

ной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Вместе с тем, современные рассуждения о российской модели местного самоуправления и различные оценки исследовательских работ по этой тематике будут неполными, если не сделать краткий экскурс истории вопроса. Прежде следует сказать, что при подготовке конституционно-правовых основ местного самоуправления в постсоветской России в 1990-1993 гг. обсуждались две основные модели развития местной власти.

Первая модель под условным названием «местное управление». Эту систему местной власти предлагали и обосновывали депутаты, склонные к российскому традиционализму, при этом главный аргумент в их суждениях был связан с необходимостью централизации российской системы управления в целях повышения ее эффективности и их доказательства необходимости введения такой модели в современной России связывались с историей российской государственности.

Обоснование второй модели муниципального управления в России связывалось с практикой европейских государств и США, где уже долгие годы эффективно существовала не местное управление, а местное самоуправление. Отличие второй модели от первой – в содержании понятия «самоуправление». В Конституции 1993 года именно модель самоуправления нашла свое правовое закрепление и в основах конституционного строя как отдельный, наряду с государственной властью, общественно-властный институт, а также в специальной главе конституции по местному самоуправлению, где раскрываются правовые основы и определяется объем полномочий органов местного самоуправления.

К тому же при вступлении в Совет Европы Российская Федерация признала и ратифицировала Европейскую Хартию о местном самоуправлении 1985 года. Имея в виду, что никакой практики организации новой модели местного самоуправления в современной России не было, федеральный центр и власти на местах к такой глубинной реформе не были готовы.

К примеру, вот каким образом я как начальник Управления Администрации Президента России по работе с территориями в первые дни после принятия Конституции России представлял реализацию новых правовых норм о местном самоуправлении на практике: «в соответствии с новой Конституцией Российской Федерации народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В связи с этим возникает задача формирования принципиально новой системы органов власти. Сложность решения такой задачи усугубляется отсутствием соответствующего опыта в историческом прошлом, поскольку местное самоуправление в России традиционно рассматривалось как вид местного государственного управления. В настоящее же время Конституция Российской Федерации гарантирует самостоятельность

местного самоуправления в пределах его полномочий. Отсюда вытекает необходимость четкого закрепления в законодательстве компетенции органов местного самоуправления, полномочий, в рамках которых органы местного самоуправления действуют независимо от органов государственной власти.

Следует отметить, что перед законодателем стоит нелегкая проблема определения главных направлений развития местного самоуправления на основе тех его прав, которые установлены Конституцией.

В частности, необходимо очертить круг вопросов местного значения, которые население может самостоятельно решать через местное самоуправление, установить правовую основу референдумов, других форм прямого волеизъявления народа.

Представляет сложность и проблема границ территорий, на которых осуществляется местное самоуправление. Так, статья 131 Конституции содержит норму, согласно которой «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций». Следовательно, в федеральном законодательстве важно ответить на вопрос, можно ли отнести к территориям, на которых осуществляется местное самоуправление, сельские районы, а также установить предельный уровень местного самоуправления с учетом различной плотности населения на территории страны.

Предстоит также определить характер взаимоотношений органов местного самоуправления с органами государственной власти. Порядок и условия наделения их отдельными государственными полномочиями и соответствующими материальными и финансовыми средствами.

Не вполне однозначно решается и проблема доходных источников местных бюджетов. По-видимому, в законодательстве нужно закрепить порядок предоставления органам местного самоуправления государственных субсидий.

Перечисленные трудности составляют лишь малую толику тех проблем, которые предстоит урегулировать в федеральном законодательстве и в законодательстве субъектов Федерации» [9. С. 3-4].

Вспоминается мой разговор с главой правительства Республики Карелия в начале 1994 года по практике внедрения в регионе новой модели местного самоуправления. Правительство Карелии предполагало, что местное самоуправление в республике будет осуществляться только на уровне городов, поселков, сел и деревень, то есть местное самоуправление планировалось однозвенным и неподчиненным другим уровням власти. Именно в этом виделось отличие самоуправления от государственной власти. Такое представление о местном самоуправлении правительством республики было правомерным и обосновывалось статьей 12 Конституции России, где говорится, что «в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномо-

чий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Примерно эти же основы осуществления местного самоуправления закреплены в Европейской Хартии. Вот что зафиксировано в статье 3 и статье 4 этой хартии:

«Статья 3. Понятие местного самоуправления.

1. Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

2. Это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Советы или собрания могут располагать подотчетными им исполнительными органами. Это положение не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан, там, где это допускается по закону.

Статья 4. Сфера компетенции местного самоуправления.

1. Основные полномочия органов местного самоуправления устанавливаются конституцией или законом. Однако это положение не исключает предоставления органам местного самоуправления в соответствии с законом отдельных конкретных полномочий.

2. Органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для осуществления собственных инициатив по любому вопросу, который не исключен из их компетенции и не отнесен к компетенции другого органа власти.

3. Осуществление государственных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Предоставление каких-либо из этих полномочий иному органу власти должно производиться с учетом объема и природы поставленной задачи, а также требований эффективности и экономии.

4. Предоставляемые органам местного самоуправления полномочия должны быть, как правило, полными и исключительными. Они могут быть оспорены или ограничены иным органом власти, центральным или региональным, только в пределах, установленных законом.

5. При делегировании полномочий центральными или региональными органами местные органы самоуправления должны, насколько это возможно, обладать свободой приспособлять их осуществление к местным условиям.

6. В процессе планирования и принятия любых решений, непосредственно касающихся органов местного самоуправления, необходимо консультироваться с этими органами, насколько это возможно, делая это заблаговременно и в соответствующей форме» [9. С. 72-73].

Все эти изложенные принципы организации и функционирования местного самоуправления дают основания в дискуссионном плане ставить вопрос

о том, какие органы вышестоящей власти России имеют право разрабатывать критерии оценки и оценивать эффективность местного самоуправления, как общественно-властного института. А может эти оценки являются, прежде всего, предметом общественного контроля? Другим важным основанием роли и места местного самоуправления в России становятся поправки к Конституции 2020 года, где вводится новое понятие о «системе публичной власти».

Как будет развиваться в ближайшие годы в России местное самоуправление – это предмет новых научных исследований в рамках, прежде всего, такого научного направления, как политическая социология.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Великая Н.М., Моисеева А.Н.* Оценки эффективности деятельности органов местной власти: методология и методика // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65).

2. *Глебов В.А., Макухин А.В., Попов С.И.* Необходимость и целесообразность применения в Российской Федерации опыта реформ местного самоуправления Польши // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 4 (18).

3. *Копасов А.И.* Современные тенденции к укрупнению субъектов Федерации в контексте совершенствования территориально-политического устройства России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 2 (59).

4. *Кулакова Н.Н.* Проблемы и перспективы взаимодействия государства и гражданского общества на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).

5. *Магадиев М.Ф.* Низкий уровень жизни населения сельских территорий как угроза устойчивому пространственному развитию Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

6. *Медведев Н.П.* О некоторых особенностях местного самоуправления в США. Опыт для России // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 1 (19).

7. *Медведев Н.П.* К вопросу о конституционно-правовых основах местного самоуправления в России и зарубежных странах. Взгляд из Администрации Президента России 1994 года // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 4 (18).

8. *Медведев В.Н.* Размышления над прочитанным. Местное самоуправление (МСУ): актуальная муниципальная повестка // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 3 (17).

9. Местное самоуправление в зарубежных странах (информационный обзор) / Под общей редакцией Н.П. Медведева, А.И. Ракитова, А.Ю. Федорова, В.В. Бенкевича, С.И. Жупанова. М., 1994.

10. Ошкин А.Н. Современная муниципальная практика и правовые проблемы реализации федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2018. № 3-4.

11. Примова Э.Н. О кризисе легитимности власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 10 (67).

12. Слизовский Д.Е., Глебов В.А. Местное самоуправление (МСУ) в исторических поселениях: особенности и специфика деятельности, функционирования и взаимоотношений власти и населения // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 3 (17).

13. Тышута Е.В. Муниципальный фильтр как политический механизм избирательных кампаний (на примере выборов главы Республики Хакасия) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

14. Устюжанинова А.С., Берестовский А.В. Информационное обеспечение взаимодействия органов государственной и муниципальной власти и общества в Республике Коми // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 1 (19).

N.P. MEDVEDEV

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of the Presidential Administration
for Work with Territories (1993-1994),
Moscow, Russia*

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL SOCIOLOGY RESEARCH PARADIGM

The article under review attempts to assess the scientific significance of the problem of the development of the institution of local self-government in the conditions of centralization of power in modern Russia. The article describes the basic principles of the organization and functioning of local self-government on the basis of the European Charter of Local Self-Government and the Constitution of the Russian Federation. As a part of the discussion, the article raises the question of criteria for evaluating local self-government bodies and their effectiveness by higher-level government structures in the context of the fact that “local self-government bodies are not part of the system of state authorities in Russia.”

Key words: *local self-government, public authority institution, criteria for evaluating the effectiveness of local government, Russian Constitution, European Charter of Local Self-Government.*

DOI 10.35775/PSI.2021.66.2.003

УДК 32.323

П.С. ГОНЧАРОВ

*доктор социологических наук,
профессор Российского университета транспорта (МИИТ),*

Россия, г. Москва

В.Н. МЕДВЕДЕВ

*кандидат юридических наук,
доцент Института государственной службы и
управления Российской академии народного*

хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ,

Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В рецензионной статье авторы делают попытку проанализировать содержание статьи Примовой Э.Н. «О кризисе легитимности власти» и расширить контекст исследовательской проблемы о легитимности власти через призму оценки обществом состояния политической стабильности. Подчеркивая научную значимость заявленной проблемы, в статье говорится о глубоких сдвигах во властных системах государств в условиях информационной открытости и глобализации.

Ключевые слова: *легитимность власти, общественные оценки, политическая стабильность, кризисные явления, информационная открытость, глобализация*

Давно знакомые в научной среде понятия «легальность», «легитимность» власти в последнее время стали предметом исследований не только специалистов в области политологии или права, но и историков, и социологов. К примеру, в своей статье в научном журнале «Вопросы национальных и федеративных отношений» № 10 за 2020 год ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры России кандидат исторических наук Примова Э.Н. предпринимает попытку выявить и проанализировать ключевые факторы, способствующие кризису легитимности власти в условиях информационной революции и глобализации. В этой статье «главное внимание концентрируется на обосновании тезиса, согласно которому кризис легитимности власти коренится в кризисе самой власти в результате глубоких сдвигов, происходящих в последние годы в инфраструктурах современного мира» [8].

Такой исследовательский подход связан прежде всего с расширением возможностей человека, различных социальных групп, да и в целом гражданского общества более качественно оценивать эффективность власти во всех сферах общественной жизни в условиях цифрового общества и его информационных возможностей. Возникли новые каналы обратной связи между действиями всех уровней власти, государственных и муниципальных служащих и конкретного человека. То есть сегодня во всех развитых государствах каждый гражданин имеет возможность в постоянном информационном режиме давать оценку уровню легитимности власти через призму удовлетворения своих жизненных потребностей при получении им государственных услуг.

В статье подчеркивается, что «легитимность власти вовсе не подразумевает, что все граждане единодушно и однозначно поддерживают ее. Идеальной легитимности, т.е. 100-процентной поддержки власти населением не бывает. Уровень легитимности простирается от всеобщего одобрения до полного отрицания. В мире нет ни одной страны, где все граждане воспринимают существующий в ней режим как абсолютно легитимный. В любом государстве существуют та или иная часть населения, не разделяющая политический курс властей, социальные и политические силы, не согласные с господствующим политическим режимом. Наконец, в демократическом обществе существует официальная оппозиция власти. Следовательно, любая власть должна постоянно подтверждать свою дееспособность, эффективность».

Важнейшими показателями укорененности и неукорененности легитимности власти являются уровень социальной стабильности или нестабильности, масштабы численности и активности несистемной оппозиции и проявлений гражданского неповиновения, поражения системных социально-политических сил на общенациональных, региональных и муниципальных выборах и т.д.

Падение реальной поддержки органов государственной власти или правящего режима в целом может потребовать более или менее существенную перестройку самой системы власти или же кардинальное изменение политической системы.

Постепенная утрата легитимности может доходить до такой стадии, когда иссякают все защитные силы «организма государства». Отдельные институты государства внешне могут выглядеть здоровыми, но рано или поздно, они как бы по мановению руки оказываются недееспособными. Другими словами, эрозия легитимности в силу комплекса факторов могут привести к краху властной системы существующего политического режима» [8].

Следует согласиться с автором статьи, что такой феномен информационного взаимодействия человека и власти с обратной связью является продуктом только последнего времени. Действительно, если раньше избиратель

во время выборов различных уровней власти давал оценку уровню легитимности руководителям государства, субъектов федерации, местного самоуправления или, в крайнем случае, через традиционные средства массовой информации, то сегодня интернет, социальные сети становятся более оперативными и массовыми как инструментом оценки властных структур, так и площадкой для выработки программ по выходу из легитимного кризиса.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4; 5; 6; 7; 9; 10].

Однако проблему кризиса легитимности власти нельзя назвать однозначно исчерпанной, так как в этом контексте социально-гуманитарных исследований очень мало. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Вместе с тем, типологизацией легитимности власти занимались мыслители и ученые разных эпох. Но наиболее четко сформулированы типы политической легитимности Максом Вебером. Возвращаясь к статье о кризисе легитимности, следует разобраться можно ли в рамках веберовской научной традиции оценивать проблемы современной трансформации легитимности власти и следует ли говорить о кризисе легитимности, когда открытость функционирования властных структур и свобода выбора власти находятся на достаточно высоком демократическом уровне.

Как нам представляется, суждения о кризисе легитимности власти должны основываться на опыте конкретных государств. Такой исследовательский подход даст возможность оперировать к историческим особенностям политического развития и национальной идентичности, политической культуре народов, а также уровню социально-экономического развития того или иного государства.

Следует согласиться с автором статьи, что «иначе говоря, любая форма государственной власти нуждается в той или иной степени согласия народа, что теснейшим образом связано с принятием данным народом ее легитимности. Легитимность предполагает уверенность народа в том, что господствующая элита имеет право на власть, что установленный в государстве порядок отражает высшие интересы общества, обеспечивает благосостояние и безопасность страны и людей. Степень позитивного отношения граждан к существующей власти, ее решениям и действиям, ценностям, социальным ориентациям, высокая степень ее кредитоспособности выступают показателями ее легитимности». Ключевое значение для осознания и принятия народом легитимности власти имеют социокультурные, национально-исторические, морально-этические и иные факторы. Как правило, люди оценивают власть, сверяя ее со своими морально-этическими установками, критериями, представлениями о добре, справедливости, порядочности, совести и т.д.

К тому же, легитимность власти не дана раз и навсегда. Она подвержена изменениям в зависимости от множества факторов, влияющих на те или иные сферы общественной жизни. Предельным случаем таких изменений является кризис легитимности власти, под которым понимается такой уровень падения реальной поддержки со стороны граждан органов государственной власти или правящего режима в целом, результатом чего может стать качественное изменение их статуса, ролей, авторитета и функций. Речь идет о делегитимации существующей власти. Она может быть вызвана самыми разными причинами, но большей частью главной из них является противоречие между заявленной миссией государства и реальной политикой власть имущих. Ослабление или эрозия легитимности может быть вызвана неспособностью властной системы эффективно выполнять свои функции или использованием режимом нелегитимного насилия; наличием военных конфликтов и гражданских войн; неспособностью правящих кругов адаптироваться к изменяющимся условиям, оперативно реагировать на новые вызовы; подрывом конституционного порядка и т.д.» [8].

Следует подчеркнуть, что такие выводы автора статьи являются не только теоретически обоснованными, но и имеют конкретное практическое значение для оценки уровня легитимности власти и состояния политической стабильности.

Рецензенты не претендуют на последнюю инстанцию истины и считают, что исследование различных аспектов легитимности власти Примовой Э.Н. вписывается в контекст значимости и научной новизны поднятой в статье проблемы и расширяет рамки предметного поля этой актуальной темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Агафонова Ю.В.* Теоретическое осмысление понятий «коммуникация» и «информационное общество» // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).
2. *Алферов С.Ю.* Явление государственности в современных научно-теоретических воззрениях // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 9 (61).
3. *Афанасьева Е.В., Битиева З.Р.* Особенности общероссийских выборов 2019 года и прошедших лет: сравнительный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 10.
4. *Ахмедов Ж.И.* Легитимность власти как современный фактор угрозоустойчивости общества // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65).
5. *Белов Л.П.* Справедливость и традиция в построении сильного государства XXI века // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 9 (61).
6. *Датукишвили Е.З.* Государственно-гражданская идентичность как предметное поле современной политической науки // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 9 (61).

7. Курас К.Ю. Влияние имиджа исполнительной власти на социально-политическую ситуацию в регионе (на примере Калининградской области) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 1 (70).

8. Примова Э.Н. О кризисе легитимности власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 10 (67).

9. Тяг В.В. Новая эволюционная альтернатива власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 4.

10. Slizovskiy D. E., Medvedev N. P. Afterword to the Article by O. G. Rumyantsev “On Some Political Science Aspects of the 2020 Constitutional Reform in the Russian Federation” // “Political Science Issues”. Volume 10, Issue 1 (35-28), 2020.

P.S. GONCHAROV

*Doctor of Sciences (sociology), Professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia*

V.N. MEDVEDEV

*Candidate of Sciences (law), Associate Professor,
the MIGS Ranepa, Moscow, Russia*

TO THE ISSUE OF LEGITIMACY OF POWER: THE SOCIO-POLITICAL ASPECT

In the review article, the authors attempt to analyze the content of E. N. Primova's article “On the Crisis of the Legitimacy of Power” and expand the context of the research problem of the legitimacy of power through the prism of society's assessment of the state of political stability. Emphasizing the scientific significance of the stated problem, the article discusses the profound changes in the state power systems in the conditions of information openness and globalization.

Key words: *legitimacy of power, public assessment, political stability, crisis phenomena, information openness, globalization.*

кандидат политических наук,
доцент кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва

магистр кафедры политического анализа и
управления Российского университета дружбы
народов (RUDN University),
Россия, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СЕРБИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящем исследовании, через призму понятия политического сознания, обозначены отличительные признаки формирования и развития политического сознания населения Сербии на современном этапе. В статье авторами рассматриваются основные ценности и установки граждан Сербии, анализируются факторы, влияющие на формирование политического сознания указанной страны. В работе представлены проблемные зоны и аспекты развития политического сознания в Сербии, предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: *сознание, политическое сознание, политическая стабильность, Сербия, идеология, политические процессы, демократия, политические технологии, политическая культура, политическая система, политические институты, демократия, СМИ.*

Политическое сознание – явление, которое исследуется многими специалистами в области философии, психологии, политических наук и социологии. В нем отображаются ценности, установки, политические и иные воззрения индивидуума. Само по себе сознание – это отражение нашего собственного «Я», так как все наши действия зависят от наших приобретаемых ценностей. «Человеческое сознание, его строение, невозможно понять вне связи с деятельностью и ее строением, поскольку оно является ее существенной составной частью» [2. С. 46].

Основоположники марксизма рассматривали сознание как результат политико-экономических обстоятельств. По словам К. Маркса то, что человек думает о жизни, власти и о себе, всегда является продуктом идеологических

сил. Политическое сознание в марксизме интерпретируется как отношение социально-экономических групп, т.е. классов [8. С. 152] и рассматривается с позиций идеологии и классовой теории, а национальная идентичность, общественное мнение и массовые настроения являются второстепенными. Из этого следует что, политическую идеологию мы можем определить, как сеть связанных между собой и морально-политических ценностей, и позиций о развивающихся целях общества и методах, с помощью которых эти цели достигаются. С помощью идеологии людям объясняется, почему они делают то, что делают, она структурирует их ценности и убеждения, направляет их политическое поведение, т.е. содержит когнитивную, аффективную и мотивационную компоненту. Как отмечает российский политолог Е.Б. Шестопад: «политическое сознание является важным элементом политики и его необходимо исследовать для того, чтобы им управлять» [7. С. 68]. Политическое сознание можно рассматривать с различных точек зрения. Например, с точки зрения бихевиорального подхода, или с точки зрения аксиологического подхода; также, при рассмотрении учитывается и влияние социальной принадлежности и позиции отдельных социальных групп [4. С. 60-70]. Рассмотрев ведущие подходы к определению политического сознания, можно сказать, что политическое сознание проявляется на уровне индивидуума в форме его установок, ценностей, убеждений, которые формировались в течение всей его жизни, повлияли на качество и структуру политических взглядов.

По словам сербского политолога З. Стойльковича политическое сознание создается критическим мышлением людей, коммуникацией, рационализацией своих представлений, а также познанием цели партийных и других движений, присоединение к уже сформированным группам [6. С. 87].

Политическое сознание граждан Сербии формировалось и развивалось в соответствии с историей самого государства и политических событий, которые в последствие повлияли на страну. К таким проблемам относятся: неоформленная новая система ценностей; неготовность к переменам, неискренность политических элит; доминация авторитарного характера и менталитета; нерешительность, недопонимание или манипуляция, когда вопрос идет о необходимых реформах в обществе и стране [5. С. 88]. Сербия всегда вела битву между определенными идеями и идеологиями: национальной, социальной и либеральной. Для Сербии периода XIX-XX века было характерно доминирование авторитарных установок, которое продолжается и по сей день. Такое поведение, как идолопоклонство к авторитету, консервативность в мышлении и поведении, недоверие к власти, повлияло на формирование определенного типа сознания граждан, которые боролись за национализм, свободу и популизм.

По словам З. Стойльковича, граждане воспринимают политический процесс как сферу конкуренции коррумпированных политических элит, полити-

ков и институтов. И видят элиты дееспособными в выполнении интересов общества, а само государство воспринимают как слабое и неэффективное [6. С. 91]. На уровне массового сознания доминирует состояние психологического дисбаланса, политической нестабильности и идеологической дисгармонии, поскольку, власть игнорировала интересы граждан и цели, которые они отстаивали в своей борьбе. Как следствие, у граждан Сербии преобладает чувство недоверия к СМИ, профсоюзам, НПО и, особенно, недоверие к политическим партиям. Из-за нежелания власти проводить базовые институциональные реформы, замещая их пустыми обещаниями, Сербия и сегодня сталкивается с системной коррупцией, высоким уровнем безработицы и экономической неразвитостью.

Подобные действия не способствуют развитию политической культуры, характеризуются низким уровнем участия граждан Сербии в выборах различного уровня. Граждане потеряли доверие к институтам и ключевым политическим акторам, и их политическое сознание не проявляется в реальной жизни. Политический и социальный портрет Сербии демонстрирует что, она глубоко разделена, и позиции граждан зависят от их политического самоопределения, национальной принадлежности, образовательного и социального статуса. Одна часть повернулась к будущему, вторая еще смотрит в прошлое, третья часть отличается нерешительностью, а четвертая уже перестала задаваться вопросами о том, что происходит в стране [3. С. 120].

Политическое сознание, и сам менталитет сербов характеризуется существованием таких ценностей как свобода, развитое чувство справедливости, открытость, равенство. Злоупотребление этими качествами в манипулятивных действиях власти приводит к противоположности: к недоверию и нежеланию участвовать в политической жизни. Сербь показывали и показывают амбивалентное отношение к своим лидерам, переходя от доверчивого и безрассудного поклонения к ненависти и презрению. Следует отметить, что в Сербии все более и более прогрессирует политический абсентеизм, что влечет за собой смену менталитета и отношения граждан к политической власти. Причинами такого проявления являются: нерешительность, аполитичность и деполитизация. Такое поведение также обосновывается тем, что сербы уверены в том, что именно власть может решить все проблемы, а не самоорганизованные граждане.

Таким образом, на формирование и развитие политического сознания влияют ценности, нормы, установки, политические и иные воззрения индивида, которые формировались в соответствии культурной и политической историей страны. После распада Югославии в сознании сербов находятся традиционные представления о патриотизме. До распада Югославии, в ней доминировал государственный патриотизм, который отличался диктатом государства, а не чувствами свободы, самостоятельности и ответственности граждан Сербии. На сегодняшний момент, в политическом сознании

общества Сербии, проявляются такие идеи как: идея свободы, всеобщее равенство перед законом, идея самооценности. В политическом сознании населения лежит идея патриотизма, которая отражает свободу, саморазвитие и самовыражение. Однако гражданам Сербии еще предстоит научиться анализировать и оценивать исторические события соразмерно с культурой мышления, способностью к обобщению и анализу информации для дальнейшей постановки целей и выбору способов их достижения на пути построения демократического государства [1. С. 41]. Предпосылками же к дальнейшей демократизации общества и закреплению демократических устоев могут послужить активное участие граждан в политической жизни, а также ответственный подход к выборам власти всех уровней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гришин О.Е., Жильцов С.С., Иванова Е.А., Михайлова Н.В., Попов С.И., Степанов С.А. Проблемы политической науки. М., 2014.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
3. Милан Подунавац. Политичка култура и политички односи. 2009.
4. Ольшанский Д. Основы политической психологии // «Деловая книга». 2001.
5. Радина Вучетић. Монопол на истину. Београд: Слио, 2016.
6. Стојиљковић Зоран. Грађани или поданици. Завод за издавање уџбеника, 2016.
7. Шестопал Е.Б. Политическая психология. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2018.
8. Шуленина Н.В. Вариант лекции на тему «Политика и Экология». М.: Изд-во «Учитель», 2012. № 3 (28).

S.I. POPOV

*Ph.D. in Political Science, Associate Professor,
Department of Policy Analysis and Management,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

M. SHOSHICH

*Master, Department of Policy Analysis and
Management, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia*

FORMATION AND DEVELOPMENT OF POLITICAL CONSCIOUSNESS IN SERBIA AT THE MODERN STAGE

In this study, through the prism of the concept of political consciousness, the distinctive features of the formation and development of the political consciousness of the population of Serbia at the present stage are identified. In the ar-

title, the authors consider the basic values and attitudes of the citizens of Serbia, analyze the factors that influence the formation of the political consciousness of this country. The paper presents the problem areas and aspects of the development of political consciousness in Serbia, and suggests ways to overcome them.

Key words: *consciousness, political consciousness, political stability, Serbia, ideology, political processes, democracy, political technologies, political culture, political system, political institutions, democracy, mass media.*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЖЕНЩИН В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

В каждом демократическом государстве есть институт, который призван решать проблемы, связанные с жизнью всего общества, ведет управленческую работу, рационализирует отношения между всеми субъектами (объектами). Создание и функционирование этого института не зависит от воли отдельного лица или группы (политической партии), он становится главным действующим лицом в социально-политическом процессе в соответствии с выражением субъектов, действующих в обществе в целом и выражающих свои разнообразные интересы. Его деятельность, законы и решения являются обязательными для общества, поскольку именно люди (избиратели) наделяют его полномочиями принимать нормативные акты, применимые к обществу в целом. Не зная имманентных законов высшего органа государственной власти, специфики его деятельности, трудно понять общественно-политическую роль в его деятельности субъектов в целом, в том числе женщин. В статье анализируется и освещается социально-политическая роль женщин в государственном управлении.

Ключевые слова: государственное управление, женщины, социально-политическая роль женщин, политическая партия, парламент, выборы, правительство, политическая активность.

Имманентные законы, присущие высшему органу государственной власти, особенности его деятельности отражаются в следующем.

Институт высшего государственного управления избирается народом. Согласно Закону «О выборах в Олий Мажлис Республики Узбекистан» (28 декабря 1993 г.) каждый гражданин, независимо от пола, расы и национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и социального положения, образования, типа и характеристики занятия имеют равное избирательное право. Выборы депутатов Законодательной палаты являются всеобщими (т.е. народом, равным и прямым голосованием при тайном голосовании), а члены Сената избираются тайным голосованием на совместных заседаниях Жогорку Кенеша Республики Ка-

ракалпакстан, областей, районов и городов [10. С. 5-6]. Согласно закону, граждане, достигшие 18-летнего возраста, имеют право голоса, чтобы быть избранными депутатом в 25 лет и президентом в 35 лет.

Выборы – «действенный инструмент легального обновления государственной власти» [13. С. 81]. Следовательно, выборы – одна из важнейших черт современной демократии, равноправия, механизм формирования и становления государственного управления, общественно-политических институтов. В то же время, как отмечает доктор юридических наук, профессор Э. Халилов, «свободные выборы – это не только способ формирования правительства, но и его ответственность перед народом» [13. С. 81].

Важно, чтобы все, независимо от пола, национальности или религии, участвовали в выборах в демократию и в высший руководящий орган на равной основе. Одно из основных требований демократии – участие женщин в выборах в высший орган власти.

В советское время также большое внимание уделялось вовлечению женщин в высший руководящий орган. Например, 34,9% депутатов, избранных в Верховный Совет Узбекистана, составляли женщины [9. С. 127]. Этот пример нельзя отрицать. Из 500 народных депутатов Верховного Совета двенадцатого созыва 418 (83,6%) были впервые избранными, из них 395 (79,0%) – высшие, 62 (12,4%) – ученые, кандидаты наук и доктора науки 69 (13,8%) были рабочими, 65 (13%) – колхозниками, 366 (73,2%) – служащими [13. С. 61]. Из них 42 процента женщин – крестьянки из рабочего класса; 21 процент – сотрудники; 12% – представители интеллигенции; 7 процентов занимали руководящие должности. В целом 36 процентов депутатов Верховного Совета республик Союза; 40% депутатов Верховного Совета автономных республик; 50 процентов народных депутатов областей, районов и городов составляли женщины [2. С. 5]. В то время ни в одной иностранной высшей государственной власти женщин было не так много. Например, в Конгрессе США 99-го созыва женщин было всего 24 (492 в Верховном Совете бывшего СССР, 259 в Совете Наций), а в верхней палате было всего 2 женщины [2. С. 5].

Кроме того, предоставляются различные льготы для оказания материальной и моральной поддержки женщинам, избранным в высший орган государственного управления. Например, получение бесплатного жилья в районе проживания, размещение детей в бесплатных детских садах, университетах, бесплатный проезд и содержание домработницы.

В тоже время следует отметить, что процедура избрания в высшую государственную власть бывшего СССР не носила юридически демократического характера. Потому что трудно было провести демократические выборы, когда у власти была одна партия. Правда, к 80-м годам прошлого века Верховный Совет ввел порядок выдвижения кандидатов по местам и собраниям.

Однако, по словам Э.Х. Халилова, сверху было решено, кто будет депутатом верховной власти, а второго кандидата просто выдвинули [13. С. 60]. Кроме того, избрание в верховную власть определенных социальных групп, в том числе женщин, не позволило повлиять на жизнь существующей системы, создать многомандатный избирательный орган. Централизованный административный орган был настолько укоренен, что мог передавать кого угодно в высшую инстанцию, и не имело значения, насколько депутат был осведомлен о законодательной деятельности, какие новшества он внесет в общественно-политическую жизнь как представитель народа. Даже среди депутатов в высших органах власти были те, кто занимал «почетные должности» по 10-15 лет, их не отзывали, перевыборы не проводились. В течение многих лет чиновники также могли избираться в высшие органы власти. Только Закон о выборах народных депутатов Республики Узбекистан, принятый 20 октября 1989 года, и специальное постановление Верховного Совета сделали возможным избрание в высшую инстанцию только Председателя Кабинета Министров [1. С. 96-142]. Самое главное, Верховный Совет был преобразован в постоянно действующий руководящий орган, до этого его депутаты приходили на заседания, созываемые каждые шесть месяцев, ограничиваясь голосованием по заранее подготовленным законам и документам. Сейчас представители верховной власти готовят законопроекты, рассматривают их и публично обсуждают. Службы Кабинета Министров Узбекистана, руководители секторов, председатель и члены Верховного суда, Главный арбитр и государственные арбитры, Комитет по конституционному надзору и его члены больше не избираются в высшую власть.

Вышеупомянутый закон предусматривает, что выборы проводятся на одномандатной и многомандатной основе. Количество кандидатов не было строго ограничено, избиратели имели возможность выдвинуть кого угодно. На выборах, назначенных Верховным Советом 20 октября 1988 года, один кандидат был выдвинут из 174 из 500 округов, два из 177 и три или более из 149. Многие кандидаты не набрали достаточного количества голосов на выборах, и по решению Верховного Совета были проведены перевыборы на 91 место. На этих выборах 208 кандидатов баллотировались на одно место в 4 округах, а в оставшемся многомандатном округе – всего 37 мест. В целом в первых многомандатных выборах приняли участие 33,5% избирателей, продемонстрировав преимущества демократических выборов и тот факт, что народ Узбекистана неравнодушен к социально-политическим изменениям. Для нас важно то, что 32 человека были выдвинуты кандидатами в 174 одномандатных округах и 118 женщин в 326 многомандатных округах. Правда, на выборах победили только 47 женщин, что составляет более 9,4 процента от 500 депутатов [7. С. 15]. Причины этого, на наш взгляд, следующие. Во-первых, у наших женщин не было опыта участия в открытых демократических выборах со своим кандидатом, социально-политиче-

ской борьбы за депутатский мандат. Одномандатный процесс выдвижения сверху вниз в советские времена положил конец склонности избирателей к участию в общественно-политических дебатах. Потому что согласно этой процедуре кандидат, выдвинутый сверху, независимо от того, голосуете вы за него или нет, победил на выборах и был избран в высшую инстанцию.

Во-вторых, хотя в закон о выборах были внесены определенные изменения, технология проведения выборов оставалась устаревшей. Например, в стране, где решение о создании многопартийного органа еще не принято, было ясно, что местные власти будут продолжать выдвигать кандидатов в высшие органы государственной власти. Э. Халилов справедливо заявляет: «право выдвигать кандидатов в Олий Мажлис в условиях недостаточного развития многопартийности предполагает, что выборы, конечно же, будут проводиться на основе альтернатив и дебатов. Следует отметить, что борьба за альтернативы и споры – важный аспект демократических выборов. Если есть варианты выбора того или иного кандидата и возможность беспрепятственно агитировать за предпочтительного кандидата, воля избирателя свободна. Создание условий для альтернативного и спорного борьбы было одним из самых слабых мест советских выборщиков. Хотя выборы в Верховный Совет Узбекистана в 1990 году проводились на альтернативной основе, они проводились по инерции, в условиях базового советского режима, на основе технологий, которые использовались десятилетиями» [14. С. 13].

В-третьих, начавшийся в стране социально-экономический кризис, нехватка, заставили наших женщин накормить больше семей, создав необходимые условия для здорового роста детей. Поэтому им приходилось беспокоиться об обеспечении благополучия своей семьи, а не баллотироваться в парламент и участвовать в социально-политической борьбе.

Выборы 1989-1990 гг. привели к совершенствованию избирательного корпуса. После обретения независимости начались серьезные исследования в этой области, обновление общественно-политической системы. 4 сентября 1993 года Закон «О выборах в Олий Мажлис Республики Узбекистан» был опубликован в печати для общественного обсуждения. Его обсуждали люди 4 месяца, поступило более 600 предложений и замечаний по совершенствованию закона. В результате многие статьи закона были приняты на четырнадцатой сессии Олий Мажлиса 28 декабря 1993 года в расширенном и уточненном виде, в соответствии с международными стандартами. 25 декабря 1994 года прошли первые выборы в Олий Мажлис – высшую государственную власть независимого Узбекистана. Выборы прошли в три тура: 25 декабря 1994 г., 8 января и 22 января 1995 г. В первом туре в Олий Мажлис было избрано 205 кандидатов, а в следующих – 45 кандидатов. Все депутаты имеют высшее образование, каждый седьмой депутат имеет ученую степень. Депутаты – народные представители от 30 до 50 лет. Из 250 депутатов 15 были женщинами.

Азимова М.А., генеральный директор Государственного акционерного мебельного производственного объединения «Файз», Юлдашева Г.Б., председатель правления Фонда «Здоровое поколение Узбекистана», Т. Мирзаева, хоким Косонсойского района, директор детского сада «Мустакиллик» Ангорского района М. Норбаева, хоким Самаркандского района Р. Хакимова, директор 14-й школы Самарканда З. Жасанова, первый секретарь Бешарикского районного совета Народно-демократической партии Узбекистана З. Холматова, хоким Багатского района Ш.Ю. Ходжаниязова, химик-физик Республиканская академия наук и директор института полимеров С.Ш. Рашидова, председатель колхоза имени Ш.М. Эгамова, председатель комитета женщин республики Д.М. Гуломова, председатель комитета женщин Сурхандарьинской области Б.А. Шодиева – первые женщины, избранные в Олий Мажлис Республики Узбекистан. Один из них – представитель Народно-демократической партии Узбекистана, другой – представитель Академии наук Узбекистана. Четыре женщины являются хакимами районов, две – председателями женских комитетов, остальные – руководителями различных трудовых коллективов. Их высшее образование и хорошее знание проблем общественной жизни были важны для их парламентской деятельности. Советская система была построена на передаче неграмотных рабочих и крестьян к высшей государственной власти, и теперь ясно, что такой подход не поможет законодательной власти эффективно функционировать. По этой причине в Высшую государственную администрацию будут избираться люди с высшим образованием, хорошо осведомленные о проблемах общественно-политической жизни и имеющие опыт работы с людьми. Однако число женщин на выборах 1994-1995 годов почти в три раза меньше, чем в 1989 году. В указанные периоды количество депутатов уменьшилось с 500 до 250, но количество женщин-депутатов увеличилось более чем втрое и составило всего 6% от 250 депутатов [8. С. 3].

Это, конечно, не соответствовало бы месту женщин в общем населении или их участию в политических партиях. Например, в 1991-1992 гг. Доля женщин в деятельности политических партий (прежде всего Народно-демократической партии Узбекистана) составляла 22,3%, в 1994 г. – 22,6%, в 2008 г. – 37,5%, а в 2012 г. – составила 50,0%. 42,2% членов Социал-демократической партии «Адолат» в 2006 г. (партия основана 18 апреля 2005 г.), 50,3% в 2008 г. и 50,0% в 2012 г.; В 1997 году 30 процентов членов Демократической партии национального возрождения (основана 3 июля 1995 года), 34,5 процента в 2000 году, 43,0 процента в 2008 году и 46,5 процента в 2012 году были женщинами. В 2006 году 24,0 процента членов Фидокорлар составляли женщины, а в 2008 году – 39,8 процента. 34,8% членов Либерально-демократической партии Движения предпринимателей и деловых людей Узбекистана (сформированной 3 декабря 2003 г.) в 2008 г. и 38,2% в 2012 г. составляли женщины [4. С. 11].

Понятно, что участие женщин в политических партиях имеет тенденцию к увеличению, но их избрание в Олий Мажлис пока невысокое. Это подтверждают следующие показатели. В Олий Мажлисе первого созыва было 2 женщины из 69 депутатов, 3 женщины из 47 депутатов Народно-демократической партии Узбекистана, 1 женщина из 14 депутатов Социал-демократической партии «Адолат». В Демократической партии национального возрождения женщин не было. Позже количество женщин в Олий Мажлисе увеличилось. Например, 21 женщина (18%) была избрана в Законодательную палату Олий Мажлиса в 2004 году, 15 женщин (15%) – в Сенат, а на выборах 2009 года – 22% и 15% соответственно [6]. 31,7% кандидатов Социал-демократической партии «Адолат», 32% кандидатов Демократической партии «Миллий Тикланиш», 30,6% кандидатов Народно-демократической партии, 33,3% кандидатов Либерально-демократической партии были женщины [11. С. 87]. Активизировалось участие политических партий в выборах, и находящееся под ними «женское крыло» проявило мужество в выдвижении кандидатов на высшую государственную власть. Например, на парламентских выборах 2004 г. 14 млн. Грн. За 495 кандидатов, выдвинутых политическими партиями, и 54 кандидата, выдвинутых инициативными группами избирателей, проголосовали 302 662 человека (85,1% электората). Наибольшее количество депутатов (34,2%) от Либерально-демократической партии Движения предпринимателей и деловых людей Узбекистана, 28 (23,3%) от Народно-демократической партии, 18 (15%) от партии Фидо-корлар, 11 (9,17%) депутаты от Демократической партии «Миллий тикланиш», 10 депутатов (8,33%) от Социал-демократической партии «Адолат», 12 депутатов (10%) от инициативных групп избирателей [3. С. 67]. На выборах в Олий Мажлис 27 декабря 2009 года количество депутатов увеличилось со 120 до 150, а количество подписей, собранных политическими партиями, было сокращено с 50 000 до 40 000. На выборы вышли более 18 миллионов человек. Политические партии выдвинули из своих рядов 517 кандидатов [12. С. 95-96]. С 2004 по 2009 год число женщин-депутатов выросло с 17,5 до 22 процентов. Из избранных в Законодательную палату Олий Мажлиса в 2014 году депутатов 24 или 16 процентов – женщины. В интервью телеканалу «Узбекистан» Сюзан Сканпак, руководитель Организации по правам женщин США, участвовавшая в выборах 21 декабря 2014 года, сообщила, что квота для женщин в Законодательной палате Олий Мажлиса Узбекистана составляет 30%. Он отметил, что квота для женщин в Палате представителей США составляет 20%, и США должны последовать его примеру.

Сегодня в Сенате 17 сенаторов, а в Законодательной палате 21 женщина. В местном совете более 23% народных представителей составляли женщины.

Также, по данным Избирательной комиссии 5 января 2020 года, 48 из 150 депутатов, переизбранных в Законодательную палату Олий Мажлиса, или около трети, были женщинами. Политические партии заняли следующие позиции:

53 места от движение предпринимателей и бизнесменов Либерально-демократической партии Узбекистана, 36 мест от Демократической партии Узбекистана «Миллий тикланиш», 24 места от Социал-демократической партии Узбекистана «Адолат», Народно-демократическая партия Узбекистана, он получил 22 места и 15 мест в Экологической партии Узбекистана. Это свидетельство растущего участия женщин в политических процессах нашего независимого государства.

Деятельность женщин в высшем руководящем органе не ограничивается выборами депутатов Олий Мажлиса, они участвуют во всей правовой, организационной, просветительской и пропагандистской работе руководящего органа. Сейчас они возглавляют женские секции более чем тысячи местных общественных собраний.

Возникает вопрос, кто в первую очередь должен быть депутатом. Важно знать социальный портрет депутата, какими личными и общими качествами он должен обладать. Потому что «отношение простых людей к депутату – это не только отношения между двумя гражданами, но и создание духовной, политической, нравственной и этической среды в обществе. Это означает, что эффективность производства в обществе, политическое и культурное развитие во многом зависит от настроения людей, в частности, от отношения к личности депутата. Исходя из этого общего взгляда, Б. Мустафаев и К. Назаров выделяют в депутатов следующие качества: «Народ – это нация со всеми ее достоинствами и недостатками. Настоящий депутат может заслужить уважение и честь народа, осознав это добро, мудро почувствовав его, умев объединить их и следовать за ними, а также своей практической работой по устранению упомянутых недостатков» [5. С. 7]. Действительно, социально-нравственные качества – это лицо, духовный образ, наличие депутата.

При этом депутаты выполняют различные задачи, связанные с их общественно-политической деятельностью – разработка законов, их обсуждение, контроль за их исполнением государственными органами, расследование жалоб и заявлений населения, отношение местных властей к ним. «Основная задача депутата в политической сфере – обеспечить полную реализацию принципа «От сильного государства к сильному обществу», выработать практические предложения и рекомендации по преодолению препятствий на пути гармонизации, способствовать созданию правовые основы» [5. С. 16-17].

Высший орган государственной власти возлагает на депутата высокие, сложные, ответственные обязанности. В основе этих задач лежит руководство народом, вселение в него уверенности и оптимизма в национально-демократическом развитии. Недостаточно требовать, чтобы депутат был грамотным, знал и любил свою профессию. Депутат должен быть человеком, который оказывает положительное влияние на общественно-политическую жизнь, объединяет людей, склонных к конструктивному мышлению, и служит стратегическим целям национального демократического развития. Он социально активный человек, вдохновляющий других.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1989. № 26-28.
2. Женщины в СССР. Статистические материалы. М.: Финансы и статистика, 1987.
3. Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон декларацияси ва Ўзбекистонда инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш миллий тизими. Тошкент: O`zbekiston, 2010.
4. Мустақил Ўзбекистон аёллари. Тошкент: «Истиқлол нури нашр.», 2013.
5. *Мустафоев Б., Назаров Қ.* Ким депутат бўлиши мумкин? Тошкент: ТДЮИ, 2004.
6. Народное слово. 3 июня 2011.
7. Саодат. 12-сон 1993.
8. Саодат. 2-сон 1995.
9. Союз нерушимый. 1922-1982 гг. Справочник. М.: Политиздат, 1982.
10. Ўзбекистон Республикасининг Қонуни. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисига сайлов тўғрисида. Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлиги. Тошкент, 2009.
11. Ўзбекистон Республикасининг Сайлов ва референдум тўғрисидаги Қонунлари. Тошкент: Ўзбекистон, 2010.
12. Ўзбекистонда демократик жамият қуриш назарияси ва амалиети. Тошкент: ИИВ Академияси, 2011.
13. *Халилов Э.Х.* Высший законодательный орган Республики Узбекистан // От формального представительства до реального парламентаризма. Тошкент: Ўзбекистон, 2001.
14. *Халилов Э.Х.* Сайлов тўғрисидаги Ўзбекистон қонунларининг қарори ва ривожланиши. Тошкент: Ўзбекистон, 1999.

G.Kh. BOYKUZIEVA

*Kokand State Pedagogical Institute,
Kokand, Republic of Uzbekistan*

SOCIO-POLITICAL ROLE OF WOMEN IN PUBLIC ADMINISTRATION

In every democratic state, there is an institution that is designed to solve problems related to the life of the entire society conducting managerial work and rationalizing relations between all subjects (objects). The creation and functioning of such institution does not depend on the will of an individual or a group (political party), it becomes the main actor in the socio-political process in accordance with the expression of the subjects acting in the society as a whole and expressing their diverse interests. Its activities, laws and decisions are binding for the society, since it is the people (the voters) who give it the authority to adopt

regulations that apply to the society as a whole. Without knowing the immanent laws of the supreme body of the state power, the specifics of its activities, it is difficult to understand the socio-political role in its activities of its subjects in general, including women. The article analyzes and highlights the socio-political role of women in public administration.

Key words: *public administration, women, socio-political role of women, political party, parliament, elections, government, political activity.*

DOI 10.35775/PSI.2021.66.2.006

УДК 32.323

С.И. МОРОЗОВ

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений,
политологии и регионоведения
Волгоградского государственного университета,
Россия, г. Волгоград*

К.М. МАКАРЕНКО

*старший преподаватель кафедры международных
отношений, политологии и регионоведения
Волгоградского государственного университета,
Россия, г. Волгоград*

ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ ФОРМ ПРОТЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

В рамках статьи представлен авторский анализ деструктивных форм протестной деятельности, а также технологий и методов, используемых властью для регулирования и минимизации данных практик. Цель исследования: выделить и систематизировать технологии регулирования и (или) минимизации деструктивных форм протестной деятельности в современной России. В качестве методологической основы исследования был выбран подход «соревновательной политики» Ч. Тилли, позволивший представить публичные протесты как механизмы изменения status quo в политическом пространстве России. Основным методом исследования был выбран анализ конкретных кейсов (case-study), позволивший на основе изучения частных случаев сформировать систему технологий, используемых российскими властями федерального, регионального и местного уровней для регулирования деструктивных протестов. Последние годы в России были отмечены ростом массовости и охвата аудитории протеста, в связи с чем для власти актуализировалась проблема сохранения устоявшихся «правил игры» и разработка стратегий борьбы с деструктивными проявлениями протеста, способными нанести вред личности, государству и обществу. В рамках данной статьи на основе практик использования различных инструментов и методов регулирования и минимизации деструктивных форм протестов,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31676.

используемых властью в современной России, было выделено три типа используемых технологий: репрессивные (насильственные); административно-правовые; политико-коммуникативные. Использование тех или иных технологий определяется характером противоборства в рамках «соревновательной политики», уровнем доступных к мобилизации ресурсов и уровнем доверия к представителям власти и оппозиции.

Ключевые слова: *политический протест, деструктивный протест, технологии противодействия протесту, публичное пространство, политический процесс в современной России.*

Принятие пенсионной реформы и взросление молодого поколения, период социализации которых проходил в «тучные» 2000-е под влиянием Интернета и формирующегося потребительского образа жизни, привели к увеличению массовости, охвата и популяризации различных форм массовой политики, в том числе публичных протестов. В виду возможности проявления как конструктивных (демократизация общества, улучшение «качества» коммуникации власти и общества, решение конкретных проблем), так и деструктивных (массовые стычки, увеличение уровня насилия, применение образа «врага» для идентификации политических соперников, раскол в обществе) последствий коллективных действий С.В. Патрушевым отмечалось, что «Публичные протесты являются наиболее противоречивой формой массовой политики» [12. С. 78].

В рамках данной статьи фокус исследовательского внимания направлен, прежде всего, на определение деструктивного протеста, а также тех технологий, которые используются властью для его регулирования и (или) минимизации. В качестве методологической основы исследования используется подход «соревновательной политики» Ч. Тилли, позволяющий представить политику как арену противоборства различных сил, где публичные протесты являются одним из механизмов перераспределения политического, экономического и символического капиталов.

Деструктивный протест отличается жесткой формой отстаивания «своих позиций в ущерб интересам других, провоцирует конфликты и насилие, создает угрозу безопасности как для субъекта, так и для социума в целом» [5. С. 92]. Деструктивные протесты отличает излишняя эмоциональность, отсутствие стремления к урегулированию конфликта. При этом психологическим основанием деструктивного протеста выступает острое чувство фрустрации, вызванное феноменом «относительной депривации».

Исследователь Конюхова А.И. выделяет ряд деструктивных функций политического протеста:

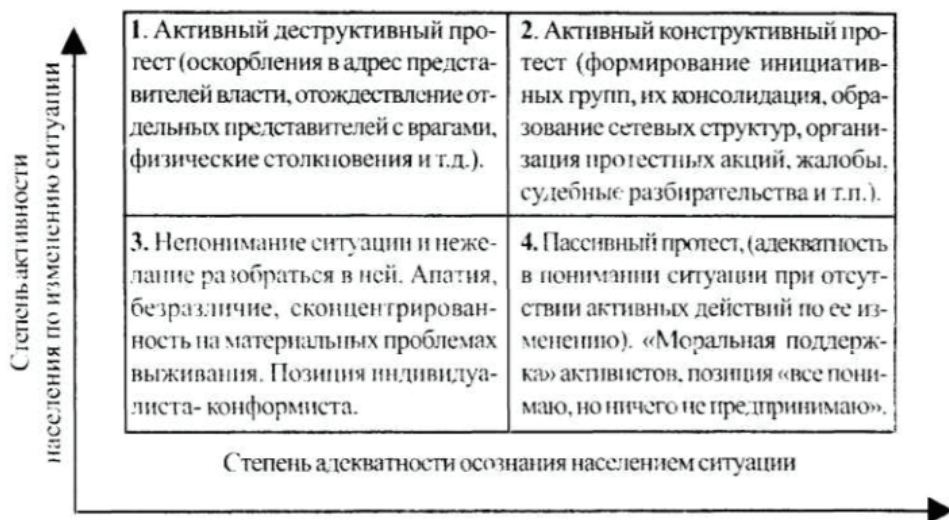
1. «Появление и/или расширение дихотомии «свой – чужой» («друг – враг») не только в горизонтальной плоскости («общество – власть»), но и по верти-

кали (т.е. между различными группами граждан и отдельными индивидами)» [10. С. 1580].

2. «Прекращение или сведение к минимуму взаимодействия между протестующими и властью» [10. С. 1581].

3. «Желание выиграть и/или оказаться правыми перевешивает желание найти выход из проблемы. Политический протест, который мог быть начат для того, чтобы власть увидела и услышала о существующей проблеме и решила ее, превращается в инструмент, при помощи которого протестующие начинают бороться с самой властью» [10. С. 1581-1582].

Крайне интересной выглядит схема реагирования населения на политические решения, ущемляющие потребности людей, предложенная О.В. Келасевым, С.В. Казаковым и А.Ю. Лейес.

Нас интересует протест, расположенный в 1 квадранте. Высокая степень активности, помноженная на низкую степень адекватности осознания населением ситуации, приводит к формированию деструктивных протестов. Так как любой протест не статичен, то возможность изменения, придания более конструктивных оснований и цивилизованных характеристик коренится в изменении коммуникации в системе «власть-общество» через, как отмечают авторы, «социальное просвещение граждан» [9. С. 107-108].

В современной России деструктивный протест становится все более актуальной проблемой. Так, на основе обобщенных результатов монито-

ринга СМИ на тему: «Публичные акции «нового протеста» июня 2018 – августа 2020 г.», проведенного в рамках реализации научного проекта № 20-011-31676 «Политико-коммуникативные технологии противодействия деструктивным формам «нового протеста» в публичном пространстве регионов РФ», при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, было выявлено, что деструктивная повестка, выражаемая в лозунгах протестующих, присутствует в 170 акциях из 310, т.е. в 55% от общего количества публичных протестных акций.

Деструктивные протесты в силу своей специфики и характерных черт не способствуют развитию диалога между властью и обществом. Оскорбления, придания образа «врага» политическому сопернику и физические столкновения создают угрозу для безопасности личности, государства, общества. В связи с этим государство, стремясь сохранить действующие «правила игры» (т.е. не только зафиксировать устоявшийся баланс отношений между властью и обществом, но и воспроизвести себя, свои функции, границы и приоритеты в неизменном виде), принимает действия для минимизации деструктивных проявлений протестов (при этом, зачастую, характеризуя некоторые протесты, не несущие угрозы безопасности личности и обществу как деструктивные). Хотелось бы выделить три категории технологий, которые используются для регулирования деструктивных форм протестной деятельности:

- 1) репрессивные (насильственные);
- 2) административно-правовые;
- 3) политико-коммуникативные.

Репрессивные меры подавления деструктивных форм протестной деятельности являются предметом изучения целого ряда политологических школ и отдельных экспертов. Среди целого ряда групп, исследующих репрессивные формы ответа на протестное поведение, сложился консенсус по поводу того, что репрессивный ответ со стороны государства наступает в том случае, когда протест воспринимается как угроза [19], претендующая на изменение status quo и пересмотр устоявшихся «правил игры».

Интересным является вопрос о том, как репрессивные меры влияют на динамику протестов. Окончательного ответа на данный вопрос нет, так как с позиций разных методологических подходов исследователи приходят к разным ответам. Так, например, классическая теория рационального выбора базируется на том, что репрессии приводят к увеличению «стоимости» участия в протестных акциях для отдельных индивидов, что приводит к переоценке их позиции относительно протеста. В свою очередь, теория «относительной депривации», наоборот, выдвигает тезис о том, что депривация протестующих (и сочувствующих) в ходе репрессивных ответов со стороны государства будет только нарастать. Отечественные исследователи А.С. Ахременко и И.Б. Филиппов отмечают, что ответ на поставленный

ранее вопрос может быть дан в рамках теории групповой идентификации, согласно которой насилие, применяемое по отношению к протестующим, способствует укреплению групповой идентичности [3. С. 205]. В подтверждение данного тезиса можно привести исследование коллектива авторов B. Simpson, R. Willer, M. Feinberg, которые установили, что применение методов насилия приводит к росту уровня поддержки для тех, по отношению к кому применяются инструменты насилия [20. С. 13].

На основе сравнительного сетевого исследования двух акций протестов (подавленного и неподдавленного полицией) Ахременко и Филиппов установили, что акция, подавленная полицией, вызывает более широкое и длительное обсуждение со стороны пользователей социальных сетей, имеет больший резонанс, а также продуцирует более высокое «качество» коммуникации, участия в обсуждениях (посты и комментарии) [3. С. 222].

Наиболее часто используемыми являются административно-правовые технологии воздействия на регулирование и (или) минимизацию деструктивных форм массовых протестных акций, который выражается в применении Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ. Митинг, по закону, требует согласования с местными властями, при этом у чиновников есть большой инструментарий несогласования митинга по ряду формальных признаков: близость опасных производственных объектов, органов государственной власти, судов, прокуратуры и т.д. [17]. В рамках реализации законных прав на проведения публичных мероприятий власти, как правило, согласуют проведение митингов на специальных местах, предусмотренных для проведения массовых мероприятий. Данные места находятся на окраинах городов, зачастую, в труднодоступных местах, вдали от традиционных мест проведения массовых мероприятий в центре городов. Подобная практика использования закона решает, с точки зрения власти, основную проблему: уменьшение доли протестующих, как в случае принятия альтернативной площадки, так и в случае ее неприятия, так как митинг приобретает статус несанкционированного, а значит индивидуальная «стоимость» участия граждан становится на порядок выше.

Наибольшее увеличение «стоимости» участия накладывается на организаторов акции, так как в случае проведения акции без согласования, в случае нарушений правил проведения публичных мероприятий, на организаторов распространяются санкции, определенные Кодексом об административных правонарушениях [11].

Помимо этого, самые жесткие меры реагирования могут быть направлены на оппозиционные организации, являющиеся непримиримо настроенными по отношению к власти. В данном случае на них может распространяться закон о противодействии экстремизму [18].

В диссертации Касовича А.А. отмечается практически полное отсутствие работ, направленных на исследование технологий минимизации протестной активности. При этом изучение силовых и репрессивных технологий управления политическим протестом в отечественной историографии присутствует [8. С. 76]. В связи с этим, особое внимание хотелось бы уделить политико-коммуникативным технологиям регулирования протестной деятельности. Политико-коммуникативные технологии объединяются в единую группу технологий, которые направлены на создание сообщений, нацеленных на осуществление влияния на поведение получателей сообщения [4. С. 144]. Опираясь на предложенную дефиницию, мы предлагаем выделить три конкретных политико-коммуникативных технологии, направленных на урегулирование/минимизацию протестной активности: дискредитация лидеров протеста и самого протеста в общественном сознании, медиация (переговоры), игнорирование.

Дискредитация – технология, которая применяется как протестующими по отношению к представителям власти, так и наоборот, однако в рамках данного исследования нас в большей степени интересует применение технологии дискредитации со стороны власти. Нарушение единства протестного движения – одна из целей власти, ради сохранения status quo. «Выполнение этой задачи обеспечивается, прежде всего, отслеживанием источников финансирования лидеров оппозиции, как от иностранных, так и от отечественных спонсоров. Власти могут предпринимать попытки дискредитации лидеров оппозиции перед рядовыми протестующими или основной массой населения. При этом информация компрометирующего характера не обязательно должна быть стопроцентно достоверной. Важнее средство трансляции – чем больше потенциальная аудитория, тем лучше» [8. С. 193]. Так, например, активная деятельность оппозиционного политика на видео-хостинге Youtube Алексея Навального нивелируются дискредитацией его образа в СМИ, подконтрольных власти. Сводный индекс доверия политикам, представленный на сайте ВЦИОМ, говорит о том, что доверие к Навальному с 01.11.2020 по 07.02.2020 упало на 2 процентных пункта [6]. В данном случае дискредитация образа Навального и его сторонников или последователей крайне важна для представителей власти, так как Навальный, в свою очередь, дискредитирует власть. Чем большую популярность приобретает Навальный среди молодежи, тем больший негатив он вызывает у более взрослого поколения, которое, в целом, отличается большей консервативностью и, в связи с этим, чаще поддерживает власть. Данная закономерность частично подтверждает опросами Левада-центр. В сентябре 2020 года на вопрос «Вы одобряете или не одобряете деятельность Алексея Навального?» 20% респондентов высказались, что одобряют (в мае 2013 так ответило 6%); при этом не одобряют – 50% (в мае 2013 – 35%) [2]. За семь лет значительно сократилось количество респондентов, незнакомых

с деятельностью оппозиционного политика, при этом рост процента одобряющих (14%) был нивелирован ростом процента тех, кто деятельность Навального не одобряет (15%).

Проблема малой изученности политико-коммуникативных технологий связана, прежде всего, с отсутствием устоявшихся практик взаимодействия власти и протестующих, т.е. единичные случаи взаимодействия, коммуникации между «сторонами конфликта» не приводят к формированию единого коммуникативного дискурса, поэтому власть и протестующие живут в разных системах координат, практически, не пересекаясь друг с другом.

В.Н. Нестерова отмечает, что медиация может стать одной из технологий регулирования политических конфликтов (протест, безусловно, является публичным выражением конфликта), однако возможным это становится при соблюдении ряда принципов, начиная с добровольности участия, заканчивая равноправием сторон, которые могут быть неприемлемыми для одной или обеих сторон конфликта [13. С. 86]. Медиация способна выступать эффективной технологией только в случае, когда стороны конфликта рассчитывают на дальнейшее взаимодействие. Данная технология является наиболее цивилизованной, так как предполагает формирование и развитие диалога между сторонами, однако, зачастую, медиация редко используется из-за наличия радикалов со стороны власти и протестующих, которые не приемлют переговоров со стороной соперников (а скорее, противников в политическом пространстве). В этой связи интерес вызывают некоторые отечественные протестные кейсы, в рамках которых использовалась технология медиации для их регулирования (кейсы будут затрагивать, как правило, только аспект медиации, а не полный цикл протеста, начиная от его активизации, заканчивая затуханием).

Одним из наиболее значимых гражданских (вопрос культуры и застройки) протестов 2019 года стала серия публичных акций по поводу строительства храма на месте сквера в Екатеринбурге. Развивающийся внутри одного из микрорайонов города конфликт привел к серии стихийных протестных акций, которые постепенно переросли в столкновения сторонников и противников строительства храма. Данный кейс крайне интересен, так как конфликт регулировался на двух уровнях вертикали власти: 14 мая губернатор Свердловской области Е.В. Куйвашев вел переговоры с протестующими, а 16 мая – медиатором выступил президент России В.В. Путин, предложив провести опрос, который показал бы реальное отношение граждан к строительству храма. «Нужно не перетягивать канат и не ругаться друг с другом, а сесть и договориться. А городские власти, региональные власти должны заниматься именно этим – найти оптимальное для проживающих там людей решение» [14].

В конце ноября вынужденные переговоры между чиновниками и протестующими случились в Новокузнецке, после того как недовольные транс-

портной реформой горожане отказались покидать здание администрации. Чиновники местной администрации и представители рассерженных горожан вели переговоры около 5 часов, однако к консенсусу не пришли. Протест был урегулирован лишь после того, как мэр города Сергей Кузнецов пообещал улучшить транспортную сеть и наполнить город новыми маршрутами [7]. Губернатор Кемеровской области Сергей Цивилев также принял участие в регулировании сложившегося конфликта, проинспектировав ход реализации транспортной реформы, а также пообщавшись с пассажирами [15]. Сергей Цивилев не раз принимал непосредственное участие в регулировании конфликта власти и общества в регионе. В 2018 году, будучи вице-губернатором Кемеровской области, Цивилев извинялся и вставал на колени перед митингующими после пожара в торговом центре «Зимняя вишня», что было встречено аплодисментами и расценено как попытка цивилизованного ответа власти на требования митингующих.

Одним из символов «мусорного кризиса» в России стала серия протестов с требованием остановить строительство мусорного полигона «Шиес» в Архангельской области. 26 августа врио губернатора Архангельской области Александр Цыбульский побывал на месте строительства мусорного полигона, встретился с активистами и населением, а также в форме открытого диалога выразил свою позицию: «Я от своих слов не отказываюсь. Полигон будет закрыт!» [1].

В двух последних случаях Сергей Цивилев и Александр Цыбульский представляются как региональные руководители нового типа, готовые на компромиссы, переговоры и уступки в отличие от своих предшественников. Медиация со стороны подобных региональных руководителей в случаях публичных конфликтов логично встроена в концепцию «новой искренности», готовности вести диалог с гражданами на самые сложные, неприятные и непопулярные темы. В случае Екатеринбурга был очевиден вклад В.В. Путина в разрешение конфликта, который сыграл роль внешнего медиатора в ситуации, вышедшей за рамки города и региона.

Однако, стоит понимать, что не все главы регионов готовы реализовывать подобные запросы населения. В связи с этим, интересен кейс отсутствия переговоров между протестующими и временно исполняющим обязанности главы региона в Хабаровском крае. Хабаровские протесты 2020 года отличались как массовостью, так и длительностью, что нетипично для региона и в целом для России (ранее подобной длительностью отмечались протесты гражданского характера, связанные с вопросами экологии, застройки и обманутых дольщиков). Несмотря на то, что тезисы и требования, протестующих явно перешагнули уровень региона, переговорного процесса по улаживанию обстановки не последовало, так как на призывы протестующих «Дегтярев, выходи», врио главы региона отметил, что не позволит протестующим диктовать ему «выходить или не выходить» [16].

Игнорирование, таким образом, является одной из применяемых политико-коммуникативных технологий регулирования деструктивных протестов. При этом, данная технология может быть достаточно эффективной, так как протестующие, не получая ответа на свои действия, тратят мобилизованные ресурсы и снижают интенсивность и массовость протеста.

Исследование должно иметь более полный и обобщающий характер, однако краткий анализ практик использования политико-коммуникативных технологий урегулирования и (или) минимизации деструктивных протестов, а также разбор конкретных случаев (кейсов) использования данных практик в современной России позволяет сделать ряд промежуточных выводов:

1. Использование различных технологий регулирования и минимизации деструктивных форм протестной деятельности определяется рядом параметров: уровнем угрозы со стороны протестующих для власти; радикальностью лозунгов и требований; потенциальными масштабами протеста; предполагаемым объемом мобилизуемых ресурсов противоборствующих сторон.

2. Дискредитация используется как на федеральном, региональном, так и на местном уровнях, что проявляется в придании негативной коннотации образу как лидеров протеста, так и самих протестующих. Основная задача состоит в выводе протеста в область маргинальности для создания диспозиции «свой/чужой».

3. Медиация используется в качестве политико-коммуникативной технологии регулирования деструктивных форм протестной деятельности в рамках массовых региональных протестов, как правило, связанных с некомпетентностью местных чиновников. Так как стороны конфликта рассчитывают на дальнейшее взаимодействие, то, в таком случае, глава региона способен сыграть роль внешнего медиатора для улаживания сложившейся ситуации.

4. Игнорирование применяется властью в случаях, когда лозунги протестующих имеют явный деструктивный характер, а решение вопроса не является прерогативой региональной власти. В данном случае глава региона выпадает из цепочки лиц, способных решить назревшую проблему, и остается лишь в качестве объекта для критики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Александра Усачева: «Есть надежда, что вопрос Шиеса будет решен в пользу людей и природы // Регион 22. Информационное агентство. 28.08.2020 // <https://region29.ru/2020/08/28/5f489fc1174fd7400444dbc2.html>.
2. Алексей Навальный: отношение и отравление // Левада-центр. 02.10.2020 // <https://www.levada.ru/2020/10/02/aleksej-navalnyj-otnoshenie-i-otrvlenie/>.
3. Ахременко А.С., Филиппов И.Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

4. *Гайсина Э.И.* Политико-коммуникативные технологии: понятие и сущность // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Том 153. Кн. 5.

5. *Гусейнов А.Ш.* Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2.

6. Доверие политикам // ВЦИОМ // <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam>.

7. Жители Новокузнецка заняли мэрию, протестуя против транспортной реформы. Из-за нее на остановках скопились толпы людей, а водители не знали, куда ехать // Meduza. 25.10.2020 // <https://meduza.io/feature/2020/11/25/zhiteli-novokuznetska-zanyali-meriyu-protestuya-protiv-transportnoy-reformy-iz-za-nee-na-ostanovkah-skopolis-tolpy-lyudey-a-voditeli-ne-znali-kuda-ehat>.

8. *Касович А.А.* Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2015.

9. *Келасьев О.В., Казаков С.В., Лейес А.Ю.* Специфика коммуникации власти и населения в контексте массового публичного протеста // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № I (34).

10. *Конюхова А.И.* Конструктивное и деструктивное в политическом дискурсе // https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32335/1/klo_2015_189.pdf.

11. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

12. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

13. *Нестерова В.Н.* Специфика политических конфликтов и медиативные технологии как возможность их урегулирования // Дискуссия. 2016. № 8 (71).

14. Путин предложил провести опрос жителей о строительстве храма в Екатеринбурге // ТАСС. 16 мая 2019 // <https://tass.ru/obschestvo/6438294>.

15. Сергей Цивилев прибыл в Новокузнецк. Глава региона сообщил, что маршруты общественного транспорта откорректируют // Сибдепо. Журнал о жизни в Кузбассе. 26.10.2020 // <https://sibdepo.ru/news/sergej-tsvilev-pribyl-v-novokuznetsk.html>.

16. *Таиров Р.* «Их мнение не единственное в крае»: временный глава Хабаровского края объяснил отказ выходить к протестующим // Forbes. 22.07.2020 // <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/405607-ih-mnenie-ne-edinstvennoe-v-krae-vremenny-glava-habarovskogo-kraja>.

17. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ (последняя редакция) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/.

18. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant.ru/12127578/#ixzz6mfIIxFD0>.

19. *Davenport C.* State repression and political order. *Annual Review of Political Science*. 2007. Vol. 10.

20. *Simpson B., Willer R., Feinberg M.* Does Violent Protest Backfire? Testing a Theory of Public Reactions to Activism Violence // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. 2018. V. 4.

S.I. MOROZOV

Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Chair of international relations, political science and regional studies, Volgograd State University, Volgograd, Russia

K.M. MAKARENKO

Senior Lecturer at the Chair of international relations, political science and regional studies, Volgograd State University, Volgograd, Russia

TECHNOLOGIES FOR REGULATING DESTRUCTIVE FORMS OF PROTEST ACTIVITY IN MODERN RUSSIA¹

The article presents the author's analysis of destructive forms of protest activity, as well as technologies and methods used by the authorities to regulate and minimize these practices. Purpose of the study: to highlight and systematize technologies for regulating and (or) minimizing destructive forms of protest activity in modern Russia. As a methodological basis for the study, the approach of "competitive politics" by Charles Tilly was chosen, which made it possible to present public protests as mechanisms for changing the status quo in the political space of Russia. The main research method was the analysis of specific cases (case-study), which made it possible, based on the study of particular cases, to form a system of technologies used by the Russian authorities at the federal, regional and local levels to regulate destructive protests. Recent years in Russia have been marked by an increase in mass and audience coverage of protests, in connection with which the authorities have actualized the problem of preserving the established "rules of the game" and developing strategies to combat destructive manifestations of protest that can harm the individual, state and society. Within the framework of this article, on the basis of the practice of using various tools and methods of regulation and minimization of destructive forms of protests used by the authorities in modern Russia, three types of technologies

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31676.

used were identified: repressive (violent); administrative and legal; political and communicative. The use of certain technologies is determined by the nature of the confrontation within the framework of “competitive politics”, the level of resources available for mobilization and the level of trust in the representatives of the authorities and the opposition.

Key words: *political protest, destructive protest, technologies of countering protest, public space, political process in modern Russia.*

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ

В данной статье представлен анализ понятия миграции в призме политической, философской и социальной синергетики. Рассматривается сущность современных миграционных процессов, социально-политические и философские основы миграции. Данная работа представляет систематизацию и выявление точек соприкосновения между политикой и миграционными процессами в контексте их философского осмысления. Нас интересует, насколько сильно и каким образом имеют взаимосвязь политика и философия в процессе миграции. Определено, что при анализе современных миграционных процессов важную роль играют как политическая, так и философская методологии, которые имеют между собой четкую теоретическую взаимосвязь. Выделены основные концептуальные аспекты процесса миграции, влияния на него политико-философских факторов. Раскрыта суть политического и философского подходов при исследовании миграции.

Ключевые слова: миграция, политика, философия, общество, адаптация, культура.

Миграция представляет собой сложное и многогранное явление, берущее свое начало тысячелетия назад. Желание перемещаться из одного места в другое с целью открытия новых культур и ценностей всегда было присуще человеку, имеющему склонность к саморефлексии и познанию чего-то нового. Согласно концепции известного французского социолога Марсея Мосса, миграция – это тотальное социальное явление, а его размеры и влияние настолько обширны и взаимосвязаны, что невозможно анализировать каждый элемент изолированно [6. С. 416].

У понятия миграции существует несколько измерений (экономическое, политическое, культурное, философское), и каждое из них устанавливает определенные ориентиры для миграционных процессов и методов их исследований [5. С. 69-78]. Концепция, включающая политический аспект, делает упор на объеме традиционных понятий гражданства и национальности,

а также на участие мигрантов в различных социальных и общественных движениях. Философская концепция миграции концентрируется на существенных и ценностных характеристиках, пытаясь объяснить фундаментальные основы [8. С. 16-25]. Таким образом, благодаря философскому подходу при исследовании миграционных процессов возможно объединить все имеющиеся знания о миграции в единое целое [14. С. 75]. В связи с этим, при комплексном политико-философском подходе возможно выявить наиболее глубокие и важные аспекты всей структуры миграционных процессов.

Несмотря на то, что философия и политология по-разному подходят к анализу процессов миграции, существуют общие теоретические основы, объединяющие оба направления. В рамках политологии миграция может быть эмпирически исследована в четырех измерениях [21. Р. 3-6]:

- человек-гражданин как актор миграционных процессов;
- гражданская идентичность и ее политический образ;
- политическая система;
- результаты институциональной деятельности.

Необходимо отметить, что первые два измерения относятся к производным философского аспекта миграции. Таким образом, в области миграции, философия и политология имеют общие теоретические основы. Данный фактор объясняет важность их междисциплинарного соединения при подходах к исследованию миграционных процессов [17].

Более того, помимо общей теоретической основы, политология и философия сталкиваются с одинаковой проблемой сложности миграционной динамики. Обе науки объясняют, как следует управлять миграцией, но не проверяют на практике, можно ли ей управлять. Миграция – это многогранный процесс, который связан, в частности, с развитием, конфликтами, изменениями окружающей среды, рынками труда и особенностью народов и домашних хозяйств. В связи с этим, миграционная политика, независимо от ее направленности, регулярно не достигает своих первоначальных целей, главным образом из-за того, что рыночная динамика бросает вызов регулирующим механизмам государств и правовым нормам, которые сдерживают стратегии правительств [19. Р. 864-867].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 12; 13; 27].

Однако проблему всестороннего теоретического осмысления современных миграционных процессов нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Целью данной статьи является попытка систематизировать точки соприкосновения между механизмом миграционных процессов и политико-философскими подходами. Это необходимо для последующего детального изучения основ современной миграции.

Социально-политические основы миграции. Из всех наук, исследующих миграцию, политология последней пришла к изучению данного процесса. Другие дисциплины, такие как социология, экономика и философия, раньше всего выявили многогранность миграции [9. С. 82-85]. Несмотря на это, после того, как политологи включили в свои тематические интересы миграционные вопросы, им удалось внести вклад в создание еще зарождавшейся теории миграции [17]. Таким образом, первый дисциплинарный подход к исследованию миграционных вопросов состоялся в рамках анализа государственной политики. Первоначально, основное направление политических исследований было сосредоточено только на объекте политических институтов принимающих обществ. Сегодня, решающее значение имеет эффективность политических институтов в миграционных процессах, другими словами – именно процесс политических действий.

Необходимо отметить, что политология исследует связь между самим явлением миграции и действиями государств. Таким образом, политическая власть рассматривается в качестве инициатора социальных изменений в призме институционализации миграционных потоков (как на уровне эмиграции, так и на уровне иммиграции) [11. С. 15]. В данном контексте можно выделить три различных направления исследований, благодаря которым политология интегрировала миграцию в свою исследовательскую сферу. Первое направление исследует поведение властей в области миграционного контроля, т.е. их эффективность в установлении правил въезда и выезда мигрантов [18. Р. 5-9]. Второй подход направлен на изучение того, как миграция формирует традиционную концепцию суверенитета и как мигранты влияют на внутреннюю безопасность государств [17]. В рамках третьего направления, политология исследует политические особенности процессов интеграции мигрантов в различные аспекты социальной жизни в принимающих странах (трудовой, экономической, гражданской, культурной, религиозной) [2. С. 36-42]. Это направление исследований основано на предположении о том, что миграция изменяет социальные модели и, тем самым, влияет на политическую систему.

Тем не менее, в политической науке существуют подходы исследования миграции, которые еще не были достаточно разработаны. В качестве примера выступает то, что связано с исследованиями по гражданско-политической интеграции мигрантов в принимающих государствах. Также, процесс изменения и осмысления мигрантами понятия о гражданстве требует более глубокой разработки проблемы. Несмотря на то, что данным вопросам было уделено много внимания, политические ученые не вложили достаточную глубину в разработку новых теоретических основ, поскольку они использовали уже имеющуюся методологию таких дисциплин, как социология и философия, необходимую для последующих исследований [23].

Следующая проблема политического подхода – это генерация и обработка данных, предусмотренных традиционной парадигмой политической культуры, которая основывается на трех аргументах. Первый затрагивает чрезмерный психологизм и трудности, связанные с построением теоретических мостов между индивидуальными характеристиками и признанными атрибутами конкретной политической системы [15. С. 165-169]. Второй связан с тем, что авторы уделяют особое внимание идеальной модели демократии, что, по мнению некоторых критиков, сводит к минимуму возможность культурных изменений и свидетельствует о наличии высокой степени социально-культурного этноцентризма и незнания культурного разнообразия внутри обществ [16. Р. 1077-1105]. В-третьих, при методологическом подходе к разработке концепции политической культуры используются лишь методы количественного анализа без упоминания о его возможных ограничениях [20. Р. 139-142].

Миграция и философское осмысление. Говоря про философский аспект миграции, мы должны учитывать, что разные философские школы по-разному оценивают и понимают феномен миграции. Более того, осмысление феномена миграции значительно менялось за последние столетия, так как он напрямую связан с текущим состоянием развития мирового сообщества и постоянно меняющихся моральных норм и правил. Так как нас интересует текущая интерпретация философии миграции, мы обратимся к трудам современных американских политических философов Дэвида Миллера и Хосе Хорхе Мендосы, которые, как нам кажется, сформулировали основные принципы политической философии миграции, максимально характеризующие современное общество [22; 23].

На основании двух данных теорий мы можем обозначить основные принципы современной философии миграции. Первый принцип называется «слабый космополитизм». В рамках слабого космополита обозначается равная ценность всех людей, но считается морально совместимым акцентирование внимания на национальной принадлежности, то есть, национальной особенности страны-реципиента. Другими словами, мигрант воспринимается как гость в новом обществе, под правила и особенности которого он должен подстроиться [23]. В контексте миграции, сильный космополитизм требует международной политики «открытых границ», тогда как слабый космополитизм диктует только то, что политика страны не может нарушать чьи-либо права, а иногда должна активно их защищать, как в случае с беженцами [7. С. 87-92].

Второй принцип – это национальное самоопределение. Миграция может привести к значительным изменениям в стране, и граждане демократических стран имеют право сами определять необходимость и эффективность данных преобразований для их общества [23]. Очевидно, что при решении миграционных вопросов, государства преследуют экономические, гума-

нитарные или социальные цели, направленные на процветание общества и государства. Тем не менее, граждане вправе решать, является ли миграция необходимой для их страны или региона, а также какие последствия может принести.

Третий принцип можно сформулировать как «справедливость». Цель миграционной политики государства должна быть такой, которую потенциальные мигранты примут как разумную (даже если на практике они с ней не согласны) [22]. Например, государство может принимать только высококвалифицированных мигрантов, если это соответствует его экономическим целям, несмотря на то, что такая политика может быть непопулярной среди остальных категорий мигрантов. Напротив, для государства незаконно принимать только людей определенного цвета кожи и вероисповедания или проводить «временную» миграционную политику, которая будет экономически выгодная, но приведет к полупостоянной двухкастовой системе [10. С. 105-117].

Четвертый принцип – социальная интеграция. Его не следует путать с ассимиляцией. Он подразумевает, что получение гражданства для мигрантов не должно основываться на отказе от идентичности, ценностей и обычаев их прошлой жизни [22]. Социальная интеграция требует определенных обязательства, а также некоторую гибкость от всех участников. Например, данный принцип поддерживает идею «интеграционных контрактов», которые многие страны требуют в последние годы от потенциальных соискателей постоянных резиденций. Данный процесс включает в себя занятия и тесты на знание языка, культурных особенностей и истории страны. Основной необходимостью данного принципа является тот факт, что с точки зрения базовой психологии, большинство людей склонны помогать и сочувствовать тем, кто имеет с ними что-то общее [25. Р. 18-23]. Другими словами, мигрант должен ощущать себя частью нового общества и активно в него интегрироваться, иначе процесс принятия его новым обществом будет затянут или вовсе невозможен.

Пятый и последний принцип – это безопасность. Сегодня западная политическая философия озабочена вопросами безопасности, с одной стороны, и свободы, с другой [26. Р. 249-250]. В связи с этим, миграционная политика в значительной степени застряла перед особой «дилеммой», так как, в определенных случаях, мигранты могут представлять угрозу для принимающего общества [3. С. 35-50]. Примером данного феномена может служить текущая ситуация с беженцами в Европейском Союзе, которые представляют существенную угрозу внутренней безопасности многих стран. В данном контексте, безопасность рассматривается как основная цель суверенитета и, следовательно, предоставляет суверену полную свободу действий. Тем не менее, наделение суверена такой властью может поставить под угрозу безопасность человека из-за переизбытка властных полномочий.

Заключение. В ходе данной работы определено, что исследование миграции требует комплексного подхода, включающего аспекты политологии, социологии, философии и экономики. Следует отметить, что политологи уделяют большое внимание исследованию культурных и социально-демографических характеристик представителей принимающего общества, которые положительно или отрицательно реагируют на миграцию. Тем не менее, в рамках данной дисциплины мало сделано для исследования гражданских черт вновь прибывших мигрантов и тех факторов, которые могут повлиять на это [18; 22]. Очевидно, что не все области заслуживают равного уровня анализа. Таким образом, изучение государственной политики в области управления миграцией имеет первостепенное значение в сравнении с контролем за процессами гражданской и политической интеграции иммигрантов в принимающих обществах. Сегодня эта тенденция меняется, и политология все больше озабочена тем, чтобы получить более подробную информацию о процессе (повторной) политической социализации, через которую проходят мигранты, и о том, что это означает в плане преобразования их политической культуры [24]. Этот процесс невозможен без сопутствующего философского анализа.

Руководствуясь теоретической основой данного исследования, мы можем выделить две основные точки соприкосновения между политикой и миграционными процессами в контексте их философского осмысления. Главной общей чертой является то, что наряду с философией, политология исследует процесс интеграции мигрантов в различные аспекты социальной жизни общества. Данные вопросы касаются, как и осознания мигрантами места в новом обществе, так восприятие социума относительно причин, побудивших мигрантов переехать. Следующей точкой соприкосновения являются рамки национального самоопределения принимающих обществ. Данный процесс актуален в первую очередь для демократических обществ и основывается на процессе принятия политических решений о необходимом масштабе и качестве миграции. В нем содержится ответ на вопрос, почему одни государства принимают много беженцев, а другие ищут только высококвалифицированные кадры.

В заключении необходимо отметить, что миграция иногда представляется как «не глобальная» проблема, глубоко укоренившаяся в национальных рамках и поэтому подверженная риску проявления некоторых традиционных принципов управления и осмысления. Однако миграция чрезмерно всеобъемлющая, поскольку она характеризуется глобальным конкурентоспособным рынком труда, который способствует эксплуатации прав и злоупотреблению властью в мировом масштабе и ведет к крайне дерегулированному неолиберальному невмешательству. Таким образом, как описано в рамках данной работы, исследование миграции возможно только при комплексном междисциплинарном подходе, который должен включать как политические, так и философские аспекты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У. Правовые основы современных миграционных процессов в Республике Казахстан // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).
2. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16.
3. Вечканов Г.С. Актуальные проблемы российской миграции // Экономист. 2013. № 5.
4. Гаджимурадова Г.И., Апанович М.Ю., Медведь В.А. Секьюритизация миграционной политики стран Европы в эпоху миграционной турбулентности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 10 (67).
5. Горинова Е.В. Миграция населения как объект социально-синергетического осмысления в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (20).
6. Гофман А.Б. Марсель Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисловие, вступит. М.: КДУ, 2011.
7. Демидова М.В. Социальные риски в условиях символического капитализма: философия и методология исследования // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 5 (44).
8. Демин И.В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1.
9. Дыжгин С.Е. Социально-философский анализ проблемы национального самосознания мигранта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. Ч. 2.
10. Метелев И.С. Миграция и адаптация. Социально-философский аспект. Философские науки. 2011. № 10.
11. Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6.
12. Прончева Н.Г., Прончев Г.Б., Калинич В.С. Об особенностях миграционных процессов и миграционной политики в России в 2020 году // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68).
13. Рязанцев С.В., Леденева В.Ю. Интеграция иммигрантов в условиях этнодемографических трансформаций регионов России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 12 (69).
14. Самофалова Е.И. Методология анализа образовательной миграции в социальной философии в отечественной мысли // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50.

-
15. Устьянцев В.Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. № 2.
16. Belot M., Ederveen S. Cultural barriers in migration between OESD countries // J. Popul Econ. 2012. № 25.
17. Brettell B., Hollifield J. Migration Theory. Talking across disciplines. New York, Routledge, 2008.
18. Brochmann G., Hammar T. Mechanisms of Immigration Control. Oxford, Berg, 1999.
19. Castles S. The Factors that Make and Unmake Migration Policies // International Migration Review. 2004. № 38 (3).
20. Garcia J.R. Critica de la teoria de la cultura politica. Revista Politica y Cultura. 2006. № 26.
21. Go J. Facts, principles, and global justice: does the 'real world' matter? Critical Review of International Social and Political Philosophy, 2020. DOI: 10.1080/13698230.2020.1811541.
22. Mendoza J.J. The moral and political philosophy of immigration: Liberty, security, and equality. Lexington Books, London, 2016.
23. Miller D. Strangers in Our Midst: The Political Philosophy of Immigration. Harvard University Press, 2016.
24. Moyano P. El estudio de las migraciones en la Ciencia Política Un intento de sistematización Autores: Localización: Ciencia Política, 2010. Vol. 5. N° 9.
25. Pécoud A. Philosophies of migration governance in a globalizing world, Globalizations, 2020. DOI: 10.1080/14747731.2020.1774316.
26. Poeggel T.J. The moral and political philosophy of immigration: Liberty, security, and equality. Contemp Polit Theory, 2018. № 17 // <https://doi.org/10.1057/s41296-017-0173-4>.
27. Syzdykova, Z., Medvedev, N., Suleymanova, S., Nazarova, E., & Volokh V. (2020). Governance of Cross-Border Migration in Asia . Space and Culture, India, 7(4), 264-273. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i4.568>.

A.D. BRAGIN

*PhD Student, Junior researcher of the Institute
for Demographic Research of FCTAS RAS,
Moscow, Russia*

POLITICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF MIGRATION

This article presents an analysis of the concept of migration in the context of political, philosophical and social synergetic. The essence of modern migration processes, socio-political and philosophical bases of migration are considered. This paper presents the systematization and identification of common points

between politics and migration processes in the context of their philosophical comprehension. We are interested how strong and in what way are politics and philosophy interlinked in the migration process. It is determined that in the analysis of modern migration processes an important role is played not only by political, but also by philosophical methodologies, which have a clear theoretical relationship. The main conceptual aspects of the migration process and the influence of political and philosophical factors are highlighted. The essence of political and philosophical approaches in the study of migration is revealed.

Key words: *migration, politics, philosophy, society, adaptation, culture.*

«ПОДТАЛКИВАНИЕ» В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В данной работе автор исследует применение поведенческих технологий в современном государственном управлении и их трансформацию в условиях развития инструментов сбора, обработки и анализа больших объемов данных. В статье рассмотрен один из распространенных в настоящее время поведенческих подходов, применяющихся при разработке и реализации государственной политики – инструменты «подталкивания», или «nudge»-технологии. В основе последних лежит создание «архитектуры выбора», которая позволяет изменять поведение людей без использования силы, рычагов административного давления и не используя рычагов экономического давления. Архитектура выбора формируется, исходя из знаний об иррациональности человеческого поведения, подверженного многочисленным когнитивным искажениям, а также эвристикам, к которым прибегает человек в процессе принятия решений. На материалах экспертных интервью проведен анализ феномена больших пользовательских данных, выделены ключевые их категории: экономические, социальные, физические, личностные и поведенческие. Анализ совокупности этих данных о человеке дает возможность выявить значимые паттерны в его поступках и процессе принятия решений. Поскольку инструменты «подталкивания» основываются на знании природы людей, их психологии и иррациональности, в сочетании с технологиями больших данных эффективность поведенческих воздействий существенно возрастает. Таким образом, автор делает вывод о преобразовательном потенциале Big Data для поведенческого инструментария государственного управления.

Ключевые слова: *Big Data, большие пользовательские данные, поведенческая экономика, подталкивание, надж-технологии.*

Стремительное развитие наук о человеке, его поведении и особенностях мышления привело к разработке и внедрению в экономике, политике, со-

циальной сфере принципиально новых методов управления. Государственный сектор не стал исключением: одним из распространенных в настоящее время поведенческих подходов, применяющихся при разработке и реализации государственной политики, являются инструменты «подталкивания», или «nudge»-технологии.

Понятие «nudge» (от англ. легкий толчок под локоть) зародилось в 2000-е годы и было концептуально оформлено в качестве инструмента государственного управления и публичных коммуникаций в 2008 году в книге Р. Талера и К. Санстейна «Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness» [7. Р. 3].

Несмотря на то, что концепция «толчка под локоть» появилась свыше 10 лет назад, она не только не теряет своей актуальности, но, напротив, становится все более востребованной в современном государственном управлении. Компания «Deloitte» в своем ежегодном отчете «Правительственные тренды-2020» (Government Trends 2020) называет надж-технологии в числе наиболее перспективных и актуальных инструментов современной государственной политики и управления [3. Р. 24]. Если в 2010 году Команда поведенческого инсайта в рамках британского правительства была единственной организационно оформленной «надж-группой», то в настоящее время в государственном секторе насчитывается уже более 200 институционально оформленных организаций, связанных с внедрением поведенческих инсайтов [2].

В основе концепции «толчка локтем» лежат разработки в области поведенческой экономики и когнитивной психологии, в частности – описанная психологом Д. Канеманом в своей книге «Думай медленно, решай быстро» [1] идея о существовании двух систем мышления, участвующих в принятии решений.

Система 1 отвечает за выполнение рутинных задач, не требующих особой концентрации на выработке и принятии решения, в связи с чем она срабатывает автоматически и быстро, в то время как Система 2 задействуется в тех случаях, когда для принятия решения необходимо применить сознательные аналитические усилия, требующие внимания и концентрации [1. С. 16]. В большинстве случаев Система 2 пребывает в комфортном режиме минимальных усилий, тогда как автоматическая система постоянно включена и непрерывно вырабатывает спонтанные решения, исходя из прошлого опыта и ассоциаций, эмоций и чувств, впечатлений и убеждений конкретного индивида [1. С. 18].

Человек, отмечают многие исследователи, даже при принятии важных стратегических решений, имеющих последствия в долгосрочной перспективе, склонен вести себя как «когнитивный скряга»: во-первых, он предпочитает по умолчанию некритически принимать спонтанные выводы автоматической системы, а во-вторых, даже в нестандартных условиях, когда у Системы 1 нет однозначного готового решения, «когнитивный

скряга» предпочитает скорее не рефлексировать, а принимать решение по аналогии [6. Р. 19].

Чем более загружены люди, чем больше задач им приходится решать, тем охотнее они полагаются на спонтанные интуитивные решения [1. С. 13] и прибегают к эвристическому методу, который, по определению Д. Канемана, представляет собой «простую процедуру или установку, помогающую найти адекватный, хотя часто неидеальный, ответ на трудные вопросы» [1. С. 13].

Таким образом, в процессе принятия решений – в том числе экономических и политических – человек допускает системные ошибки: так называемые когнитивные искажения и эвристики.

Их активно применяют, например, политики в своих электоральных кампаниях для формирования у масс необходимого электорального поведения. Так, при создании первого впечатления о кандидате очень важно учитывать эвристику репрезентативности. Даже безупречно проработанная имиджевая конструкция может быть подорвана незначительной, но вызывающей у индивида негативные ассоциации деталью. Политические акторы используют прайминг и эвристику «привязки и приспособления» для формирования и дальнейшего закрепления у граждан первоначальных суждений о кандидатах. В основе разнообразных методов «запугивания» лежат эвристики «эффекта владения» и «приверженности status quo». «Эффект владения» – ситуация, когда боязнь потери значительно превосходит радость от получения чего-то нового – стимулирует инерцию поведения. Как следствие, акцент на возможных потерях избирателей обеспечивает эффективность политической коммуникации – как, например, в случае слогана «Голосуй или проиграешь».

Авторы концепции *nudge* отмечают, что контекст и условия выбора, порядок и формат представления альтернатив оказывают серьезное влияние на процесс выбора и его результаты [8. Р. 430]. Этот процесс авторы определяют, как формирование «архитектуры выбора», которая позволяет повлиять на поведение людей и изменить его нужным образом, не применяя силы, не вводя запретов и не используя рычагов экономического давления.

Человек становится «архитектором выбора» в любой ситуации, когда у него есть возможность оказать влияние на контекст принятия решений: от расстановки продуктов на полках в супермаркетах и блюд в школьной столовой до написания текстов для социальной рекламы и оформления избирательных бюллетеней [7. Р. 3].

В системе отношений «государство-общество» последнее выступает в роли объекта управления, тогда как государство в полной мере играет роль «архитектора выбора», воздействуя на поведение индивидов и изменяя его при осуществлении политического управления – будь то политика в области финансов, здравоохранения, образования, общественной безопасности и т.д.

«Архитектура выбора» и архитектура в привычном значении этого слова имеют немало общего. Ключевое сходство состоит в том, что «дизайн» ни в том, ни в другом случае не может быть нейтральным [8. Р. 428].

Архитектура выбора поэтому должна учитывать иррациональность человеческого мышления. Для того, чтобы применяемые стимулы соответствовали целям и ожиданиям «архитектора выбора» и формировали желаемое поведение, «архитектор» должен иметь представление о природе человека, истинных причинах его поведения, принципах работы его мозга.

В современных условиях, благодаря развитию технологий массовой коммуникации, вычислительных мощностей, систем хранения, у «архитекторов выбора» появляется возможность извлечения дополнительных знаний из больших объемов данных о людях, собираемых ежедневно из различных источников. Число последних весьма обширно: к ним относятся разнообразные сервисы в интернете, поисковики, онлайн-магазины, многочисленные сайты, социальные сети, приложения на наших смартфонах, навигаторы, интернет-банки и многие другие. Ежедневно каждый человек оставляет сотни и тысячи цифровых следов: посещает веб-страницы, листает новости и ставит лайки и комментарии в социальных сетях, совершает покупки в интернете, заказывает такси и прокладывает маршруты в навигаторах.

В совокупности такие «большие пользовательские данные» составляют «пользовательский профиль» человека. Как показывают результаты экспертного исследования, анализ больших пользовательских данных дает возможность с высокой точностью выявить предпочтения и интересы, стереотипы и страхи, желания и потребности каждого индивида в отдельности.

Большие пользовательские данные, отмечают опрошенные в ходе исследования эксперты, можно разделить на несколько категорий: экономические, социальные, физические, личностные и поведенческие. Так, экономические данные дают представление об уровне жизни и благосостояния индивида, его имуществе, счетах, совершаемых покупках; социальные – о круге его контактов и общения, социальном статусе, принадлежности к социальным группам; физические данные – о состоянии его здоровья, физической активности; личностные данные дают представление о политических и религиозных взглядах человека, его ориентации, чертах характера, склонностях и интересах. Наконец, поведенческие данные позволяют проанализировать действия человека в сети, его реакцию на получаемую информацию и даже сделать выводы об особенностях характера человека.

И хотя человеческое поведение является комплексным и сложным психологическим феноменом, анализ всей совокупности вышперечисленных данных о человеке дает возможность выявить значимые паттерны в его поступках и процессе принятия решений. Поскольку инструменты «подталкивания» основываются на знании природы людей, их психологии и иррациональности, в сочетании с технологиями больших данных эффективность

поведенческих воздействий существенно возрастает, как отмечают исследователи [10].

Во-первых, чем больше информации о людях, их эмоциях, реакциях и поступках субъект управления агрегирует и анализирует, тем более точные закономерности он может выявить. Следовательно, тем более точно можно подобрать тот или иной метод «подталкивания», и тем более эффективным будет воздействие. Различные методы кластеризации и моделирования позволяют выявить и классифицировать поведенческие паттерны и соотнести их с различными стратегиями «подталкивания» для выбора наиболее релевантного для каждого конкретного человека наджа.

Во-вторых, это дает возможность персонализировать применяемые технологии «подталкивания» и таргетировать поведенческие воздействия посредством новых каналов (контекстная реклама, социальные сети, таргетированная геолокационная информация). Использование больших данных и машинного обучения позволяет реализовать оптимальное для каждого отдельного человека «подталкивание» в наиболее подходящее время с целью максимизации воздействия.

В-третьих, современные технологии позволяют повысить качество не только подбора наджей, но и процедур оценки их эффективности. С целью выявления действенности поведенческих воздействий Команда поведенческого инсайта в Великобритании использует, к примеру, рандомизированные контролируемые исследования [4]. Суть этого подхода заключается в выделении двух репрезентативных групп, одна из которых испытывает воздействие, а другая нет. Это дает возможность проследить, какова в том или ином результате вмешательства доля случайных факторов и роль наджа. В целом контроль за результатами внедрения надж-технологий необходим для того, чтобы изменить существующие подходы к государственной политике, своевременно скорректировать методы, выявить наиболее эффективные практики.

Как отмечается в докладе Команды поведенческого инсайта, ранее подгруппы для исследований, как правило, широко определялись одной или двумя заранее определенными характеристиками, а комбинации характеристик в значительной степени игнорировались. Применяя причинно-следственные алгоритмы машинного обучения к данным рандомизированных контролируемых исследований, появляется возможность идентифицировать влияние той или иной поведенческой технологии по всем наблюдаемым характеристикам [9. P. 5].

К примеру, Команда поведенческого инсайта в Великобритании уже применяет эти методы, которые дают весьма многообещающие результаты. Первое серьезное исследование в этой области было связано с попыткой решить с помощью науки о данных проблему дорожного движения в Восточном Сассексе, небольшом графстве на южном побережье Великобрита-

нии. Алгоритмы, основанные на собранных локальных данных за более чем десять лет, позволили надг-группе сделать чрезвычайно точные прогнозы о том, какие типы водителей с большей вероятностью попадут в серьезные дорожно-транспортные происшествия. Так, по статистике, в Великобритании на 1 километр пути вероятность попасть в аварию с серьезными последствиями на мотоцикле в разы выше, чем на автомобиле. В Восточном Сасексе – в 26 раз. Исследования продемонстрировали интересные результаты: в зонах с ограничением скорости в 60 миль мотоциклисты с большей вероятностью попадут в аварию с серьезными травмами или смертельным исходом, чем в зонах без ограничения. Как выяснилось, так происходит вследствие действия эвристики «якорения»: когда мотоциклист видит ограничительный знак, он воспринимает цифру на нем в качестве «якоря» и ориентира, и начинает непроизвольно «подстраиваться» по эту цифру и превышать ее, даже если он ехал медленнее. Неявные поведенческие паттерны, подобные этим, можно найти лишь в достаточно больших наборах, данных. Что важно, это позволило Команде поведенческого инсайта подобрать правильные поведенческие воздействия для каждой из категорий водителей [9. Р. 22].

В контексте всего вышесказанного ряд ученых говорит о появлении нового типа поведенческих воздействий – «гипер-наджей» [10]. На стыке двух дисциплин – поведенческой экономики и больших данных – возникает междисциплинарная область – поведенческие большие данные. Разработки в этой сфере уже сейчас трансформируют инструментарий государственного управления. Продвинутая аналитика позволит достичь нового уровня понимания поведения граждан и повысить эффективность государственной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М., 2014.
2. Behavioural Insights // Observatory of Public Sector Innovations // <https://oecd-opsi.org/guide/behavioural-insights/>.
3. Government Trends 2020 // Deloitte insights // <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/public-sector/lu-government-trends-2020.pdf>.
4. *Haynes L. et al.* Test, Learn, Adapt: Developing Public Policy with Randomised Controlled Trials // Cabinet Office – Behavioural Insights Team. 2012.
5. *Milkman K.L., Chugh D. and Bazerman M.H.* How Can Decision Making Be Improved? // Perspectives on Psychological Science. 2009. Vol. 4. No. 4.
6. *Stanovich K., Toplak M., West R.* Contaminated Mindware: thinking biases of the cognitive miser // Rotman Magazine. Winter, 2010.
7. *Thaler R., Sunstein C.* Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness – New Haven & London: Yale University Press, 2008.

8. Thaler R., Sunstein C., Balz John. Choice Architecture // The Behavioral Foundation of Policy. Princeton University Press, 2012.

9. Using Data Science in Policy A report by the Behavioural Insights Team // https://www.bi.team/wp-content/uploads/2017/12/BIT_DATA-SCIENCE_WEB-READY.pdf.

10. Yeung K. Hypernudge: Big Data as a Mode of Regulation by Design // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20.

P.V. DENISENKO

*Postgraduate student at the Faculty of Political
Science, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

“NUDGING” IN THE AGE OF BIG DATA: NEW OPPORTUNITIES FOR PUBLIC ADMINISTRATION

In this paper the author examines the application of behavioral technologies in modern public administration. The article analyses the use of nudge technologies as one of the widespread behavioral approaches to the public policy. The technology is based on the “choice architecture” that is designed to change people’s behavior without administrative or economic pressure and is based on the irrationality of human behavior, numerous cognitive biases as well as the heuristics that a person uses in the decision-making process. According to the expert interviews, there are five categories of big user data: economic, social, physical, personal and behavioral. An analysis of these data helps to identify significant patterns in his behaviour and decision-making process. Since nudge technologies are based on the irrationality of people’s nature, their effectiveness increases significantly in combination with big data technologies. Thus, the author concludes that Big Data technologies make a great transformative impact on behavioral tools of public administration.

Key words: *Big Data, behavioural economy, nudge, public administration.*

ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

В мировой практике наиболее востребованной формой представительства интересов населения в публичной сфере стал институт парламентаризма. С давних пор этот институт является олицетворением демократических ценностей в обществе. Обеспечивая возможность для представительства и взаимодействия разных социальных слоев парламенты способствуют развитию публичной сферы. Несмотря на то, что это одна из важнейших ветвей власти, в последние годы наблюдается существенный кризис легитимности института парламентаризма как важнейшего представительного органа власти. С целью более глубокого понимания происходящих кризисных процессов рассмотрим некоторые дисфункциональные особенности и факторы, способствующие усилению негативных тенденций в восприятии гражданами представительной власти на всех уровнях публичного управления. В статье делается вывод о том, что в странах с наиболее заметным проявлением этих дисфункций парламенты постепенно утрачивают связь с общественностью в принятии законов и иных политических решений.

Ключевые слова: институт парламентаризма, дисфункции, публичная сфера, представительная демократия, кризис легитимности, гражданские структуры.

Современный период развития публичной сферы ознаменован возрастанием роли института парламентаризма как основополагающего представительного института власти, способного оказывать влияние на происходящие публичные процессы в обществе. При этом, все больше в научном дискурсе ведутся споры о сущности парламентаризма как самостоятельно-

го демократического института и его роли в функционировании публичной сферы. Для начала важно определить, как соотносятся между собой понятия «парламент» и «парламентаризм».

Довольно часто как в теории, так и на практике наблюдается отождествление этих понятий или их синонимичное использование. Но не всегда подобное употребление является правильным, поскольку парламентаризм не означает только наличие парламента как такового (1). В связи с этим Т.П. Лебедева утверждает, что «формальное наличие и функционирование парламента еще не означает существование парламентаризма» [9. С. 292]. По ее словам, «парламентаризм – это явление современного либерального демократического общества, механизм обеспечения народного представительства и демократического потенциала публичности» [9. С. 292]. Говорить о существовании парламентаризма уместно в том случае, когда существует институт выборов должностных лиц, где граждане как источник власти могут избрать своих представителей в парламент для отстаивания своих интересов. Следовательно, «парламентаризм – это представительный характер правления обществом, а парламент – основная структура народного представительства, которое является обязательным формальным компонентом легитимного правления» [9. С. 293].

В большинстве развитых странах мира институт парламентаризма является выразителем либеральной традиции и проводником демократических ценностей в обществе [1. С. 84-90]. Именно через него осуществляется основополагающая функция обсуждения общественно важных вопросов, последовательно рассматривающая многообразие различных мнений, точек зрения, аргументов в рамках своей основной дискурсивной деятельности.

Несмотря на все свойственные парламенту как основному публичному институту нормативные свойства и те формальные институции, которые ему предписаны законодательством той или иной страны, среди исследователей высказывается предположение о кризисе легитимности и постепенной дисфункции представительной власти в современных условиях, вызванных, в том числе, характерными чертами эпохи постмодерна [11. С. 23-30]. Ряд отечественных ученых выделяют несколько дисфункциональных особенностей, приводящих деятельность представительных органов к имитационному воплощению своих полномочий [2. С. 64-78; 3. С. 255-258; 4. С. 120-124; 8. С. 33-39; 10. С. 64-76].

Одним из ключевых факторов утраты парламентом своей роли в политической системе со временного государства исследователи называют усиление позиций исполнительной власти над представительной (законодательной) и воздействие каких-либо латентных сетевых образований, групп давления и иных ассоциаций, способных оказывать влияние как на принятие важных политических решений, так и на деятельность парламента в целом [10. С. 64-76].

Другим дисфункциональным фактором ученые называют существенную формализацию деятельности парламентов. В таких условиях функционирующая парламентская система становится подобной фасаду, за которым кроются различного рода агенты со своими экономическими интересами [5. С. 205]. По этому поводу К. Шмидт писал, что с этой позиции, парламент как публичный институт «лишился своей почвы и функционирует как пустой аппарат, силой инерции. В итоге, парламентская публичность и присущий ему дух дискуссионности, превратились в пустую формальность» [12. С. 9].

Большую роль в ослаблении функций представительных органов играет корпоративно-клановый характер взаимоотношений между парламентариями и связанными с ними представителями крупного бизнес-сообщества [8. С. 33-39]. Такие аффилированные игроки способны через имеющиеся у них механизмы, ресурсы оказывать воздействие на продвижение и поддержку своих корпоративных интересов в ущерб общественным.

Структуры и институты исполнительной власти совместно с однородными представителями бизнес-структур с помощью административных и иных ресурсов могут активно участвовать в формировании депутатского корпуса, режиссируя и контролируя ход избирательного процесса. Так, зачастую в парламент попадают депутаты с довольно низкой компетентностью и социальной ответственностью перед обществом, что во многом ставит под сомнение качество проработки и прохождения законопроектов. Все это сказывается и на самом процессе парламентского рекрутирования, трансформация которого усугубляет и компрометирует парламент как основной представительный институт власти [3. С. 257].

Помимо ухудшения процессов парламентского рекрутирования и, как следствие, низкой компетентности депутатского корпуса усугубляется ситуация в связи с переформатированием роли политических партий, представленных в парламенте фракциями из избранных депутатов. Еще К. Шмидт утверждал, что «партии в наши дни больше не противостоят друг другу как мнения в дискуссии, они выступают как социальные или хозяйственные силовые группы, калькулируют взаимные интересы и силовые возможности обеих сторон и на этой фактической основе заключают компромиссы и коалиции» [12. С. 9]. Нивелируется также и роль оппозиционных партий в парламентах, где часто в странах «фасадной» или управляемой демократии с авторитарным стилем правления можно наблюдать размежевание представителей различных оппозиционных течений на системную оппозицию, прошедшую в парламент, и действующую вне парламентского поля деятельности – так называемую «несистемную». Такое разделение компрометирует и ослабляет сам институт оппозиции, через позицию и требования которого выражается гражданская активность, представляющая альтернативную правительственной точку зрения и значительно влияющая на общественную повестку.

Многие из вышеназванных дисфункциональных особенностей деятельности парламента сводятся к тому, что в ряде стран парламент как основной представительный институт власти все больше уходит от своей основной функции представительства интересов граждан, выдвигая на первый план в большей степени законодательную прерогативу со строгим соблюдением всех формальных процедур и поддержанием неформальных практик для усложнения разного рода барьеров общественного участия в принятии законов и продвижения каких-либо корпоративных или личных интересов [1. С. 84-90]. По точному замечанию А.И. Соловьева, «в позднеиндустриальных массовых обществах парламент как инструмент публичной политики постепенно утрачивает свое функциональное назначение в качестве механизма трансляции интересов общества» [10. С. 67].

Все вышеназванное говорит о том, что деятельность современного демократического парламента как важнейшего представительного органа власти не может обходиться без вовлечения общественности в законотворческий процесс и заключается в обеспечении того, чтобы принятые решения в форме законов, проводимая политика и общий дискурс были неразрывно связаны с общественными интересами и потребностями. В этой связи важно, чтобы законодательные инициативы, принимаемые парламентом, соответствовали установкам и ожиданиям людей и сопровождалась активным взаимодействием с гражданами, чьи интересы через избранных представителей он выражает [6. С. 4-11]. Другими словами, участие общественности в законотворческой деятельности наряду с принятием законов и осуществлением парламентского контроля является основой работы любого парламента.

Таким образом, несмотря на упомянутые дисфункциональные особенности, парламент вносит большой вклад в поддержание и развитие публичной сферы и демократии в целом на всех уровнях одновременно [7. С. 320]. Это важнейший представительный орган, через который проявляется воля народа, его многообразие и где обсуждаются различия между ними. Более того, эффективность, с которой парламент выполняет свои центральные функции – законодательства, парламентского контроля и надзора за исполнительной властью, имеет важное значение для качества демократической жизни страны. При выполнении этих задач каждый парламент через избранных депутатов работает вместе с ассоциациями гражданского общества и несет особую ответственность за защиту индивидуальных демократических прав граждан. Наконец, парламент может обеспечить все это, только если сам будет соблюдать демократические нормы, позиционируя себя открытым, доступным и подотчетным перед своим электоратом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Парламент как политический представительный институт существует с давних пор, в то время как история парламентаризма не столь длитель-

ная. Исландский альтинг – старейший из действующих ныне парламентов, был впервые созван в 930 г. Британский парламент ведет свою историю с 1295 г. И только с XIX в. длительная парламентская традиция ознаменовалась таким явлением, как парламентаризм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бакушев В.В.* Разнообразие парламентаризма и демократии в мире // Государственная служба. 2017. № 6 (110).
2. *Бронников И.А.* Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1.
3. *Ерыгина В.И.* Риски парламентской модели народного представительства // Юридическая техника. 2019. № 13.
4. *Заикин А.А., Волков В.А.* Политико-философские основания парламентаризма как института представительной демократии // Власть. 2017. № 7.
5. *Зайцев А.В.* Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник КГУ. 2013. № 1.
6. *Ковалев А.А.* Парламент и общество: опыт взаимодействия и роль парламентаризма в сфере национальной безопасности // Вестник ПАГС. 2017. № 4.
7. *Косоруков А.А.* Публичная сфера и цифровое управление современным государством: монография. М.: МАКС Пресс, 2019.
8. *Крыштановская О.В.* Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
9. *Лебедева Т.П.* Парламентаризм. Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева // Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). М., 2007.
10. *Соловьев А.И.* Институциональный дизайн российской власти: исторический римейк или матрица развития // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
11. *Шабров О.Ф.* Представительная демократия перед вызовами пост-модерна. Постановка проблемы // Коммуникология. 2016. № 4.
12. *Шмидт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2.

D.A. KRUGLYAKOV

*Postgraduate student, Political Analysis
Department, School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University.
Assistant to the Deputy, State Duma,
Moscow, Russia*

PARLIAMENTARY INSTITUTE IN THE PUBLIC SPHERE OF MODERN SOCIETY: FEATURES OF FUNCTIONING AND POSITIONING

In world practice, the institution of parliamentarism has become the most popular people's representative in the public sphere. For a long time, this institution has been the embodiment of democratic values in society. By providing an opportunity for representation and interaction of different social strata, parliaments contribute to the development of the public sphere. Despite the fact that this is one of the most important branches of power, some scientists in recent years have noted a significant crisis, in the legitimacy of this institution as the most important representative authority in order to understand better the ongoing crisis processes, we will consider some dysfunctional features and factors that contribute to the strengthening of negative trends in the perception of representative power by citizens at all levels of public administration. The article concludes that in the countries with the most visible manifestation of these dysfunctions, parliaments gradually lose contact with the public in adoption of laws and other political decisions making.

Key words: *institution of parliamentarism, dysfunctions, public sphere, representative democracy, crisis of legitimacy, civil structures.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ДОКТРИНА «НОВОГО КОСМОСА»

Статья посвящена обзору зарубежных и российских подходов к определению и содержанию феномена «нового космоса». Автор предлагает собственную терминологию и раскрывает основные характеристики «нового космоса» как современной модели коммерческой космической деятельности, основанной на инновационных технологиях и частной форме собственности.

Ключевые слова: космическая деятельность, новый космос, США, НАСА.

Освоение космического пространства в США и других западных странах с самого начала включало в себя коммерческий компонент – производственные функции выполнялись негосударственными предприятиями. Однако лишь в последнее десятилетие эксперты и СМИ активно заговорили о феномене «нового космоса», который связан с бурным развитием ряда частных космических компаний (ЧКК) и трендом на коммерциализацию космической деятельности (КД) в целом. При этом на концептуально-теоретическом уровне указанный феномен не получил должного закрепления. Существующие подходы к его определению и признакам в контексте меняющегося ландшафта космической индустрии представляются недостаточно проработанными. Данная работа является приглашением к научной дискуссии о сущности и характеристиках «нового космоса», его отличиях от прежних моделей коммерческой КД.

В условном «старом космосе» заказчиком, а значит, и конечным пользователем, космической продукции всегда выступало государство в лице специализированных структур. Такая модель была характерна как для США, так и для СССР/России, несмотря на различия в типах производства (рыночном или планово-директивном). Другими словами, господствовала модель G2B, в которой компаниям-производителям отводилась исключительно роль подрядчиков по госконтрактам.

Время появления первых ЧКК остается дискуссионным. Есть ряд оснований рассматривать в качестве такового как 1960-е годы – после принятия в 1962 году закона о коммуникационных спутниках, так и 1980 год, когда была создана французская Arianespace. Она считается первым коммерческим провайдером пусковых услуг. Однако, по причине того, что Arianespace является совместным проектом Национального центра космических исследований Франции и Европейского космического агентства, она вряд ли подпадает под определение ЧКК, приведенное в данной статье.

Американские же ЧКК зародились на стыке веков (не считая телекоммуникационных компаний). В 1998 году была основана Bigelow Aerospace, в 2000-м – Blue Origin, в 2002-м – SpaceX, в 2004-м – Virgin Galactic. Как отмечают некоторые аналитики, триггером их роста послужил кризис государственной космонавтики в США (отмена программы Constellation, окончание программы Space Shuttle, ряд технических и финансовых трудностей). Перетекание инвестиций из других отраслей и развитие прорывных технологий создали предпосылки для трансформации модели коммерческой КД, начиная со второй половины 00-х гг.

Несмотря на сугубо коммерческий характер «нового космоса», главной предпосылкой его развития стало изменение космической политики государства, в первую очередь, в США как флагмане коммерческого космоса в целом.

Российские исследователи Железняков и Кораблев выделяют 6 этапов развития КД [3. С. 62-63]. Последний из них (с 2003 года до н.в.) они увязывают с отказом НАСА от ряда направлений своей деятельности и передачи их «частникам». В этот список попали не только прикладные спутниковые системы (дистанционное зондирование Земли, связь, навигация), но и пилотируемые полеты на околоземную орбиту, и доставка грузов на МКС. «За собой» агентство оставило пилотируемые полеты далее околоземной орбиты, освоение дальнего космоса, а также научные космические аппараты. В результате, отмечают исследователи, в США началось активное создание ракет-носителей и космических кораблей. Именно на шестом этапе, уверены они, и произошло рождение «частной космонавтики» как таковой – она перестала быть «коммерческой составляющей» КД и стала обособленным ее субъектом.

Термин «новый космос» (New Space), несмотря на отсутствие официального закрепления, встречается в презентациях НАСА [11]. Под ним в агентстве подразумевают «коммерчески ориентированный подход» (Commercial-Oriented Approach) к использованию космоса. Интересно, что он концептуально отделяется от «раннекосмического подхода» (Early Space Age Approach). Тем самым, косвенно признается наличие феномена «нового космоса» и его принципиальные отличия от предшествующей модели. Их можно отразить в виде таблицы.

«Новый космос» и его принципиальные отличия от предшествующей модели

Критерий	Ранний космический подход («старый космос»)	Коммерчески- ориентированный подход («новый космос»)
Владелец космической техники	НАСА	Частный сектор
Потребитель	НАСА	Государственные и коммерческие структуры
Роль НАСА	НАСА определяет «что» и «как» делать	НАСА определяет только «что» делать (частный сектор – «как»)
Регулирование	Детальные требования НАСА	НАСА определяет только ключевые требуемые параметры
Финансирование	НАСА	НАСА и частный сектор (распределение расходов)

Представляется, что указанная методология в целом отражает сдвиги в космической отрасли, однако, требует некоторого дополнения и детализации. В научной доктрине концепция «нового космоса» пока остается неразработанной. Можно встретить лишь отдельные попытки дать этому явлению определение.

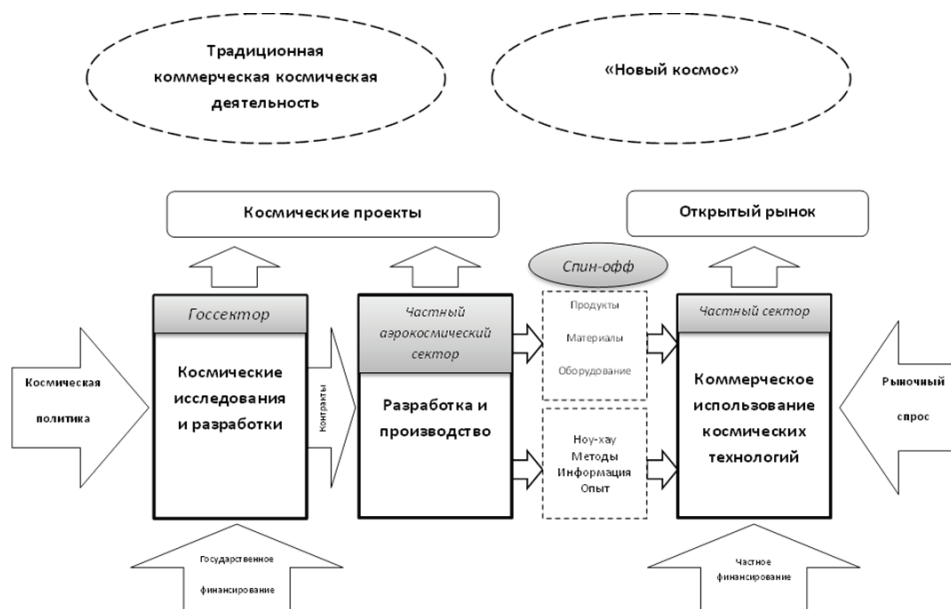
Наиболее проработанной выглядит подход бельгийского профессора Уолтера Питерса [18. Р. 188-189]. В ряде своих статей он признает, что граница между «новым космосом» и коммерческой космической деятельностью недостаточно обоснована, что порождает методологические сложности. Он отмечает, что «астропренеры», т.е. предприниматели, развивающие космический бизнес нового формата, были вынуждены искать пути сокращения издержек в традиционных отраслях, таких как пусковые услуги, а также ориентироваться на совершенно новые рынки. По его словам, главное различие коммерческой космической деятельности от «нового космоса» заключается в формате финансирования. Компании «нового космоса» требуют долевого, преимущественно частного финансирования, в то время как в классической модели главным заказчиком (соответственно, и источником средств) и пользователем выступает государство в лице специализированных структур.

«Новый космос» по Питерсу – это частные компании, работающие независимо от государственной космической политики и ресурсов, привлекающие доленое финансирование и продвигающие большую доступность космоса и новые области его применения. Он примерно обозначает

ет временные рамки: традиционная модель условно охватывает период с 1970 по 2010 годы. То есть, исследователь увязывает развитие нового феномена исключительно с последним десятилетием.

Бельгийский ученый также обращает внимание на большую гибкость компаний «нового космоса» в выборе контрагентов – они не отвергают сотрудничество с государством, но стараются минимизировать зависимость от него в долгосрочной перспективе. Хотя он и признает, что многие ЧКК опираются на государственные контракты, которые являются фундаментом развития их бизнеса.

Различия между коммерческой космической деятельностью и «новым космосом» Питерс попытался изобразить схематически следующим образом.

О «новом космосе» как о новейшем феномене говорит, и исследователь из Тель-Авивского университета Деганит Пайковски, отмечая отсутствие общего понимания, что означает соответствующий термин. Она перечисляет признаки «нового космоса», такие как инновационные технологии, частная инициатива, новые модели исследований и разработок, коммерциализации и финансирования, новые продукты/услуги и рынки. Примечательно, что Пайковски оперирует понятием «старый космос» (Old Space) для противопоставления «новому космосу» [17. Р. 86-87]. По ее мнению, освоение космоса долгое время было обусловлено тремя причинами: необходимостью обеспечения национальной безопасности, социально-экономического раз-

вития и поддержания/укрепления имиджа государства на международной арене. Единственным же драйвером «нового космоса», уверена она, является нацеленность на извлечение прибыли, что и отличает его от «старого».

Итальянский эксперт Саверио Кальдерони, напротив, при анализе «нового космоса» делает акцент на «культурном и философском сдвиге» в сторону негосударственной космической деятельности [8. Р. 219-220]. Он призывает не увязывать «новый космос» только с ее коммерциализацией, поскольку бизнес-компонент в космической деятельности существует на протяжении десятилетий.

Индийский ученый Нараян Прасад в свою очередь понимает под «новым космосом» феномен предпринимателей, развивающих продукты и услуги, связанные с космосом, за счет частного финансирования [12]. Ряд отечественных экспертов [2; 3. С. 63-64] отождествляют его с термином «частная (коммерческая) космонавтика», делая акцент на негосударственном финансировании и пользователях космической продукции и услуг. Исследователь Данилин связывает «новый космос» с инновационными космическими технологиями, услугами и продуктами, ориентированными на частный и государственный спрос. По его мнению, этот феномен охватывает только малые и средние компании, которые фокусируются на тех нишах рынка, где присутствие классических крупных аэрокосмических корпораций и национальных агентств представлено слабо или отсутствует. При этом Данилин не включает в сферы «нового космоса» стартапы, основанные государственными или крупными корпоративными структурами [1].

Интересно, что, несмотря на слабую теоретическую разработанность, «новому космосу» посвящен специализированный научный журнал с аналогичным названием *New Space* [14].

Термин «новый космос» получил распространение и в корпоративном секторе. Например, компания Airbus увязывает его с последними тенденциями по коммерциализации космической отрасли [5]. Речь идет о ее демополизации, сокращении роли государства. Однако, корпорация отмечает и тенденции по увеличению государственно-частного партнерства, упоминаемая миллиардные гранты SpaceX от НАСА. Еще одна компания *NewSpace Global*, основанная в 2011 году и названная в честь нового феномена, определяет «новый космос» как глобальную индустрию частных компаний, стремящихся получить прибыль от инновационных продуктов или сервисов, разработанных для космической деятельности, которые в первую очередь направлены на коммерческих клиентов и подкреплены рисковым капиталом [15].

Последнее определение представляется наиболее точным (хотя и не бесспорным) из перечисленных. Оно содержит два отличительных признака «нового» космоса: опора на инновации и нацеленность на коммерческого (негосударственного) потребителя, то есть на B2B-взаимодействие.

Не до конца ясно, что автор вкладывает в характеристику «глобальная индустрия». Количественно и качественно они пока преобладают в США, бизнес-модели крупнейших ЧКК (SpaceX, Blue Origin) в существенной мере ориентированы на государственных заказчиков (в первую очередь, НАСА и Пентагон), несмотря на попытки переориентироваться на массового потребителя в будущем (например, за счет проектов глобального спутникового интернета). Кроме того, любая рыночная конкуренция, особенно в технологической сфере, предполагает акцент на инновации как одно из главных преимуществ, позволяющих снизить издержки и повысить качество продукции/услуг. С другой стороны, именно ряд прорывных технологий (в частности, использование многоразовых ракет-носителей) позволили ЧКК закрепить и нарастить влияние в космической индустрии. Таким образом, определение, данное NewSpace Global, пока скорее напоминает идеальную, рафинированную модель ККД, некую конечную точку в развитии нынешних тенденций.

Учитывая вышесказанное, можно предложить следующее определение «нового космоса»: модель коммерческой космической деятельности, основанная на инновационных технологиях и частной форме собственности, в большей степени ориентированная на негосударственных заказчиков и характеризующаяся возросшей независимостью от государства.

Обосновывая и детализируя указанный термин, следует выделить основные признаки (характеристики) «нового космоса»:

1. Появление большого числа ЧКК в XXI веке, особенно активно в 2000-е гг.

Они являются основным драйвером и носителем новой модели ККД. Речь идет о компаниях, основная часть продукции и услуг которых связаны с КД. В их числе – SpaceX, Blue Origin, Virgin Galactic, Bigelow Aerospace, Rocket Lab, Firefly Aerospace, Relativity Space (все – США), Arianespace (Франция), OneSpace (Китай), S7 Space, КосмоКурс, СПУТНИКС, Лин индустриал (все – Россия) и многие другие.

2. Ориентированность на негосударственных заказчиков.

Большинство ЧКК делают акцент на развитие связей В2В. При этом главным контрагентом ряда крупнейших ЧКК в силу специфики отрасли и ограниченности спроса по-прежнему остаются государственные структуры. Необходимо сделать оговорку в отношении спутниковых телекоммуникаций, где связи В2В доминируют уже десятилетиями. При этом данный сегмент занимает львиную долю космического рынка. В связи с этим возникает вопрос о соотношении телекоммуникационных услуг с «новым космосом», который воспринимается исследователями как феномен XXI века.

3. Изменение характера взаимоотношений с государством.

Если раньше частные компании были преимущественно производителями, то теперь в некоторых сегментах они выполняют функции оператора космической продукции, таким образом происходит постепенный пере-

ход от модели заказа продукции к модели заказа услуг. Примером является программа коммерческих пилотируемых полетов НАСА (Commercial Crew Program), рамках которой SpaceX и Boeing выступают и как производители, и как операторы космических кораблей (безусловно, в тесной кооперации с НАСА), а агентство частично финансирует их разработку и заказывает услуги по доставке астронавтов на Международную космическую станцию. SpaceX при этом полностью осуществляет и пусковые услуги. В ближайшем будущем востребованной услугой может стать и космический туризм. Производство и обслуживание кораблей, доставка клиентов на орбиту (МКС) будут полностью осуществляться частными компаниями. Конечно, космические туристы летают уже не одно десятилетие, однако до сих пор за материально-техническую сторону полностью отвечали подконтрольные государству структуры. SpaceX уже продала три места для доставки туристов на МКС уже в 2021 году [16].

Некоторые исследователи в качестве критерия выделения «нового космоса» называют его независимость от государства. Такая оценка представляется преждевременной и излишне оптимистичной, поскольку ряд крупнейших частных разработок (многоэтажные ракеты-носители, пилотируемые корабли) получил значительную господдержку в рамках соответствующих программ НАСА (Commercial Orbital Transportation Services [7] и Commercial Crew Program [13]).

1. Рост негосударственного финансирования.

Источники финансирования ЧКК, по сравнению с традиционным космосом, диверсифицировались. Ряд миллиардеров вложили крупные инвестиции в создание и развитие таких компаний [4]. В ряде СМИ этот феномен даже окрестили «космической гонкой миллиардеров» [10; 20]. При этом ряд исследователей отмечают, что такие инвестиции носят, в основном, не краткосрочный характер, как это было раньше, а направлены на перспективу со сроками окупаемости в десять и более лет [3. С. 64]. При этом негосударственные деньги, конечно, в первую очередь устремляются в наиболее прибыльные (сейчас или в обозримом будущем) сектора: пусковые услуги, доставка грузов на МКС, космический туризм, спутниковый интернет.

2. Упор на инновации, которые влекут значительное снижение издержек, без чего невозможно было бы конкурировать с гигантами отрасли и госструктурами.

К технологическому фундаменту успеха ЧКК следует отнести возвращаемые ступени ракет-носителей, проекты глобальных группировок спутникового интернета, новые двигатели, прототипы межпланетарных космических кораблей и крупнейших космических транспортных систем (Starship), производство в космосе (3D-печать), проекты надувных космических станций (модулей) (Bigelow Aerospace).

3. Развитие новых коммерчески ориентированных направлений КД (космический туризм, сверхлегкие ракеты-носители, низкоорбитальные

группировки интернет-спутников), что теснейшим образом связано с предыдущим пунктом про прорывные технологии.

4. Гораздо меньшие бюджеты ЧКК по сравнению с традиционными аэрокосмическими гигантами и госструктурами.

Так, например, ежегодная выручка SpaceX в последние годы не превышала \$3 млрд [19], а Boeing – не опускалась ниже \$76 млрд [6]. Для сравнения – бюджет НАСА в 2020 фискальном году составил \$22,6 млрд [9]. Безусловно, бюджеты крупнейших ЧКК сопоставимы с расходами космических агентств многих стран, но показательным представляется сравнение именно на национальном уровне в силу явного дисбаланса между американской экономикой и экономиками большинства государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Данилин И. Китайский «новый космос»: состояние и перспективы // https://expert.ru/2020/07/22/kitajskij-novuj-kosmos_-sostoyanie-i-perspektivy/.

2. Ермаков А. «Новый космос» США. Занятие плацдармов на поле боя будущего // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyuyetap-militarizatsii-kosmosa/>.

3. Железняков А.Б., Кораблев В.В. Частная космонавтика: тенденции и перспективы // *Инновации*. 2016. № 7 (213).

4. Фернхольц Т. Ф 43 Новая космическая гонка: Как Илон Маск, Джефф Безос и Ричард Брэнсон соревнуются за первенство в космосе / Тим Фернхольц; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019.

5. Airbus website // <https://www.airbus.com/public-affairs/brussels/our-topics/space/new-space.html>.

6. Boeing Revenue 2006-2020 // <https://www.macrotrends.net/stocks/charts/BA/boeing/revenue>.

7. COTS: Final Report // <https://www.nasa.gov/content/cots-final-report>.

8. Dobos B., Prazak J. To Clear or to Eliminate? Active Debris Removal Systems as Antisatellite Weapons // *Space Policy*. February 2019. Volume 47.

9. Foust J. NASA to receive \$22.6 billion in fiscal year 2020 spending bill // <https://spacenews.com/nasa-to-receive-22-6-billion-in-fiscal-year-2020-spending-bill/>.

10. Lafranco R. Allen and Branson Best Musk as the Billionaire Space Race Takes off // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-04-13/allen-and-branson-best-musk-as-the-billionaire-space-race-takes-off>.

11. Martin G. NewSpace: The Emerging Commercial Space Industry // <https://ntrs.nasa.gov/citations/20140011156>.

12. Narayan Prasad N. Traditional space and new space industry in India // <https://www.orfonline.org/expert-speak/traditional-space-and-new-space-industry-in-india/>.

13. NASA's management of crew transportation to the International space station // <https://oig.nasa.gov/docs/IG-20-005.pdf>.

-
14. NewSpace Journal website // <http://www.newspacejournal.com/>.
 15. NewSpace Global website // <https://newspaceglobal.com/>.
 16. *O’Kane S.* SpaceX will send three tourists to the International Space Station next year // <https://www.theverge.com/2020/3/5/21166657/spacex-tourists-iss-international-space-station-orbit-falcon-9-dragon>.
 17. *Paikowsky D.* What Is New Space? The Changing Ecosystem of Global Space Activity // *New Space*. 2017. Vol 5 (2).
 18. *Peeters W.* Towards a definition of New Space? The entrepreneurial perspective // *New Space*. 2018. Vol 6 (3).
 19. Revisiting SpaceX’s \$36-Billion Valuation After Its First Manned Mission // <https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2020/06/02/revisiting-spacexs-36-billion-valuation-after-its-first-manned-mission/?sh=7fef60d744fb>.
 20. The great billionaire space race // <https://theweek.com/articles/648995/great-billionaire-space-race>.

E.A. KUZNETSOV

*Postgraduate student at the Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

TRANSFORMATION OF SPACE ACTIVITIES: THE DOCTRINE OF THE “NEW COSMOS”

The article is devoted to an overview of foreign and Russian approaches to the definition and content of the “new space” phenomenon. The author offers his own terminology and analyzes the main characteristics of the “new space” as a contemporary model of commercial space activities based on innovative technologies and private ownership.

Key words: *space activity, New Space, USA, NASA.*

DOI 10.35775/PSI.2021.66.2.011

УДК 32.323

П.С. ОВЧИННИКОВ

*бакалавр по направлению подготовки
политология Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

А.С. САХНЕНКО

*магистрант по направлению подготовки
политология Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

Е.Е. НЕЧАЙ

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии Дальневосточного
федерального университета,
Россия, г. Владивосток*

PRODUCT MANAGEMENT В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

*В работе сделана попытка изучить внедрение технологии *Product management* (управление продуктом) в политическую сферу. Концепция политического рынка позволяет описать кандидата, партию, их программные продукты в терминах маркетинга, а, следовательно, дает возможность использовать маркетинговые технологии в деятельности полит-консультантов и политтехнологов. В контексте изучения дисциплины *Product management* авторы анализируют ценность компетенций продакт-менеджера в деятельности политических лидеров и политических технологов. Авторы приходят к выводу, что *Product management* – это предмет на стыке нескольких дисциплин, который даст политтехнологам и политикам, важные знания из бизнес-управления, электорального процесса, а также формирует ряд ключевых *soft-skills*, которые необходимы для работы по профессии в современном мире.*

Ключевые слова: *Product management, управление продуктом, политические технологии, маркетинговые технологии, политтехнолог.*

Значение в современном мире такой дисциплины как *Product management* (продакт-менеджмент – управление продуктом), то есть сектора бизнес-структуры, занимающийся созданием, введением и мониторингом отдельных товаров или услуг в течение жизненного цикла продукта (от его выхода на широкий рынок, до снятия с производства и замены устаревших товаров

другой продукцией), все время возрастает. Все чаще рыночные игроки стараются не просто отследить текущие потребительские тренды, но и сформировать среднесрочную стратегию развития собственной бизнес-продукции и составляющих компонентов к ним.

Средние и крупные фирмы, в том числе крупнейшие корпорации, как в России, так и за рубежом, формируют свой штат с учетом ставки для менеджера по продукту. А такие ведущие западные игроки, как Google и P&G ввели данную вакансию еще в начале «нулевых» и теперь, накопив достаточно объемный опыт, формируют и обучают следующее поколение менеджеров по продукту [3].

Главная ценность, вследствие которой популярность функции продакт-менеджмента выросла многократно, это возможность не только создания и продвижения отдельного продукта, но, во-первых, исследование поля, на который будет выпущен предполагаемый товар или услуга, во-вторых, формирования среднесрочной стратегии движения этого товара, то есть не просто запуск продукции, но и ее сопровождение, а также постоянная реакция на обратную связь со стороны экономических агентов и адаптация к меняющимся запросам потребителей.

Для этого, в контексте дисциплины Product management, существует направление Voice of the customer (VOC). Оно занимается выявлением всесторонних ожиданий, предпочтений и антипатий клиентов. Можно сказать, что это определенный метод исследования сегмента рынка, с помощью которого желания клиентов ранжируются и иерархируются в определенную структуру, затем формируется так называемая база предпочтений. В этой базе данных также могут быть выставлены наиболее предпочтительные для организации сценарии развития взаимодействия с клиентом.

Однако нельзя однозначно назвать дисциплину Продакт-менеджмент составляющей исключительно бизнес- или экономических теорий. Рост глобализации, политической активности корпораций и становление общества потребления делают навыки менеджера продукта необходимыми не только в экономической среде, но и в социально-политической системе. В свое время Е.Г. Морозова убедительно доказала, что концепция политического рынка через термины теории маркетинга может быть с успехом применена в том числе и в российском политическом поле [1]. Современная политическая реальность, в широком смысле слова, как и сфера рынка перманентно нуждаются в лидерах не просто мнений, но и идей. Навыки и умения менеджера по продуктам теперь необходимы политикам и общественным лидерам. Важно не просто работать в команде, но и уметь создать эту команду, завоевать в ней репутацию, обладать достаточными компетенциями, чтобы определить тот самый Voice of the customer (VOC), то есть мнение заказчика, в данном случае, избирателя.

Влияние продакт-менеджмента на другие дисциплины качественно меняет и степень подготовки квалифицированных специалистов. Например,

современная подготовка политических лидеров отличается от традиционных методов обучения академическим дисциплинам: минимум теоретических знаний, максимум практики, консалтинга, нетворкинга, постоянное решение проблемных ситуаций с помощью метода case-study.

Современная политическая реальность требует актуальных и соответствующих духу времени уверенных в себе лидеров, который обладает не просто широким объемом знаний, но и практическими навыками и умениями. Политикам сегодня недостаточно знать юридические нормы, электоральный процесс, основы политологии, им необходим широкий набор soft skills руководителя, менеджера, который в любую кризисную ситуацию будет готов взять на себя ответственность, создать новые направления движения группы или компании и, обладая дополнительными знаниями в маркетинге и дизайне, обойти конкурентов.

Как писал Й. Шумпетер в своей работе «Капитализм. Социализм. Демократия» современная демократическая система представляет собой не какую-то модель формирования «общего блага», а лишь рыночный процесс, цель которого продать свой продукт, а также максимизировать свою выгоду. Демократия по этой причине – это не цель, а лишь средство борьбы за голоса избирателей [2. С. 667]. Исследование и даже, как отмечает Шумпетер, формирование «воли народа» для собственной победы – это важнейшая часть этого процесса. Данная статья, во многом, подтверждает слова австрийского и американского экономиста, так как часть объектов экономической теории переносятся в политическую сферу.

В данной работе анализируется ценность обучения навыкам менеджера продукта политиков и политических лидеров, а также выпускников некоторых академических направлений, в том числе Государственного и муниципального управления и Политологии, а также повышения их квалификации с помощью практических дисциплин продакт-менеджмента, в том числе, усиление компетенций в маркетинговых исследованиях, повышение навыков формирования и управления командой, умения использовать инструменты продуктовой аналитики и основы бизнес-теории.

Как хороший продакт-менеджер для корпорации – это основа, на которой зиждется производство актуальной продукции и их успешная продажа потребителю, так и навыки продакт-менеджмента, которыми обладает специалист, в политической сфере помогают выявлять тенденции и создать продукт, соответствующий ключевым запросам избирателя.

Исследователи многократно сравнивали потребление продуктов в экономической сфере с потреблением идей или символов в социально-политической структуре, следовательно, как и в системе свободного предпринимательства, в которой производители конкурируют за продажу своей продукции, так и в политической сфере политики конкурируют за голоса избирателей. Эта идея возвращает нас к мысли Шумпетера, которую мы вы-

Навыки продакт-менеджера

Рисунок 1

сказали ранее. Поэтому умение применять методы анализа политического рынка, определять актуальные тенденции, желаемые паттерны для политика, исследуя запросы условного избирателя, становятся ключевыми навыками для современного политического лидера и политолога, занимающегося изучением political science.

Продакт-менеджмент в политической науке – это предмет на стыке нескольких дисциплин, который даст политтехнологам и политиками, важные знания из бизнес-управления, электорального процесса, а также формирует ряд ключевых soft-skills, которые необходимы для работы по профессии в современном мире. Основные из них представлены на диаграмме (см. рисунок 1).

Необходимо понимать, что, анализируя возможность переноса части знаний о бизнес-структурах в политическое поле, возникает резонный вопрос о соответствии главного закона бизнеса, а именно максимизации прибыли и минимизации издержек, и главными целями/задачами политики, которая призвана не только поддерживать привычный порядок вещей, но и совершенствовать его, быть ориентированной, прежде всего на человека. Резюмируем, что нет никакого противоречия между двумя названными выше фактами. И бизнес, и политика в современном обществе ориентированы прежде всего, на соблюдение правил игры, то есть их главная цель – под-

держание и развитие институтов и формирование собственного социального капитала (EQ и Social Capital).

Именно развитие социального капитала, клиентоориентированность и следование современным тенденциями дает преимущество по сравнению с другими политическими акторами.

Более того, навыки продакт-менеджмента дают возможность не только найти или сформировать команду, но и стать грамотным управленцем внутри нее. Эксперты отмечают, что быть лидером – это еще на половину ставки в течение рабочего дня подрабатывать психотерапевтом/консультантом по вопросам социальных отношений. Задача лидера не только раздать поручения и проверить результативность выполняемых работ, но и вернуть членов команды к наиболее важным задачам и проблемам, взять на себя ответственность в период кризисов, найти повод, чтобы похвалить рабочую группу.

В данной работе можно выделить несколько факторов, почему внедрение продакт-менеджмента крайне важно для политической сферы, а, вместе с тем, обучение политиков определенным навыкам позволит качественно изменить подход к обучению и существенно улучшить результаты работы политтехнологов в социально-политическом поле.

1. «Создание» кандидата, чьи принципы, ценности и набор дискурсов совпадают с условным избирателем. В списке на выборах всегда больше кандидатов, чем сможет избраться в государственный орган и орган местного самоуправления, поэтому команде политтехнологов необходимо расставлять приоритеты и тратить ограниченные ресурсы исключительно на потенциально избираемых кандидатов. Для того, чтобы принести наибольшую пользу, как заказчику (кандидату), так и команде политических технологов, необходимо определить: принципы и ценности какого кандидата максимально совпадают с ожиданиями избирателей.

2. Мультидисциплинарность и умение оказаться в нужном месте в нужное время. Возможность не только ждать следующей избирательной кампании в привычном политическом поле, но и формировать стратегии продвижения кандидатов для нескольких регионов одновременно – это то важное качество, которым также необходимо обладать в сложном социально-культурном поле, в рамках которой развивается Россия.

3. Развитие политической системы. Избирая тех кандидатов, которые отвечают требованиям и запросам граждан, снижается вероятность попадания в государственные органы авантюристов и популистов. Более того, если слабые или непопулярные кандидаты все же избираются, политтехнологи будут заниматься имиджем таких кандидатов, развивая их политическую карьеру и повышая их эффективность в определенной сфере (будь то законотворческая активность или область работы с наказами избирателей).

4. Обучение и просвещение не только кандидатов, но и граждан. Если потребители не будут знать, как пользоваться определенным товаром или

услугой, они вряд ли приобретут предлагаемый товар. Также работает и политика: чем меньше граждане знают о своих правах и чем слабее они могут их защищать – тем выше вероятность, что определенный политический уровень останется пустым у избирателей, так как в пользовании этим полем избиратели не увидят преимуществ и собственной выгоды. Задача современных политиков, обладающих специальными компетенциями продакт-менеджера, убедить граждан, что формирование политической субъектности и выбора своих представителей, принесет больше пользы, чем зла.

В контексте изучения продакт-менеджмента специалистами в политической сфере необходимо выделить ряд направлений, на что будущие профессионалы должны тратить свои силы для изучения. Эти soft-skills станут дополнительной страховкой и поднимут профессиональные качества как политического лидера, так и специалиста-политолога.

Проведение исследований «в поле». Здесь пригодятся не только знания, например, политического анализа и социологии, но и культурной антропологии, этнологии. Также, как перед разработкой товарной стратегии, продакт-менеджер изучает рынок, определяет его векторы развития и тенденции трансформации, находит союзников и конкурентов, так и политолог должен предварительно изучить местность, на которой он будет работать.

Разработка стратегии. После проведения первичного исследования и формирования базы данных, необходимо составить план, который будет реализовываться на данной территории. Помимо умения выстраивать стратегию, обязательными качествами политического специалиста, который обучается по дисциплине продакт-менеджер в политике, будут определение основных целей (минимум/максимум), задач, обзор конкурентов и разработка графика (дорожной карты) [3].

Защита проекта. Помимо создания проекта, необходимо также доказать своей команде, спонсорам и кандидату, что этот план жизнеспособен. Одно из ключевых направлений обучения – это общение с заказчиками, привлечение частных средств, организация краудфандинга, создание PR-стратегии и грамотной политической рекламы.

Координация проекта и обратная связь. В задачи специалиста входит не только подготовка кандидата и представление набора стратегий, которыми бы он руководствовался, но и продвижение ранее намеченного стратегического плана. Составить план – это лишь первая часть работы, основная сложность – завершить реализацию стратегии (в том числе быстро реагируя на обратную связь, поступающую как от бенефициаров, так и от избирателей).

Выводы и работа над ошибками. Даже настоящие профессионалы допускают ошибки. Главное же их отличие от новичков состоит в том, что первые смогут повернуть отрицательные факторы к благоприятному исходу и больше никогда не допустить совершенных ранее оплошностей. Главное вовремя вносить коррективы к проекту, не пользоваться одними и теми же инструментами в различных случаях и принимать обратную связь.

Помимо этого, существуют еще несколько компетенций, которые будут усваиваться в ходе изучения дисциплины продакт-менеджмента в политологии:

1. Лидерство. Как справедливо замечают психологи, лидерство, во многом, это отклонение, так как большинство людей не хотят управлять чем или кем-либо. Для того, чтобы стать грамотным лидером, как внутри своей команды, так и в политической сфере, необходимо тренироваться и преодолевать децидофобию, то есть на боязнь принимать решения. Люди могут быть умными, но принять решение зачастую бывает страшно. Продакт-менеджмент учит не только, как правильно принимать верные решения, но и как нести за них ответственность. Стоит отметить, не обязательно, что та идея, которая будет выбрана вами, как политическим лидером, будет непосредственно ваша. На основании исследования, составленной стратегии, опираясь на факты, вы должны выбрать наиболее положительное решение из всех предложенных. Лидерские качества необходимы, так как рано или поздно в группе наступает дилемма «Витязь на распутье», когда команда из-за невозможности сделать окончательный выбор останавливает разработку всей стратегии. Именно для того, чтобы сделать нужный выбор и взять на себя ответственность, нужен лидер.

2. Управление данными. Многие политики используют социологические данные не понимая, как превращать их в важную информацию для политического участия или продвижения собственного продукта. Более того, многие используют данные (например, пол, возраст, уровень использования интернета и т.д.) для того, чтобы выбрать группу, на которую стоит воздействовать. Такой подход, как показывает практика продакт-менеджмента неэффективен. Из данных необходимо получать информацию, которая открывает дорогу для производства необходимого «продукта», полезного всем избирателем. Всего необходимо помнить ценность социального капитала и информации в современном мире [5]. Именно использовать информацию, а не сами данные, также учит продакт-менеджмент

3. Формирование soft-skills из разных сфер и дисциплин. Очень важную мысль заложена в статье «What is a Product Manager? A different perspective». Авторы сообщают, что название должности не так важно, если у нет соответствующих навыков для управления, движения и развития той структуры, которая поступила вам в управление [6]. Так или иначе такой специалист не достигнет успехов, какие бы должности он ни занимал. Обучение продакт-менеджменту – это, прежде всего, формирования блока самых разнообразных навыков: от программирования до бизнес-аналитики. Если у профессионала будет опыт применения самых разных средств для достижения целей, то он получит должность не только в современной компании, но и на государственной службе.

В заключении можно привести достаточно интересный факт: лучшими продакт-менеджерами по статистике становятся военнотружущие и шеф-

повара. «И военные, и профессиональные повара находятся в среде, в которой нет терпимости к лени и нерешительности. Вы все время должны быть включенными в работу» [7]. В эти две индустрии можно добавить и политиков. В условиях демократии, если твою повестку перехватит оппозиция, то на следующих выборах победит именно она, а не инкумбент или правящая партия.

На основе всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы: Во-первых, значение в современном мире такой организационной функции как Product management (Управление продуктом) все время растет. Во-вторых, влияние продакт-менеджмента на другие дисциплины качественно меняет и степень подготовки квалифицированных специалистов, в том числе в политологии и государственном управлении. Современная подготовка политических лидеров отличается от традиционных методов обучения: минимум теоретических знаний, максимум практики. В-третьих, продакт-менеджмент в политической науке – это предмет на стыке нескольких дисциплин, который даст политтехнологам и политикам, важные знания из бизнес-управления, электорального процесса, а также формирует ряд ключевых soft-skills, которые необходимы для работы по профессии в современном мире. В-четвертых, в контексте изучения продакт-менеджмента специалистами в политической сфере необходимо выделить ряд направлений, которые должны осваивать будущие профессионалы: 1) проведение исследований «в поле»; 2) разработка стратегии; 3) защита проекта; 4) координация проекта и обратная связь; 5) умение делать выводы и проводить работу над ошибками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Морозова Е.Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1999.
2. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко. М.: Эксмо, 2008.
3. Google Associate Product Manager Program // Google Careers // <https://careers.google.com/programs/apm/>.
4. Product Policy: 6 Essential Components of a Sound Product Policy Economics // Your article library // <https://www.yourarticlelibrary.com/policies/product-policy-6-essential-components-of-a-sound-product-policy-economics/29034>.
5. Provide Insights, Not Data // IoT For All // <https://medium.com/iotforall/provide-insights-not-data-e6498f0d5b71>.
6. What is a Product Manager? A different perspective // IoT For All // <https://medium.com/@theproductclub/what-is-a-product-manager-a-different-perspective-fabeb1e65b52>.

7. Why Chefs and Soldiers Make the Best Product Managers // First Round Review // <https://firstround.com/review/why-soldiers-and-chefs-make-the-best-product-managers/>.

P.S. OVCHINNIKOV

*A bachelor of the department
of Political Science, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

E.E. NECHAY

*Academic Advisor; Candidate of Political Science,
Associate Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.S. SAKHNENKO

*Graduate student of the department of Political Science,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

PRODUCT MANAGEMENT IN THE POLITICAL FIELD

The paper attempts to study the implementation of Product management technology in the political sphere. The concept of the political market allows you to describe the candidate, the party, their software products in terms of marketing, and therefore makes it possible to use marketing technologies in the activities of political consultants and political technologists. In the context of studying the Product management discipline, the authors analyze the value of the product manager's competencies in the activities of political leaders and political technologists. The authors conclude that Product management is a subject at the intersection of several disciplines that will give political strategists and politicians important knowledge from business management, the electoral process, and also forms a number of key soft-skills that are necessary for working in the profession in the modern world.

Key words: *Product management, product management, political technologies, marketing technologies, political technologist.*

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ЦЕНЗУРЫ И КОНТРОЛЯ НАД СМИ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье анализируются механизмы формирования политического режима цензуры и контроля над СМИ в информационном поле современного Таджикистана. Отмечается, что политический режим цензуры и контроля над СМИ в Таджикистане предотвратил поток информационных атак и тем самым создал информационное пространство, в котором все правила диктуются властью. Определяются механизмы реализации политического режима цензуры и контроля над различными видами СМИ, зависящие от занимаемой ими позиции по отношению к власти. Выявляется особенность политического режима цензуры и контроля над СМИ, заключающаяся в том, что он базируется как на правовых, так и на внеправовых механизмах давления на информационные пространства. Исследование ситуации, сложившейся в информационном поле Таджикистана, позволяет автору сделать вывод о том, что политический режим цензуры и контроля над СМИ ориентирован на тотальный контроль над информационными ресурсами в целях обеспечения информационной безопасности и устойчивости персоналистского авторитарного режима, который стремится быть поддержанным через систему политической цензуры и контроля над СМИ.

Ключевые слова: *власть, политический режим, средства массовой информации, политическая цензура, авторитарный режим, Таджикистан, информационная безопасность.*

Современные исследователи утверждают, что функционирование таджикских СМИ в последние годы определяется разработанной медийной стратегией, базирующейся на системе политической цензуры, которая, в свою очередь, ориентирована на тотальный контроль над информационным пространством. Функционирование СМИ и анализ сформированной по отношению к ним системы цензуры, также рассматривается как фактор, определяющий особенности политического режима в Таджикистане, его

демократический или авторитарный характер [14. С. 365; 21. Р. 909-912; 23. Р. 619-641]. Кроме того, усиливается тенденция определения роли СМИ в сохранении культуры таджикского общества в условиях противостояния двух явлений: традиции и глобализации общественно-политической жизни [22. Р. 515-525].

В исследованиях, посвященных положению СМИ в условиях усиления тотального контроля над ними, акцентируется внимание на двух причинах формирования системы цензуры в Таджикистане. Согласно первой, система цензуры является результатом политико-идеологического противостояния власти и оппозиции (демоисламистов) в постконфликтном периоде, на фоне происходящих событий в регионе, прежде всего в Афганистане. Потребность к сохранению информационной безопасности значительно актуализировала вопрос о контроле над СМИ в целях обеспечения устойчивости действующего авторитарного режима. В контексте подобной интерпретации, система цензуры воспринимается как инструмент поддержания авторитарного режима Таджикистана, который обеспечивает его устойчивость в условиях политико-идеологического противостояния [10; 11. С. 71]. Вторая причина обуславливается влиянием глобализации информационных технологий, формированием транснациональных СМИ за рубежом, значительно меняющих мнение таджикского общества в отношении к политическим реалиям страны [9. С. 196; 12. С. 321-327; 15. С. 84-88]. В этом значении, политическая цензура воспринимается не только как способ фильтрации журналистского текста или недопущение критических материалов в СМИ, но, прежде всего, как факт отхода от установленного стандарта поведения. Она воздействует не только и не столько на совокупность дискуссионных материалов в СМИ, подвергаемых цензуре, но и на все пространство мысли и, тем самым, обеспечивает введение его в рамки, приемлемые для власти и для стимулирования самоцензуры [17. С. 301].

Задача данной статьи заключается в проведении анализа особенностей политического режима цензуры и контроля над СМИ, исследовании его механизмов реализации по отношению к различным видам СМИ (партийно-религиозным проправительственным и частным) в Таджикистане и в том, чтобы определить, является ли данный режим одновременно и режимом поддержания мира как легитимного порядка в условиях после гражданской войны в Таджикистане?

Следует подчеркнуть, что после распада СССР в Таджикистане возникла сложная политическая ситуация. Идеологическое и вооруженное противостояние политических сил привело к гражданской войне, которая, кроме экономических и человеческих жертв, имела негативные последствия в процессе формирования государственных институтов. Консолидация политических сил и разделение власти между официальной властью и оппозицией в соотношении 70% к 30% в результате подписания мирного соглашения

в 1997 году оказались важным фактором установления общественного и легитимного порядка в постконфликтном Таджикистане.

Однако впоследствии развитие ситуации привело к усилению авторитарного режима и активизации кланово-иерархических движений. В результате многие политические партии и движения, с которыми ранее власть заключила договор о мире, оказались не нужны. Руководители многих общественных организаций и политических партий были вынуждены либо уйти из политики, либо приспособиться к новым условиям, определяемым действующим режимом. На фоне идеологического противостояния СМИ оказались на пике политической борьбы. Многоплановая атака на государство осуществлялась с внутренних и внешних позиций: активизация исламского радикализма внутри страны могла привести к новой гражданской войне; развитие радикальных движений в Афганистане, серия государственных переворотов в Киргизстане и Узбекистане представляли существенную угрозу Таджикистану. С целью защиты государственных интересов, поддержки политики и идеологии действующего режима был организован институт политической цензуры. Поддержку и оппонирование политического режима со стороны СМИ путем тотального контроля над информационными ресурсами автор данной работы объединяет термином «политический режим цензуры и контроля над СМИ».

Политический режим цензуры и контроля над СМИ в Таджикистане обеспечивает процесс формирования государственного контроля над информационными ресурсами. Он предоставляет возможность всем властным структурам эффективно осуществлять контроль над содержанием материалов газет, радио и телевидения, тем самым не допускать или ограничивать распространение идей, признаваемых властью нежелательными или вредными [12. С. 321-327]. Как указывает исследователь В. Осман, формирование данного режима в Таджикистане связано как с внешними, так и с внутренними факторами. К внешним факторам исследователь отнес события, происходящие в Афганистане. К внутренним факторам – усиление оппозиции, которое на фоне событий, происходящих в Узбекистане (Андижанские события) и Киргизстане (серия государственных переворотов), воспринималось как угроза стабильности действующего режима. В таком контексте В. Осман пишет, что формирование политического режима цензуры и контроля над СМИ способствует легитимности власти и тем самым гарантирует победу Э. Рахмона на всех президентских выборах [23. Р. 619-641].

В современном Таджикистане, как и во многих других среднеазиатских странах, прямое (законное) вмешательство в деятельность СМИ отсутствует. В Конституции РТ закреплено, что каждому гарантируется свобода слова, печати, право на пользование средствами информации. Государственная цензура и преследование за критику запрещается (ст. 30) [5]. Эти положения закреплены также в законах «О телевидении и радиовещании» [4], «О пе-

риодической печати и других средствах массовой информации» [2], «О праве на доступ к информации» [3], «О государственных секретах» [1]. Кроме того, в статье 162 УК РТ закреплено, что за воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста, угрозы в его адрес за распространение информации предусмотрен штраф либо исправительные работы на срок до двух лет [16].

В законодательных документах, касающихся СМИ, не упоминаются названия органов цензуры, однако на практике деятельность СМИ контролируют Министерство культуры РТ, Министерство юстиции РТ и Налоговый комитет при Правительстве Республики Таджикистан. Это проявляется прежде всего в процедуре получения регистрации и лицензий, периодической проверке документов, повышении налогов, закрытии СМИ в случае нарушения законодательства, защищающего информационную безопасность, государственную тайну.

Следует подчеркнуть, что в информационном поле страны функционируют проправительственные, независимые, партийно-религиозные, зарубежные и другие виды СМИ. Механизмы политического режима цензуры и контроля по отношению к различным видам СМИ осуществляются в зависимости от занимаемой ими позиции по отношению к действующему режиму.

Проправительственные СМИ охватывают широкую аудиторию, провозглашают свою приверженность принципам демократической журналистики, плюрализма, представляют официальные материалы, утверждая политику правящей власти, которая определяет финансирование СМИ в ответ на их лояльность и поддержку. Можно констатировать, что в стране почти отсутствуют газеты и журналы, телекомпании и радиостанции, которые можно признать экономически независимыми. Для многих СМИ дотации и спонсорские вложения за информационное обеспечение стали нормой.

Проправительственные СМИ представляют собой «силу», у которой пока нет равного соперника [19. С. 87]. В данном контексте речь идет об их политическом статусе ввиду их принадлежности государству, хотя, как показывает анализ, в плане освещения политически важных вопросов они во многом отстают от других видов СМИ. Так, сегодня из 11 функционирующих в стране информационных агентств 10 являются государственными. В распоряжении власти находятся самые крупные общереспубликанские СМИ, такие как ИА «Ховар», государственное ТВ «Тоҷикистон», информационное государственное телевидение «Чохоннамо», «ТВ Сафина», радиостанции «Ховар», «Голос Душанбе», «Тоҷикистон», газеты «Чумхурият», «Голос народа», «Народная газета» и т. д. Они являются не только важным средством обеспечения информационной безопасности, но и представляют политический режим цензуры и контроля над СМИ «жизненно необходимой идеологией правящей элиты».

Контроль над всеми периодическими изданиями осуществляется Издательско-полиграфическим комплексом «Шарки Озод» – Исполнительным аппаратом президента Республики Таджикистан, одним из крупнейших полиграфических предприятий в среднеазиатских странах, который также выпускает печатную продукцию всех видов, в том числе продукцию Госзнака. Контроль над электронными СМИ реализует Комитет по телевидению и радио при Правительстве Республики Таджикистан. В 2019 году на встрече с представителями Комитета по телевидению и радиовещанию президент Э. Рахмон заявил, что «программы телевидения должны быть подготовлены с учетом государственных интересов» [20]. По результатам отчета института ODIHR (БДИПЧ) во время парламентских выборов, состоявшихся в начале марта 2020 года, функционирование Комитета по телевидению и радио при Правительстве Республики Таджикистан было ориентировано только на агитацию кандидатов от правящей партии. Отмечается, что «руководство Комитета по телевидению и радио при Правительстве РТ поручило частным радио и телекомпаниям еженедельно предоставлять свои планы вещания и включать пропагандистские программы только о действующей власти» [25].

Политический режим цензуры и контроля в отношении независимых СМИ реализуется посредством принятия многочисленных законов и законодательных актов, нарушение которых приводит к санкциям по отношению к СМИ, а иногда к их ликвидации. Кроме того, существуют некоторые превентивные меры, в частности налоговые проверки и связанные с ними наказания, после которых СМИ продолжают существовать, но в ограниченных экономических рамках.

Важным моментом в усилении политического режима цензуры и контроля над независимыми СМИ стало внесенное в 2016 году парламентом страны изменение в статью 137 УК РТ, предусматривающее уголовную ответственность за публичное оскорбление или клевету в адрес Лидера нации, каковым с 2015 года является президент страны Э. Рахмон. Обвиняемым по этой статье лицам грозит срок до пяти лет. Сложность заключается в том, что в законе не конкретизируются понятия «критика» и «оскорбление», что способствует привлечению СМИ к уголовной ответственности за любую критику власти. Данную инициативу можно воспринимать как один из механизмов реализации политического режима цензуры и контроля над независимыми СМИ с учетом того факта, что критика Лидера нации – президента страны в государственных СМИ является маловероятной.

В результате механизмы надзорных органов цензуры в отношении СМИ затрудняют процесс получения регистрации и лицензии, ограничивают доступ к информации, угрожают уголовной ответственностью в случае нарушения законов в области СМИ, в том числе и ст. 137 УК РТ о критике и оскорблении первого лица страны. Самое наглядное свидетельство

этому – обвинение в адрес газеты «Нигох» и информационного агентства «ТоjNews» в 2016 году со стороны Министерства культуры РТ за «оскорбление должностных лиц», в результате чего они перестали функционировать. Подобное обвинение было выдвинуто по отношению к независимым газетам «Азия плюс» и «Фараж» за распространение «недостовой информации» о двух событиях: военном конфликте в Хороге (2012 год) и событиях, связанных с попыткой государственного переворота со стороны членов Исламской партии в Душанбе (2015 год). В обоих случаях руководство Министерства культуры РТ и Министерства юстиции РТ обвинили издания в пособничестве террористам и распространении недостовой информации [7].

Данное обстоятельство также во многом осложняет процесс получения регистрации СМИ, не имеющих отношения к государству. Закон «О периодической печати и других СМИ» (статьи 10, 11) обязывает СМИ независимо от формы собственности в порядке, предусмотренном законодательством страны, пройти государственную регистрацию в качестве юридического лица. Государственная регистрация СМИ в качестве юридического лица производится согласно законодательству РТ, регулиующему регистрацию юридических лиц. При этом в законе отсутствуют названия конкретных органов регистрации. Сложность заключается в том, что независимые СМИ не успевают проходить регистрацию в указанное законом время, при этом часто получают отказ. Так, в настоящее время в информационном поле функционирует лишь один независимый республиканский телеканал «СМТ», который освещает новости в некоторых городах, расположенных неподалеку от столицы. Функционирующие независимые радиостанции ввиду отсутствия средств связи не имеют возможностей предоставлять актуальную информацию гражданам страны. Несмотря на многократные обращения к Министерству культуры РТ, медиа-холдингу «Азия плюс» не удалось получить регистрацию для создания частного телеканала.

Политический режим цензуры и контроля в отношении партийно-религиозных СМИ осуществляется по тем же принципам, что и независимых СМИ. Религиозные СМИ представлены двумя группами: способствующими политизации ислама и религиозными формированиями, не претендующими на политическое влияние в обществе.

К первой группе относятся СМИ, принадлежащие ПИВТ (запрещенной в Таджикистане). Это такие газеты, как «Начот», «Божье послание», «Милосердие», «Свидетельство». Наиболее мощным проводником партийно-религиозной политики признаны газеты «Спасение» и «Справедливость» (орган печати ДПТ), деятельность которых не раз приостанавливалась Министерством культуры РТ [8], а их сотрудники часто становились объектом физического насилия за критические публикации в адрес власти [13]. Вторая группа религиозных СМИ, появившаяся после мирного соглашения

(1997 год), не является политизированной («Сафо», «Асолат»). Они принадлежали различным медиа-холдингам и религиозным учреждениям.

Помимо Министерства культуры, Министерства юстиции, Налогового комитета при Правительстве Республики Таджикистан, одним из важных органов цензуры для религиозных СМИ является Комитет по религии, упорядочению традиций, торжеств и обрядов при Правительстве РТ. Одной из главных задач этого Комитета является осуществление контроля над информационными ресурсами по свободе совести и религиозных объединений. Эту функцию также выполняет Исламский Центр РТ, который одобряет любое решение власти в отношении религии, начиная от контроля религиозной литературы до закрытия СМИ религиозного характера. Ярким примером служит скандал вокруг закрытия мечети «Мухаммадия», известной как мечеть семьи Тураджонзода, которой также принадлежал интернет сайт www.turajon.com, где братья Тураджонзода размещали публикации об исламе и вели постоянный диалог с прихожанами, получая активную поддержку граждан. Инициатором данного инцидента стало руководство Службы связи при Правительстве Таджикистана и Исламский Центр РТ.

В сентябре 2015 года после объявления властью ПИВТ террористической партией Исламский Центр РТ и Комитет по религии, обвиняя оппозицию в совершении государственного переворота, стали инициаторами закрытия газеты «Спасение». Позднее после принятия президентом Ирана на официальном уровне таджикских оппозиционеров во главе с председателем ПИВТ руководство Исламского центра РТ обвинило иранское правительство в разжигании гражданской войны 1990-х годов, в поддержке и подготовке террористов [6], а также в финансировании СМИ религиозного характера в Таджикистане.

Подобно независимым и религиозным, партийные СМИ часто сталкиваются с проблемой получения регистрации. Свое решение государственные органы обосновывают обвинением СМИ в сотрудничестве с зарубежными агентами. Так, несмотря на многократные обращения руководства СДПТ и ДПТ, Министерство культуры и Министерство юстиции не зарегистрировали их издания. Сегодня ни одна партия не имеет электронных СМИ, в то время как все телевизионные каналы и большинство радиостанций в стране принадлежат государству. Причина кроется в том, что в общественном сознании понятие «оппозиция» до сих пор воспринимается не как естественный конструктивный компонент политического пространства, а как деструктивная сила, участвовавшая в развязывании гражданской войны.

Важно подчеркнуть отношение политического режима цензуры и контроля к функционирующим в стране зарубежным СМИ, которые распространяют идеи своих хозяев, претендующих на территорию, ресурсы и на вытеснение таких важных партнеров Таджикистана, как Россия, Иран и Китай. Такая тенденция характерна прежде всего для западных СМИ («Би-би-си»),

радио «Свобода»), предлагающих развитие страны путем вестернизации, т. е. по западному образцу. Кроме того, можно говорить о функционировании узбекских («Ешлар», «ТВ Узбекистан», «Наво», «Варзиш»), иранских («IranInternational TV»), российских («Аргументы и факты», «РИА Новости», «ТВ Мир», «ТАСС») и афганских («Тулу») СМИ в информационном поле страны, которые также оказывают влияние на изменение политической культуры общества. Доступ к большинству из них возможен только через спутниковые антенны.

Зарубежные СМИ, согласно законодательству, имеют право осуществлять свою деятельность в стране путем открытия филиалов, представительств или аккредитации журналистов. Согласно Закону «О периодической печати и других СМИ» только Министерство иностранных дел аккредитует и аннулирует аккредитацию зарубежных корреспондентов (ст. 32) [2]. Однако на практике немало примеров, когда другие государственные органы, оказавшиеся объектом критики зарубежных СМИ, способствовали ограничению их функционирования. Искажение происходящих событий в интересах других стран и критика действующего режима часто становятся решающим фактором для ограничения и закрытия зарубежных СМИ. По этому принципу были закрыты телеканал «К+» в 2011 году, и газета «Комсомольская правда» в 2016 году [18]. Подобные случаи можно наблюдать на примере радио «Свобода» в 2016 году, когда Министерство иностранных дел РТ лишило журналистов радио аккредитации за освещение информации о назначении дочери президента в МИД страны [24].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что политический режим цензуры и контроля над СМИ – это тотальный контроль над информационными ресурсами страны в целях обеспечения информационной безопасности и устойчивости персоналистского авторитарного режима, который стремится быть поддержанным через систему политической цензуры и контроля над СМИ.

Политический режим цензуры и контроля над СМИ в Таджикистане проявляется прежде всего в объеме и качестве циркулирующей в обществе информации, доступной массам. Его особенность заключается в том, что он базируется как на правовых, так и на внеправовых механизмах давления на СМИ. Правовое давление на СМИ можно определить, как осознанное принятие властью новых законов, изменение законодательства страны в области СМИ, значительно ограничивающие их доступ к официальной информации и запрещающие обсуждение противопоставленной власти позиции. Внеправовое давление – это использование различных методов давления государственными чиновниками в целях предотвращения появления или задержки распространения в СМИ информации, приносящей ущерб их карьере, путем прямого вмешательства в редакционную политику, подкупа журналистов, редакторов, а также применения физического насилия в отношении журналистов.

Совокупность механизмов политического режима цензуры и контроля над СМИ является той силой, которая способна изменить идеологию таджикского общества, заставить его неадекватно воспринимать политическую реальность, жить в мире иллюзий. На фоне такого идеологического кризиса таджикское общество оказывается в плену ложных представлений и живет в виртуальном мире, созданном искусными постановщиками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Закон Республики Таджикистан «О государственных секретах» // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=70180.

2. Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» // <https://www.mfa.tj/ru/main/view/67/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-periodicheskoi-pechati-i-drugikh-sredstvakh-massovoi-informatsii>.

3. Закон Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» // <http://ncz.tj/content/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-prave-na-dostup-k-informatsii>.

4. Закон Республики Таджикистан «О телевидении и радиовещании» // Сборник нормативно-правовых актов РТ в сфере СМИ. Душанбе, 2014.

5. Конституция Республики Таджикистан // <https://www.mfa.tj/ru/main/view/72/konstitutsiya-respubliki-tadzhikistan>.

6. *Кривошеев К.* Геополитика на фарси. Почему Иран стал главным врагом Таджикистана // <https://carnegie.ru/commentary/77029>.

7. Минкультуры дало предупреждение главреду печатного органа ПИВТ // <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20130813/minkultury-dalo-preduprezhdenie-glavredu-pechatnogo-organa-pivt>.

8. Минкультуры официально предупредило «Азию-Плюс» // <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20120806/minkultury-ofitsialno-predupredilo-aziyu-plyus>.

9. *Мирзоали С.* Хабар: аз Машрик то ба Магриб. Душанбе, 2009.

10. *Муқим Дж.* Свобода слова и цензура СМИ Таджикистана // <https://jovidmuqim.wordpress.com/2010/11/29/свобода-слова-и-цензура-сми-таджикист/>.

11. *Муқим Ч.* Сиесат ва чанги иттилооти. Душанбе: Деваштич, 2006.

12. *Муқимов М.* Воқеият ва инъикоси он дар расонаҳои Тоҷикистон // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. 2014. № 3.

13. Политсовет ПИВТ осудил нападение на главреда партийной газеты // <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20110207/politsovet-pivt-osudil-napadenie-na-glavreda-partiinoi-gazety>.

14. *Рухтер А.* Свобода массовой информации в постсоветском пространстве. М., 2007.

15. Султонов М.М. Влияние глобализационных процессов на информационное пространство Таджикистана // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2012. № 8.

16. Уголовный кодекс Республика Таджикистана // <http://ncz.tj/content/уголовный-кодекс-республики-таджикистан>.

17. Усмонов И. Журналистика. Кн. 3. Душанбе, 2008.

18. Чопи «Комсомолская правда» дар Тоҷикистон қатъ шуд // <http://javonon.tj/news/politics/chopi-komsomolskaya-pravda-dar-to-ikiston-at-shud/>.

19. Шарифзода К. Мушкilotи озодии сухан. мач. мак. Душанбе: Деваштич, 2009.

20. Эмомали Раҳмон недоволен, что его пропагандируют посредством музыкальных клипов // <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20190221/emomali-rahmon-nedovolen-что-его-propagandiruyut-posredstvom-muzikalnih-klipov>.

21. Cengiz G. Post-Soviet Politicized Media and Free Press within the Context of Central Asian Countries // International Journal of Social Science and Humanity. 2016. № 6.

22. Gross P., Kenny T. Journalism in Central Asia: A Victim of Politics, Economics, and Widespread Self-censorship // The International Journal of Press/Politics. 2008. № 13.

23. Osman W. Between the White House and the Kremlin: A Comparative Analysis of Afghan and Tajik Media // International Journal of Communication. 2019. № 13.

24. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression on his mission to Tajikistan // <https://www.ohchr.org/en/issues/freedomofopinion/pages/opinionindex.aspx>.

25. Republic of Tajikistan parliamentary elections 1 march 2020. ODIHR Election Assessment Mission al Report. Warsaw, 2020 // <https://www.osce.org/files/f/documents/9/9/453243.pdf>.

D.M. SALIMOV

Applicant for the Department of Political Management, Faculty of Political Science Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

MECHANISMS OF IMPLEMENTATION OF THE POLITICAL REGIME OF CENSORSHIP AND CONTROL OVER THE MEDIA IN MODERN TAJIKISTAN

The article analyzes the mechanisms of formation of the political regime of censorship and control over the media in the information field of modern

Tajikistan. It is noted that the political regime of censorship and control over the media in Tajikistan prevented the flow of information attacks and thereby created an information space in which all the rules are dictated by the authorities. The mechanisms of implementation of the political regime of censorship and control over various types of media are determined, depending on their position in relation to the authorities. The article reveals the peculiarity of the political regime of censorship and control over the media, which consists in the fact that it is based on both legal and extra-legal mechanisms of pressure on information spaces. The study of the situation in the information field of Tajikistan allows the author to conclude that the political regime of censorship and control over the media is focused on total control over information resources in order to ensure information security and stability of the personalist authoritarian regime, which seeks to be supported through the system of political censorship and control over the media.

Key words: *power, political regime, mass media, political censorship, authoritarian regime, Tajikistan, information security.*

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

В данной работе автор исследует социальное происхождение состава высшей политической элиты КНР. В рамках исследования, с целью дополнить базу данных политической элиты современного Китая, автор проанализировал биографии представителей высшей политической элиты КНР последних трех поколений (с 1989-2020 гг.) на предмет географического и социального происхождения. В частности, автор выявил долю представителей элит, происходящих из семей крестьян, рабочих, военных, интеллигенции, а также выяснил, из каких провинций родом наибольшее количество высокопоставленных китайских политиков. Полученные результаты позволяют выявить основные тенденции в динамике социального и географического происхождения представителей высшей власти в Китае.

Ключевые слова: *Китай, политическая элита, трансформация элит, социальное происхождение элит.*

По мнению автора, одним из критериев, который во многом определяет принадлежность члена политико-административной элиты к определенной властной группировке в Китае, является его этническое происхождение. В титульном этносе Китая хань 汉族 [ханьцзу], который по данным переписи 2010 года составляет более 91% от общего населения Китая, выделяются субэтноты 民系 [миньси], обладающие собственной культурной идентичностью, диалектом, и, что более важно, широкой сетью клановых, квази-родственных неформальных связей 关系 [гуаньси]. В Китае, являющейся разнородной страной, клановые традиции были особенно сильны с самых древних времен, и клановые связи зачастую превалируют над другими формами принадлежности (к классу, политическому ведомству) и сегодня.

В рамках исследования были проанализированы биографии членов ПК Политбюро ЦК КПК трех последних поколений высшей правящей элиты КНР. Каждое поколение связано со сменой Генерального секретаря ЦК КПК.

Третье поколение – Цзян Цзэминя (1989-2002 гг.), четвертое – Ху Цзиньтао (2002-2012 гг.), пятое – Си Цзиньпина (2012-н.в.) (1). Эмпирической базой исследования послужили биографические данные из ряда источников на английском, и китайском языках, включая официальные данные о политиках с сайта Народно-политического консультативного совета Китая, Центрального народного правительства КНР и др. [1; 2]. Учитывая закрытый характер высшей политической власти в современном Китае, биографий ряда политических деятелей не существует в открытом доступе. При классификации таких политиков автор обращался к данным журналистских расследований, а также другим публикациям в СМИ на разных языках [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], что в определенной мере повышает степень погрешности итоговых данных, но, тем не менее, позволяет увидеть общую картину. В тех случаях, когда установить социальное происхождение политика было невозможно, ввиду отсутствия какой-либо информации о предках, автор проводил классификацию, основываясь на биографических данных самого политика. В частности, учитывалась карьерная траектория политика, уровень образовательного учреждения. Престижный университет и относительно быстрая партийная карьера выступали в роли маркеров более высокого социального происхождения.

К «рабочему» происхождению автор относил политиков, рожденных в семье обычных рабочих, инженеров, работников заводов, живущих за счет продажи своей рабочей силы. К «крестьянскому» – потомков крестьян, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью на момент рождения политика. Также в это множество автор включил выходцев из семей землевладельцев, отметив это соответственно. К «военному» – потомков служащих НОАК, к интеллигенции – потомков ученых, учителей, партийных работников и др.

Ниже представлены полученные данные, оформленные для удобства визуализации в виде таблиц.

Из каких семей выходят наиболее влиятельные политики в Китае.

Основываясь на полученных данных, можно сделать следующие выводы. Наибольшая доля членов высшей политической элиты КНР (ПК Политбюро ЦК КПК) состоит из выходцев из интеллигенции (дети крупных партийных деятелей, учителей разного уровня, включая преподавателей в вузах). В 3-ем поколении эта доля составляет 53%, в 4-м – 40%, в 5-м – 71%. Кроме этого можно выделить постепенное снижение доли выходцев из бедных/крестьянских семей среди представителей высших властных элит. С 38% в 3-ем поколении, она сократилась до 20% в 4-ом, и до 0% в 5-м. Такая динамика объясняется, в целом, снижением доли крестьянского населения КНР в процессе экономической модернизации страны. Еще одной особенностью социального состава высшей политической элиты Китая последних 30 лет является малая доля выходцев из военных кругов.

Таблица 1

**Состав высшей политической элиты КНР 3-го поколения
по критерию социального происхождения**

Социальное происхождение			
рабочее	крестьянское	военное	интеллигенция
1 (1)	5 (3)	0	7

Таблица 2

**Состав высшей политической элиты КНР 4-го поколения
по критерию социального происхождения**

Социальное происхождение			
рабочее	крестьянское	военное	интеллигенция
3 (2)	2	1	4

Таблица 3

**Состав высшей политической элиты КНР 5-го поколения
по критерию социального происхождения**

Социальное происхождение			
рабочее	крестьянское	военное	интеллигенция
1	0	1	5

В 2002-2012 гг. в составах ПК Политбюро ЦК КПК находились/находятся всего по одному политику с военным происхождением, в 3-м поколении – ни одного. Доля политиков с рабочим происхождением также относительно невелико, кроме того, большинство из них являлись членами семей зажиточных крестьян, или землевладельцев.

Из каких провинций выходят наиболее влиятельные политики Китая. При выборе «происхождения» политика, учитывалось не фактическое место рождения, а место, из которого происходит семья политика. По мнению автора, такой подход более объективно отражает связь того или иного политика с конкретной провинцией, и именно происхождение семьи обуславливает наличие тех или иных квази-клановых связей (关系).

Проведя сравнительный анализ состава высшей политической власти в КНР по признаку географического происхождения, можно сделать следующие выводы. Во-первых, как следует из анализа биографических данных политиков трех последних поколений (1987-2021), больше всего представителей высшей политической элиты КНР происходит из следующих провин-

**Состав высшей политической элиты КНР 3,4,5 поколений
по критерию географического происхождения**

Географическое происхождение			
Название региона	Элита 3-го поколения	Элита 4-го поколения	Элита 5-го поколения
Аньхой	1	1	2
Фуцзянь		1	
Ганьсу			
Гуандун			
Гуйчжоу		1	
Хайнань			
Хэбэй		1	1
Хэйлуцзян			
Хэнань	1		
Хубэй	1		
Хунань	1		
Цзянсу	3	1	
Цзянси		2	
Гирин			
Ляонин		2	
Цинхай			
Шаньси		1	
Шаньдун	1	1	
Шэньси	1	2	2
Сычуань			
Юньнань			
Чжэцзян	1		1
Гуанси-Чжуанский АР			
Внутренняя Монголия		1	
Нинся-Хуэйский АР			
Синьцзян-Уйгурский АР			
Тибетский АР			
Пекин			
Шанхай	2	1	1
Чунцин			
Тяньцзинь	1	1	

ций: Аньхой (4), Цзянсу (4), Шэньси (4), город центрального подчинения Шанхай (4). Традиционно Китай делится на ряд регионов (Восточный Китай, Северный Китай, Северо-Восточный Китай, Северо-Западный Китай, Южный Центральный Китай, Южный Западный Китай). Из полученных данных также можно сделать вывод, что подавляющее большинство членов ПК Политбюро ЦК КПК за последние 30 лет происходили из Восточного Китая. При этом, за исключением одного случая, в составе высшей правящей элиты не были представлены выходцы из провинций Юго-Запада Китая. При этом в составах ПК Политбюро ЦК КПК отсутствуют и политики из национальных автономных районов (исключение составляет только Внутренняя Монголия). Еще одной особенностью является отсутствие в составе высшей политической элиты представителей коренных жителей столицы КНР – Пекина (действующий председатель КНР Си Цзиньпин хотя формально и родился в Пекине, был отнесен автором к выходцам из провинции Шэньси, так как именно оттуда происходят его семья и предки – 祖籍 (происхождение по предкам)). С этим, вероятно, и связан рост доли выходцев из провинции Шэньси с 2002 года, когда в состав ПК Политбюро ЦК КПК вошел Си Цзиньпин.

Заключение. Проанализировав состав высшей политической элиты КНР, представленной членами ПК Политбюро ЦК КПК, за последние 30 лет (1987-2020) с точки зрения социального происхождения, рисуя «универсальный портрет» представителя высшей власти в КНР можно отметить следующие особенности. Это выходец из Восточных провинций, рожденный в семье представителей интеллигенции. Говоря о динамике социального и географического происхождения представителей высшей власти в Китае, можно сделать следующие выводы. Во-первых, среди представителей элит почти исчезли выходцы из рабоче-крестьянских семей. Во-вторых, представители восточных провинций (Цзянсу, Цзянси, а также города центрального подчинения Шанхая) замещаются выходцами из северной провинции Шэньси – родины действующего Председателя КНР Си Цзиньпина.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В данном конкретном случае к рабочему происхождению отнесен Ху Цзиньгао, чья семья занималась торговлей чаем.

(2) Включая Ху Цзиньгао.

(3) Из них 2 политика происходили из семей зажиточных крестьян.

(4) Состав ПК Политбюро ЦК КПК 19-го созыва учитывался по данным на январь 2021 г.

В качестве источников для биографического анализа состава ПК Политбюро ЦК КПК выступили следующие ресурсы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. 中国人民政治协商会议全国委员会 [Чжунго Жэньминь Чжэнчжи Сешан Хуэйи Цюаньго Вэйюаньхуэй] // Сайт Национального комитета Народно-политического консультативного совета Китая // <http://www.cprcc.gov.cn>.
2. 中华人民共和国国务院 [Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Гоюань] // Сайт Центрального народного правительства КНР // <http://www.gov.cn/guowuyuan>.
3. 刘华清: 将军情怀 平民本色 [Лю Хуацин : Цзянцзюнь Цинхуай Пинминь Бэньсэ]. Лю Хуацин: переживания генерала, подлинное лицо простого человека // <http://dangshi.people.com.cn/n1/2016/1207/c85037-28930495.html>.
4. 李岚清: 退休常委的“沉思录” [Ли Ланьцин : Туйсю Чанвэй дэ“Чэньсылу”]. Ли Ланьцин: размышления ушедшего на пенсию члена ПК Политбюро ЦК КПК // <http://news.sohu.com/20140522/n399916079.shtml>.
5. 黄菊温和微笑与上海飞跃 [Хуан Цзюй Вэньхэ Вэйсяо юй Шанхай Фэйюэ]. Мягкая улыбка и стремительная карьера в Шанхае Хуан Цзюя // <https://business.sohu.com/43/97/article207559743.shtml>.
6. 重思被废黜中共改革者: 昨日之星胡启立 [Чжунсы бэй Фэйчу Чжунгун Гайгэчжэ : Цзожи чжи син Ху Цици]. Прошлое Ху Цици, уволенного реформатора в КПК // <https://history.creaders.net/2018/04/30/1947829.html>.
7. 王岐山 [Ван Цишань]. Ван Цишань, биографическая справка // https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/03/china_20180318_wang_qishan_profile.pdf.
8. 赵乐际 [Чжао Лэцзи]. Чжао Лэцзи, биографическая справка // https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/10/china_20171013_19thpartycongress_zhao_leji.pdf.
9. Meet China's Emerging Number 2. A biography of Li Zhanshu, the right-hand man to Xi Jinping // Встречайте новый № 2 в Китае. Биография Ли Чжаньшу, правой руки Си Цзиньпина // <https://thediplomat.com/2017/05/meet-chinas-emerging-number-2/>.
10. *Patapan Haig, Wang Yi*. The Hidden Ruler: Wang Huning and the Making of Contemporary China. Journal of Contemporary China. 2018 / Скрытый правитель: Ван Хунин и создание современного Китая // <https://research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/348664/PatapanPUB3927.pdf;jsessionid=FFDD6B7893F52F1823BD03DA6D2BE7D6?sequence=1>.
11. *Song Yuwu*. Biographical Dictionary of the People's Republic of China. McFarland // Биографический словарь КНР. 2013.

A.L. TASHCHILIN

*Financial University under the Government
of the Russian Federation, Postgraduate Student,
Department of Political Science,
Moscow, Russia*

SOCIAL ORIGIN AS A BASIS FOR FORMING POLITICAL ELITES IN MODERN CHINA

In this paper, the author examines the social origin of the composition of the highest political elite of the PRC. As part of the study, in order to supplement the database of the political elite of modern China, the author analyzed the biographies of representatives of the highest political elite of the PRC of the last three generations (1989-2020) for geographic and social origin. In particular, the author identified the proportion of representatives of the elites who come from families of peasants, workers, military, intellectuals, and found out from which provinces the largest number of high-ranking Chinese politicians come from. The results obtained make it possible to identify the main trends in the dynamics of the social and geographical origin of representatives of the highest authorities in China.

Key words: *China, political elites, political elite transformation, social backgrounds of political elites.*

ГЕНОТИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ КАК ОСОБЕННЫЙ ФАКТОР ЕЕ РАЗВИТИЯ

В данной статье рассматривается особенность зарождения и развития политической культуры России, с Древней Руси до ее современности. Главной целью является подробное обоснование характера, структуры и функций политической культуры, реализуемые в определенном историческом периоде на территории Российского государства, ее системного формирования и влияния на восприятие сознанием подданных. Автор отмечает, что под воздействием исторических событий и прогрессивности самого общества, структурные механизмы политической культуры обновляются и принимают более совершенную форму, которая соответствует новой ступени формации государства, что, собственно, пережила и политическая культура России. Координируя внутри общества, обеспечивая ему социально-политические условия и возможности в рамках действующего политического режима и в форме существующего общественного экономического строя государства, она формирует устойчивую систему общественных взглядов. Эволюционный путь политической культуры России можно обозначить как переход от традиционно-архаичного до патриархально-самодержавного строя, от идеологического коммунизма до либерально-правовой системы. Таким образом, форма политической культуры зависит от государственной системы, и так же на трансформацию ее механизмов влияют институциональные и культурные изменения. В настоящее время в России больше видится смешанная политическая культура, ориентированная на гражданственность и патриархально-подданническую направленность. Для перехода ее в полный тип демократии необходимо еще время, и его срок зависит от экономической стабилизации в стране и от новых программ, усиливающих контакты власти и общества.

Ключевые слова: политическая культура, генотип, государство, эволюция, традиционно-архаичная культура, патриархат, трансформация, самодержавие, коммунистическая идеология, демократия, система, власть, структура, реформатор, монарх, Киевская Русь, Советский Союз, Россия.

Россия, бесспорно, уникальна своей исторической судьбой, становлением государства и складыванием внутри него политической культуры, как выразителя народной воли к господству государственных устоев.

Истоком проявления политической культуры является обустройство возникшего государства, которое построило сообщество, как полагает автор, по согласию каждого индивида, так как без него нет основы зарождения институтов власти. И не взирая даже на силу, влияющую на него со стороны власти, человек занимает одну из ступеней структуры государства как его гражданин и защитник.

Отражение традиционно-архаичной культуры Древней Руси – это складывание социальной иерархии и социальной солидарности, где центральную позицию занимало вече-народное собрание. Оно у восточных славян играло роль органа государственного самоуправления и общественного самоуправления, что дает право историкам утверждать о наличии прямой демократии.

Исследователь А. Купрач подробно изучив работы таких корифеев науки, как Н.И. Костомаров, В.И. Сергиевич, С.М. Соловьев, Ф.И. Леонтович и В.О. Ключевский, обосновывает их единую точку зрения следующим образом: «Они считали, что прямая демократия была развита со времен Древней Руси» [1]. Следует отметить, что вече было собранием преимущественно свободных людей. Очевидно, что принципы современной демократии явно шире по требованиям и качеству чем более ранняя ее форма. И тем не менее для того исторического времени это был элемент эволюции, характеризующий государственный строй Киевской Руси и повлиявший на ее образование. По форме правления Древнерусское государство было сословной монархией, однако существует мнение, что со времен Киевской Руси в сознании народа утверждается взаимное доверие между властью и обществом. К сожалению, под воздействием политических, экономических, социальных передряг эта связь не сохранилась надолго, а со временем стала только утрачиваться, образовывая разрыв внутри государства.

Таким образом, рассматривая Древнюю Русь, внутри которой развивается ее политическая культура, происходит формирование зародышей самоуправления на народном вече, которому присущ элемент республиканского строя. Были случаи, когда народное вече лишало князя власти, самостоятельно внедряя нормы общежития, и выбирало руководителей общины. Наличие традиций политического самоуправления – одна из характерных черт политической культуры русского народа [2].

С истечением бурных исторических событий зарождается Россия. Мы знаем, что Киевская Русь в 988 году приняла христианство следствием дипломатии Византийской Империи. Утверждение христианства сыграло ключевую роль во внешней глобализации государственности Киевской Руси, также во всех ее внутренних жизненных аспектах. Но нельзя назвать

будущую Россию доподлинно наследницей Византийской цивилизации, как многие считают. Ее историческое развитие, дух и характер не исключают собственную позицию как имперское расширение и культурное величие страны. Здесь в пример вырисовывается яркая фигура Петра I, при котором сформулировалось представление об «общем благе» в качестве общегосударственной ценности, направленной на преодоление отсталости страны, реализуемой через повышение уровня образования и культуры, использования элементов западного образца. Реформам Петра I, как и самой личности посвящено много исследовательских работ, где нет, и нельзя дать однозначную оценку. Как писал историк Ключевский: «Не смотря на все преобразования Петровской эпохи, население России как было тяглым, так и осталось». Нам говорят, что Петр полностью изменил культуру страны, а один из виднейших историков нашей Родины пишет, что с точки зрения народа и общества мало что изменилось [3].

Приходила ли хоть малейшая мысль Петру I, что крепостное право – это зло? Как человек всевластный, зоркий, несомненно, он осознавал отведенную нишу жизни каждому из своих подданных, в том числе крепостных. Но имея судьбу правящего и с рождения относящийся к элитарной верхушке, он был наполнен самодержавной властью и атмосферой сословной иерархии. Преобразования Петра I не облегчили жизнь крепостных. Вспомним из курса истории слова Н.М. Карамзина о том, что российское самодержавие было живой, развивающейся системой. Именно это помогло самодержавию выжить в веках, преодолев все трагичные обстоятельства своей истории.

В целом, это был период для России, когда еще даже не зародились первые мысли об отмене крепостного права, а наоборот это было время абсолютного закрепощения. Тем не менее, Петр I остается крупным реформатором, который внес большой вклад в представление России как великого государства. Ю. Пивоваров пишет: «От самозванца Б. Годунова до самозванки Екатерины II цари закрепощали крестьян, что в конечном счете вылилось в крепостническую передельную общину. Она оказалась удобной формой сосуществования многосубъектной власти и лишённого исторической субъектности народа. Энергетика, энергия миллионов крепостных была обращена во внутрь, во внутриобщинный мир. И там, в этом двигателе внутреннего сгорания она самоуничтожалась и питала собой Власть» [4].

Дальнейшее же эволюционирование политической культуры России со времен княжения и до прихода царской власти по своей внутренней конструкции мало изменилось. Она также отождествлялась в массовом сознании как восприятие об «отцах-благодетелях» в лице монарха. В результате чего сформировалась вера в высшую царскую справедливость, что от его ума и благочестивой воли зависит жизнь народа. Это отразилось на характерности формирования политической культуры России.

С другой стороны, «народ в кандалах» – крепостничество с младенчества. Возможно ли видение иного мироздания? Исключая крестьянские бунты и войны, – однозначно нет. Существует идеология С.С. Уварова «Православия, самодержавие, народность», которая и сегодня вызывает споры о том, что конкретно помимо защиты основ института самодержавия заложено в триаде самим автором. Но это большая отдельная тема, требующая глубокого анализа. Здесь для нас важно отметить, что С.С. Уваров, не подразумевая этого в своей трилогии, отразил и политическую культуру России 30-х годов XIX века, так как с точки зрения автора, православная религия, самодержавие и сам народ являются представителями и влияющими факторами политической культуры страны.

Важно отметить, что Российская империя и СССР были многоэтническими государствами, и сейчас Россия остается такой, уступая лишь территориально. Удержать, к примеру, целостность огромной империи возможно только сильной централизованной властью, применяя при этом определенный политический режим для устойчивости власти и сохранности порядка. Установленный же политический режим формирует в своих нормативных рамках политическую культуру страны, будь то авторитарный или тоталитарный режимы. Это имело место быть в каждом историческом периоде России, и в данное время она представляется как государство с демократическим укладом обустройства жизни общества.

Также есть следующий вывод у Ю. Пивоварова о том, что на политическую культуру России XX века большое влияние оказал Ленин, которого он называет «демиургом нового порядка». Для его становления Ленин разработал коммунистическую теорию, создал партию нового типа, привел ее к власти, заложил основы советской системы – «однопартийную демократию», и полностью управляемую государством экономику [4].

Компартия в СССР создала эффективную систему политической социализации, институты которой держали под контролем весь процесс программы сверху, осуществлявшей внедрение в сознание общества коммунистических идеалов и ценностей. Стоит полагать, что коммунистическая идеология стала вектором политической культуры СССР, не терпящая идеологического плюрализма.

Политическая однобокость – это отсутствие альтернативы, это путь в одну сторону, узость взглядов. Под этот шаблон попадает система Советской власти. Если посмотреть на это с точки зрения самой природы и жизни, мы обнаружим, что есть образующие вещи и материи, имеющие единые свойства с определенными характеристиками. Это как каждый материк имеет свой климат, каждый атрибут – свое значение, также как доброта не может иметь отрицательные качества. Советская идеология практиковала свои идеи в ключе «добра и зла», сопоставляя социализм капитализму. Сейчас много пишут о Советском режиме как о полном диктате граждан. Подоб-

ный заявленный вывод скорее характеризуется таким явлением в СССР, как властное насаждение идеологии внутри государства. Авторы, не скупясь, парализуют не только все стороны жизни государства, но и духовные качества Советского общества. В такой же однолинейности обвиняли коммунистов. В их толках находили сугубо субъективные умозаключения в формате защиты только лишь своих интересов.

Следует признать, что в Советском Союзе большая часть граждан искренне верили, что живут в самой лучшей стране, и также искренне расстворялись в ее постулатах. Есть такое понимание, которое в полной мере отражает тот факт, что политическая культура – это больше сознание и восприятие политики обществом. Из этого следует, что политическая культура в СССР выражалась в стремлении индивида встать в ряды пионерии, комсомола, КПСС, теории которых сознательно воспринимались советскими людьми. В них декларировались уставы о чести и достоинстве советского гражданина и патриота. Следует отметить, что это было время, которое застало людей, переживших революцию и страшную войну: они обладали особым взглядом на жизнь. С крушением СССР и распалась целостность парадигмы Советской политической культуры.

Таким образом, коммунистическая идеология стала вектором политической культуры СССР. И тем не менее отсутствие идеологического плюрализма не стало абсолютным препятствием в развитии всех аспектов жизни государства и общества.

Как отмечают многие, всю политическую историю России можно представить, как картину постоянного противоборства либеральных и патриархально-традиционных ценностей, включая Советскую идеологию. Каждая из этих форм имеют свои технологии и механизмы развития и укрепления. Патриархально-традиционные ориентиры в России, имеющие глубокие корни, играли большую роль как в социальной, так и в политической жизни государства, не потеряли свою актуальность по сей день. Советский период с идеологической формацией имел четкую программную тактику и сильный фундамент власти. Либеральные демократические принципы современной России, гарантированные Конституцией, в практической жизни приживаются пока с небольшим успехом. Дело не в самой демократии, а в социально-экономическом разрыве внутри общества, а также в большей степени политической пассивности граждан, которая вызвана эфемерностью к властным структурам, и, конечно, сам процесс либерализации требует длительного времени. Есть мнение о том, что трудности становления демократии в нашей стране будь на структурном или на функциональном, федеральном или региональном уровнях, во многом обусловлены именно отсутствием политической культуры демократического типа, ибо и наши политики, и рядовые граждане, и институты не редко действуют – в большинстве случаев неосознанно – в соответствии с императивами политической культуры, корни которой уходят в прошлое [5].

Утверждать, что в России нет политической культуры, отвечающей демократическим стандартам, ошибочно. Она, как видится нам, находится в пограничном состоянии между традиционными устоями и демократическими принципами. По наблюдениям, не исключая имеющие тормозящие проблемы, за последние годы россияне охотно включаются в контактное взаимодействие с демократическими принципами, защищая свои гражданские права и либеральные взгляды. При этом есть возможность сохранить личные, семейные и общественные традиции, потому что демократия имеет такой аспект, как право выбора, в том числе и в политической культуре страны. В том смысле, что традиция – это не только возвращение к прошлому, или застой времени, она, прежде всего, представляет культурные нравственные стороны своего народа. Как бы это не звучало сакраментально – без них нет будущего, это как оторваться от своих корней.

Вспомним одного из первых теоретиков русского монархизма Н.М. Карамзина, который в душе был республиканцем и в то же время был убежденным защитником монархии. Он считал, что человечество должно двигаться вперед постепенно, в соответствии с теми государственными порядками, которые в полной мере отвечают степени нравственного развития людей. Это не значит, что автор призывает вернуться к монархии или к Советской власти, напротив, в параллели с развитием демократии важно не потерять заложенное с молоком матери личные качества, удвоить их и брать все самое лучшее, что обогатит моральный дух общества.

Таким образом, рассматривая истоки политической культуры России, модели которой под действием исторических событий менялись и сопро-вождались определенными ориентирами действиями учения вовлечь, проникнуть в сознание общества, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в России больше видится смешанная политическая культура, ориентированная на гражданственность и патриархально-подданическую направленность. Поэтому для полной трансформации российской политической культуры в твердый формат демократии необходимо еще время, и срок его зависит от экономической стабилизации в стране и от более гармоничных отношений власти и общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. http://www.rcoit.ru/lib/history/ancient_russia/16551/.
2. <https://pelerin1963.livejournal.com/427042.html>.
3. <https://istoriarusi.ru/car/kultura-pri-petre-1.html>.
4. <https://pandia.ru/text/77/465/20059.php>.
5. <http://knigi.dissers.ru/books/1/18470-1.php>.

N.S. SABIROVA

*Cand. Sci. (Pol. Sci.), Moscow Region State
University, Mytishchi, Russia*

THE GENOTYPE OF RUSSIA'S POLITICAL CULTURE AS A SPECIAL FACTOR IN ITS DEVELOPMENT

This article examines the peculiarities of the origin and development of the political culture of Russia from Ancient Russia to its present day. The main goal is a detailed justification of the nature, structure and functions of political culture, implemented in a certain historical period on the territory of the Russian state, its systematic formation and influence on the perception of the consciousness of the subjects. The author notes that under the influence of historical events and the progressiveness of society itself, the structural mechanisms of political culture are updated and take a more perfect form, which corresponds to a new stage of the formation of the state, which, in fact, the political culture of Russia has experienced. Coordinating within society, providing it with socio-political conditions and opportunities within the framework of the current political regime and in the form of the existing social and economic system of the state, it forms a stable system of public views. The evolutionary path of Russia's political culture can be described as a transition from the traditional archaic to the patriarchal autocratic system, from ideological communism to the liberal legal system. Thus, the form of political culture depends on the state system, and the transformation of its mechanisms is also influenced by institutional and cultural changes. At present, Russia is more likely to see a mixed political culture, focused on citizenship and patriarchal-citizenship orientation. For its transition to a full type of democracy, more time is needed, and its duration depends on the economic stabilization in the country and on new programs that strengthen contacts between the government and society.

Key words: *political culture, genotype, state, evolution, traditional-archaic culture, patriarchy, transformation, autocracy, communist ideology, democracy, system, power, structure, reformer, monarch, Kievan Rus, Soviet Union, Russia.*

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИНДОНЕЗИИ: ЕДИНСТВО НАЦИИ ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ?

Развитие гражданской идентичности является важным фактором демократизации Индонезии и консолидации индонезийского общества. Целью настоящей статьи является анализ политической вовлеченности индонезийских граждан в различные социально-политические сферы, а также оценка идеологической составляющей общественно-политических отношений в современной Индонезии. Проведенное исследование продемонстрировало текущий уровень политических разногласий в индонезийском обществе, приведший к значительным государственным изменениям.

Ключевые слова: гражданское общество, демократизация, политическая культура, реформы, Индонезия.

В современном мире понятие гражданской принадлежности или гражданства неразрывно связано с мироощущением и формированием идентичности индивидуума. Гражданство – это широкое понятие, одним из определением которого может являться принадлежность индивидуума к государству, при которой наблюдается «общность устойчивых отношений между людьми и агентами (представительствами) государства, при условии, что каждая сторона имеет свои права и обязательства» [12. Р. 8]. Концепция гражданской принадлежности тесно связана с понятием гражданской идентичности современного человека. Будучи комплексным и по-разному трактуемым понятием, гражданскую идентичность можно определить, как «осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющей для индивида значимый смысл» [1. С. 183]. Гражданская идентичность является одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование гражданского общества и уровень политической вовлеченности граждан. Интересным примером в данном случае является Республика Индонезия.

Индонезия лишь в 1998 г. перешла к политической ориентации на демократическое развитие, переживая сложный для страны экономический

кризис и сложно преодолимый политический застой в лице не желающего меняться режима «Нового порядка» генерала Сухарто. В 1998 году массовое студенческое движение, к которому присоединились разнородные политические силы и другие социальные группы, вынудило Сухарто уйти в отставку. 21 мая Сухарто выступил с прощальной речью, передав власть своему преемнику Бухаруддину Юсуфу Хабиби [11. Р. 1], который вскоре объявил о многоуровневой программе демократических реформ. Без давления со стороны студенческого движения правительство Хабиби, возможно, инициировало бы гораздо более слабые реформы. Точно также сплоченность гражданских общественных групп сыграла важную роль в противодействии попыткам консервативных элит конца 2000-х – начала 2010-х годов отменить ряд реакционных реформ. Например, политик Прабово Субианто, нынешний министр обороны Индонезии, продвигал закон, отменяющий прямые выборы глав местных органов власти в 2014 году, именно жесткая критика со стороны СМИ и различных гражданских организаций вынудила президента Сусило Бамбанга Юдойоно отменить принятие закона и восстановить прямое голосование.

В период «Нового порядка» отношения между обществом и государством, следуя официальной государственной пропаганде, представлялись как отношения между сыном и отцом [10. Р. 56]. С идеологической точки зрения в отношении к будущему развитию Республики индонезийское общество условно можно поделить на две категории – исламистов (консерваторов), выступающих за то, чтобы ислам являлся основополагающим принципом развития Индонезии, и плюралистов (реформаторов), выступающих за мульти-конфессиональное демократическое государство [6. Р. 163]. При этом в контексте определения будущего развития индонезийского государства данное разделение было актуально всегда: часть общества традиционно выступала за введение законов шариата и главенствующую роль ислама в политической жизни страны, в то время как другая часть ратовала за плюрализм конфессиональных и политических идей и мнений. Однако в период зарождения индонезийского государства именно гражданское самоопределение индонезийцев помогло объединить мультиэтническое и многокультурное общество индонезийских островов и внушить чувство принадлежности к единой индонезийской нации. Именно гражданская идентичность позволила в 1998 г. различным социальным группам преодолеть идеологические разногласия и выступить единым фронтом, тем самым повлияв на судьбу режима Сухарто. Индонезийское общество неоднократно обращалось к концепции гражданской идентичности в критические для государства исторические моменты. Однако сейчас, в период относительной политической стабильности, насколько велика роль гражданской идентичности в формировании политической культуры в стране?

После стабилизации и постепенного становления нового демократического режима в начале 2000-ых разрыв между плюралистами и исламиста-

ми снова стал ощутимым. Рост количества неправительственных организаций (НПО), различных гражданских организаций и СМИ привел к тому, что состав гражданского общества стал более идеологически разнообразным, что с одной стороны обеспечивало политический плюрализм, а с другой подчеркивало и зачастую усугубляло внутренние разногласия между членами гражданского общества. Кроме того, демонтаж режима Сухарто позволил вновь всплыть на поверхность различным радикальным группам, которые находились под контролем в период Нового порядка. На современном этапе это позволило обрести достаточную популярность таким организациям как Фронт исламских защитников (*Front Pembela Islam* – индонез.). Таким образом, на протяжении последних 20 лет происходило размежевание индонезийского гражданского общества, а гражданская идентичность индонезийцев как членов единого индонезийского общества постепенно ослабевала. Среди представителей индонезийского гражданского общества стали все больше преобладать личные интересы различных групп, а идеологические разногласия к 2020 г. стали основополагающим принципом современной политической культуры, разделяющим общество на «свой-чужой».

Безусловно, такое разделение происходило не сразу, и если в конце XX века объединяющим фактором стала борьба с режимом Сухарто, то в XXI веке таким фактором стала деятельность государственной Комиссии по борьбе с коррупцией (КПК) (*Komisi Pemberantasan Korupsi* (КПК) – индонез.). Созданная в 2003 г. КПК имела широкий круг полномочий и большой авторитет среди населения. Она независимо и последовательно преследовала, и наказывала чиновников-коррупционеров из высших эшелонов власти. Так, согласно социологическому опросу, проведенному национальным агентством *Indo Barometer*, в 2015 г. индонезийское общество выбрало КПК как организацию, вызывающую наибольшее народное доверие наравне с индонезийской армией и президентом Республики [5. Р. 1].

Начиная с середины 2000-ых при президентстве Сусила Бамбанг Юдойоно, консервативные элиты предпринимали попытки всячески ослабить роль КПК, которая представляла серьезную угрозу для многих чиновников и политиков. В частности, сам Юдойоно был возмущен арестом одного из членов его семьи и выступал за ослабление КПК [4. Р. 1]. Но до конца срока Юдойоно продолжалось давление со стороны разнородных общественных групп, что удерживало его от пересмотра закона, который предоставлял КПК особые полномочия.

Группы гражданского общества могли эффективно выступать за защиту демократии до тех пор, пока в дело не вступали идеологические противоречия. Начиная с 2014 года эти разногласия возымели новую силу. Президентские выборы в 2014 г. ознаменовали новую вершину в политической жизни страны. Приверженцы демократического статус-кво сплотились вокруг кандидатуры Джоко Видодо (Джокови), нынешнего президента, повторно

избранного в 2019 г., потому что они рассматривали его соперника, Прабово Субианто, как символ возрождения режима Сухарто. При этом исламисты в большей степени поддерживали Прабово. Другими словами, на выборах 2014 года острые плюралистско-исламистские идеологические разногласия вновь стали актуальными.

Раскол между плюралистами и исламистами достиг своего пика в 2016 г., когда исламисты начали широкомасштабные демонстрации против христианина-китайца губернатора Джакарты Басуки Чахая Пурнама (также называемого «Ахок»), обвинив его в богохульстве. Эти протесты стали крупнейшими в истории после 1998 года и шокировали избранного президента Джокови, который был союзником Ахока [6. Р. 167]. Джокови начал подавлять исламистских лидеров, открыто используя репрессивные методы. Именно в этот момент многие так называемые защитники демократии начали менять приоритеты: защита религиозно-этнического плюрализма от исламистских угроз для них стала равносильна защите демократии [6. Р. 167]. Когда в 2017 году правительство выпустило постановление, позволяющее распускать гражданские организации без решения суда (Постановление правительства Республики Индонезии No. 2/2017) [3. Р. 2], многие плюралисты решили воздержаться от комментариев, потому что знали, что постановление будет использовано против их исламистских соперников. Многие плюралисты даже открыто приветствовали это постановление несмотря на то, что в местных СМИ разгорелись дебаты о том, что принятое постановление может быть использовано против всех гражданских организаций в независимости от их идеологической окраски [8. Р. 1]. В действительности постановление, изначально направленное против радикальной исламистской организации Хизбут Тахрир Индонезия, стоявшей за организацией массовых митингов против Ахока, может быть использовано для упразднения любой гражданской организации страны.

В 2019 г. спустя более 10 лет защиты антикоррупционного ведомства, гражданское общество было больше не способно выступать за него дальше, погрязнув в идеологических дрызгах. Саму КПК обвинили в связях с исламистами, и значительная часть защитников антикоррупционного агентства перестала его поддерживать [9. Р. 1]. Информационное поле, создаваемое ведущими СМИ страны, также выставило КПК в не самом приглядном свете. Несмотря на заверения представителей КПК в том, что такого рода обвинения – это клевета [7. Р. 1], выгодная коррупционерам, народное доверие к антикоррупционному агентству было подорвано. В результате слабого сопротивления со стороны гражданского общества Джокови удалось принять закон, в значительной степени ослабивший независимость КПК. После принятия закона в сентябре 2019 г. по всей стране начались массовые протесты среди студентов, единственной социальной группы, сумевшей избежать идеологических разногласий: плюралисты и исламисты среди сту-

дентов действовали единым фронтом. Студенты требовали отменить принятие соответствующего закона. Стоит отметить, что демонстрации студентов в 2019 г. по масштабу могли сравниться только с демонстрациями 1998 г. [2. Р. 1]. Но в результате репрессивных мер, направленных на разгон демонстраций, и отсутствия поддержки со стороны других социальных групп, закон остался в силе. После начавшейся пандемии коронавируса и введенного в апреле локдауна мобилизационные силы индонезийских студентов приблизились к нулю. В результате индонезийская демократия сделала значительный шаг назад, когда КПК – важный орган по контролю за политическими элитами и борьбе с коррупцией – лишился многих из своих важных полномочий.

Случай с принятием закона, повлекшим ослабление КПК в 2019 г., продемонстрировал следующее: на текущем этапе гражданская идентичность индонезийцев как единого народа не является основополагающим принципом современной политической культуры Индонезии. Усилившейся за последние 6 лет раскол между плюралистами и исламистами вынес идеологическую составляющую на главные позиции в современной политической культуре и отношениях между обществом и государством в Индонезии. Борьба с исламистами стала самоцелью продемократических сил, тем самым давая индонезийскому правительству приводить реакционные инициативы в жизнь, в частности закон о роспуске гражданских организаций без суда, принятый в 2017 г., и закон о КПК, принятый в 2019 г. Концепция самоидентичности индивидуума как индонезийского гражданина, преодолевающего любые конфессиональные, языковые или иные социокультурные разногласия, ослабела. На данном этапе все больше вырисовывается принцип разделения на «своих» и «чужих». Регулирование действий правительства со стороны гражданского общества также ослабевает, тем самым правительству удается осуществить то, что не удавалось на протяжении последних 15 лет: ослабить до недавнего времени пользующуюся колоссальной поддержкой населения КПК.

С конца 1990-х до начала 2010-х гг. индонезийское гражданское общество было способно продвигать демократическую повестку дня, его субъекты преодолели глубокие внутренние разногласия, во многом руководствуясь концепцией гражданской идентичности. Однако, как оказалось, политические и общественные лидеры в состоянии в короткие сроки усилить идеологический раскол. Развитие гражданской идентичности являлось важным фактором демократизации Индонезии и консолидации индонезийского общества в период становления индонезийского государства и борьбе с авторитарным режимом Сухарто, но принадлежность к гражданскому обществу и самоощущение индонезийца, чувствующего свое единение с другими гражданами вне зависимости от их идеологических воззрений, больше не является определяющей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Монастырский Д.В.* Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. 2017. Том 23. № 1.
2. *Aljazeera.* Indonesia protests: Hundreds hurt in student-police clashed // <https://www.aljazeera.com/news/2019/9/25/indonesia-protests-hundreds-hurt-in-student-police-clashes>.
3. *Arifianto A.* Indonesia Ban on Civil Society Bodies: Spot on or Overreach. Singapore, 2017.
4. KOMPAS. Presiden Marah Besar Saat Besannya Dicokok KPK // <https://nasional.kompas.com/read/2013/06/21/2139385/Presiden.Marah.Besar.Saat.Besannya.Dicokok.KPK>.
5. KOMPAS. Survei: KPK, TNI, dan Presiden Peroleh Kepercayaan Publik Tertinggi // <https://nasional.kompas.com/read/2015/10/10/09314551/Survei.KPK.TNI.dan.Presiden.Peroleh.Kepercayaan.Publik.Tertinggi>.
6. *Mietzner M.* Sources of resistance to democratic decline: Indonesian civil society and its trials // *Democratization*. 28:1. 2020.
7. MEDCOM.ID. KPK Tegaskan Isu Taliban dan Radikal Fitnah // <https://www.medcom.id/nasional/hukum/eN4ZD1wk-kpk-tegaskan-isu-taliban-dan-radikal-fitnah>.
8. Media Indonesia. Perppu No 2 Tahun 2017 Ancaman Demokrasi? // <https://mediaindonesia.com/kolom-pakar/113186/perppu-no-2-tahun-2017-ancaman-demokrasi>.
9. Merdeka. Novel Baswedan: Isu Radikal-Taliban Dipakai Pendukung Koruptor untuk Menyerang KPK // <https://www.merdeka.com/peristiwa/novel-baswedan-isu-radikal-taliban-dipakai-pendukung-koruptor-untuk-menyerang-kpk.html>.
10. *Shiraishi Saya.* Young heroes: the Indonesian family in politics. Ithaca, 1997.
11. The New York Times. Text of Suharto's Resignation Speech // <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/world/asia/052198indonesia-suharto-text.html>.
12. *Tilly C.* Citizenship, identity, and social history, *International Review of Social History Supplements*. Cambridge, 1994.

N.V. IURCHIKOV
*Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University, Postgraduate
student of the Department of Political Science of the East,
Moscow, Russia*

CIVIL IDENTITY IN MODERN POLITICAL CULTURE OF INDONESIA: NATIONAL UNITY OR IDEOLOGICAL CONFLICT?

The development of civil identity is an important factor in the democratization of Indonesia and the consolidation of Indonesian society. The purpose of this article is to analyze the political involvement of Indonesian citizens in political movements, as well as to assess the ideological component of socio-political relations in modern Indonesia. The study demonstrates the current level of political divisions in Indonesian society, which has led to significant state changes.

Key words: *civil society, democratization, political culture, reforms, Indonesia.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2021.66.2.016

УДК 316.42

А.А. ТУШКОВ

*аспирант кафедры международных
отношений и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

А.А. ТУШКОВ

*профессор кафедры международных
отношений и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

С целью «утверждения демократии» США отошли от практики предшествовавших двух десятилетий, когда упор делался на способности американских вооруженных сил выполнять полицейские функции в слабых государствах. Анализ военно-политического присутствия США в АТР после окончания Второй мировой войны позволяет в полной мере проследить эволюцию данного процесса – от создания японо-американского военно-политического партнерства в 1960-х гг. до выстраивания конструкта японо-американской концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (СОИТР).

Ключевые слова: *Индо-Пацифика, АТР, КНР, США, USPACOM.*

Процесс эволюции военного присутствия США в таких обширных регионах Мирового океана, как Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском, находит свое пристальное отражение в научных исследованиях. Расширение американского глобального внешнеполитического доминирования является центром исследования широкого круга современных отечественных и зарубежных ученых-политологов. Особое внимание вызывают такие дискуссионные вопросы, как ключевые направления внешнеполитического курса США, методы обеспечения американского глобального доминирования, развертывание сил в Мировом океане, вовлечение союзников и партнеров в свои стратегии и т.д. Для официального Вашингтона расширение своих

геополитических интересов за границы побережья Восточной Азии в направлении Индийского океана а priori позволяет ввести в политическое пространство новых игроков, которые будут активно нивелировать влияние современного Китая. Вопрос – в выборе этих игроков.

Но в целом, анализ военно-политического присутствия США в АТР после окончания Второй мировой войны позволяет в полной мере проследить эволюцию данного процесса – от создания японо-американского военно-политического партнерства в 1960-х гг. до выстраивания в первом десятилетии текущего столетия конструкта японо-американской концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (СОИТР). Этот является закономерным итогом взаимоотношений двух стран, т.к. идеи его переформатирования в высших кругах политической элиты Японии стали ясны уже во второй половине прошлого века. Причиной переосмысления послужили многочисленные выступления влиятельных ученых, политиков, экономистов, которые стали активно дискутировать проблему отказа от японо-американского договора безопасности 1960 г. Но главным требованием стал вывод из Японии американских войск и ликвидации военных баз. В результате активности общественных сил правительство Японии пошло на уступки и на 17-й сессии Японо-американского Консультативного комитета безопасности, были приняты «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны» (27.11.1978 г.). Этот документ стал ключевым, который определил характер двусторонних взаимоотношений в военной области на многие годы. Именно «Принципы» стали истоком проработки «Плана разделения обороны», предложенного УНО Японии в 1975 г. В данном плане были предусмотрены функциональные разграничение Сил самообороны Японии и вооруженных сил США [7. С. 1471]. В основе такого решения лежала доктрина Никсона, предложившая переложить часть оборонных расходов на своих ближайших союзников. В результате принятых мер Япония стала активным военным союзником Пентагона в Азиатско-Тихоокеанском регионе и уже в конце прошлого века принимаются морские проекты по блокаде проливов и закрытия выходов атомных подводных сил советского ТОФ в открытый океан [2. С. 191-192]; совместное патрулирование морских коммуникаций; привлечение боевых сил и средств ССО Японии к четырехсторонним военно-морским учениям «RIMPAC», в которых участвовали Канада, Австралия и Новая Зеландия [1. С. 192] и др. Кроме того, в начале 80-х годов было нарушено вето на экспорт вооружений. Во-первых, Вашингтон обязал Японию поставлять им самые передовые военные технологии, чтобы перенять современные технологии и, во-вторых, обязал Токио подключиться к проекту Стратегической оборонной инициативы [1. С. 61].

С распадом Советского Союза Белый дом значительно снизил свою активность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сочтя обстановку стабильной.

Однако в последние годы уходящего века ознаменовали в Японии возникновение мощного движения всех слоев общества, выступавших за ликвидацию старой двусторонней системы и создание новых механизмов безопасности в стране. Основу этого движения составляли не только те партии и организации, которые много лет выступали против японо-американского партнерства, но многие политики нового поколения, а также ученые и общественные деятели. Именно данное поколение политиков и общественных деятелей поставили вопрос о денансации договора безопасности 1960 г., а также выводе из Японии американских войск и ликвидации военных баз.

Политические процессы, происходящие в АТР последние двадцать лет, характеризуются остротой межгосударственных отношений. Это территориальные споры, торговые войны, возрождение Четырехстороннего диалога в рамках консультативного механизма «Quad», объединяющего четыре государства (США, Япония, Австралия и Индия) и другие. Все это указывает на фундаментальные изменения в расстановке и балансе глобальных сил. Для сдерживания Китая, как своего стратегического конкурента, Соединенные Штаты делают заметный уклон в сторону нового зарождающегося региона – Индо-Тихоокеанского. При этом основную ставку Белый дом сделал на военно-политическое присутствие в данном регионе, который стал «структурой длительной продолжительности» (long-term structure). Однако ряд факторов, таких как неукоснительное возрастание политико-экономической активности КНР, рост его военного потенциала, вызвали американское противодействие. Политика Вашингтона, получившее название поворота (pivot to Asia) и перебалансировки (rebalancing) в Азию, получила обратный эффект. В сложившейся новой политической парадигме все страны Азии взяли на себя ответственность за сдерживание Китая. Кроме США, Японии, Австралии и Индии образование Индо-Тихоокеанского региона поддержали государства-члены ASEAN.

Особое место в этом ряду международным экспертным сообществом отводится морским силам Соединенных Штатов. Кайл Мизоками, из американского издания The National Interest, утверждает, что Россия заняла третье место в экспертном рейтинге самых мощных флотов в мире. Первые строчки списка заняли США и Китай [5]. Рейтинг боевых возможностей ВМФ России, ВМС США и Китая ежегодно публикуется Mil.Press FLOT. Так, например, ежегодник утверждает, что в 2019 г. по уровню боевых возможностей ВМФ России в два раза уступает ВМС США, при этом его показатель оценивается в 49 процентов от боевых возможностей американских морских сил [6]. В отношении ВМС Китая ежегодник утверждает, что по уровню боевой мощи его флот практически сравнялся с американским флотом [6]. Анализ военно-морской составляющей международных военных экспертов показывает, что на сегодняшний день единственной глобальной морской державой являются Соединенные Штаты. По оценке Мизока-

ми, Военно-морской флот США располагает самым большим количеством боевых кораблей в мире – 288 единицами (данные на 2019 г.), в том числе 10 авианосцами, 62 эсминцами, 22 крейсерами, 72 подводными лодками, 17 фрегатами и девятью десантными кораблями [5]. Но смена стратегических приоритетов США с Тихоокеанского на Индо-Тихоокеанское во всех концептуальных документах до недавнего времени не получила подкрепления. Более того, не было и соответствующего финансирования относительно выполняемых задач развертывания американских вооруженных сил в регионе. Данная проблема, а также правовые ограничения сдерживали возможности Индо-Тихоокеанского командования США (USPACOM) по усилению насыщенности совместных военно-морских учений в регионе, модернизации и расширению военной инфраструктуры [13]. Нельзя сказать, что проблема в области финансирования Индо-Тихоокеанского командования USPACOM не решается. Так, с 2017 г. в экспертных кругах и американском Конгрессе циркулировали планы принятия «Инициативы по поддержке Азии». Данная программа аналогична с уже запущенной в 2015 г. «Инициативы по поддержке безопасности Европы». Она предполагает выделение дополнительного финансирования (по 1,5 млрд долларов в год до 2023 г.) на расширение американского военного присутствия в Тихом и Индийском океанах. Соответствующий закон был утвержден Конгрессом лишь в декабре 2018 г. [8]. Надо сказать, и следующее. Администрация Дональда Трампа не анонсировала развертывания новых боевых подразделений в Индо-Пацифике [14]. Кроме того, американские средства массовой информации спекулировали о возможности перевода в регион на ротационной основе дополнительных экспедиционных частей Marine Expeditionary Unit [4]. Их особенностью является мобильность и скрытность [10]. Во время участия в саммите АТЭС в Папуа-Новой Гвинее Майк Пенс заявил об активном участии США в строительстве военно-морской базы в Австралии [12]. Вне зависимости от вероятности реализации этих планов существенной переброски вооруженных сил США на постоянной основе в Индо-Тихоокеанский регион не происходит, хотя темпы их модернизации и переоснащения увеличиваются [4. С. 27]. В соответствии с создавшимися условиями уровень военного присутствия США в Индо-Тихоокеанском регионе регулируется, главным образом, динамикой совместных учений и отработкой боевых задач с местными государствами, а также и интенсивностью патрулирования как соединениями, так и отдельными кораблями ВМС США спорных акваторий, а не созданием новых объектов базирования. Это – главное. Примером крупнейших совместных военно-морских учений, проводимых под руководством США в регионе, остается «Rimpac». В 2018 г. в них принял участие 51 корабль, представляющий 25 стран [4. С. 27]. В ноябре 2020 г. прошло 24-е мероприятие, состоящее из 2-х этапов. Этап I – с 3 по 6 ноября у побережья Вишакхапатнама в Бенгальском заливе, а этап II – с 17

по 20 ноября в Аравийском море [11]. В них приняли участие ВМС США и Японии. А в 2018 г. – акватория западной части Тихого океана у острова Гуам [3].

Неотъемлемым компонентом участия кораблей ВМС США в регионе выступают так называемые «операции по свободе навигации». В период правления Дональда Трампа США нарастили интенсивность их проведения в водах, прилегающие к островам в Южно-Китайского моря, на которые претендует КНР. С марта 2017 г. корабли ВМС США периодически находятся на морских коммуникациях в ИТР [14]. В дополнение к морским операциям в регионе, с середины 2018 года корабли ВМС США также регулярно появляются в Тайваньском проливе, что также вызывает раздражение Пекина [17]. В 2020 г. подобные учения проходили и в территориальных водах России. В частности, в ноябре – близ Владивостока в заливе Петра Великого. Все это порождает риски эскалации напряженности. Но между Москвой и Вашингтоном существует соглашение о предотвращении опасных инцидентов на море, а между США и КНР – нет. Тем не менее, в вопросах организации провокационных для Пекина патрулирования на морских коммуникациях США рассчитывают на поддержку Японии, а также Австралии, Великобритании, Канады и Франции. Между тем, Пентагон признает, что США уже исчерпала все инструменты силового и политического воздействия на Китай. По мнению Вашингтона комплекс предпринимаемых мер должны были вынудить КНР отказаться от своих позиций по Парасельским островам и архипелагу Спратли. Китай, разместив на них системы ПВО, получил возможность боевого контроля акватории Южно-Китайского моря [9]. Еще одним инструментом укрепления военно-политических позиций США в Индо-Тихоокеанском регионе выступают механизмы военно-технического сотрудничества с местными государствами для перевооружения армии и морских сил. Так, бывший госсекретарь США Майк Помпео, на Региональном форуме ASEAN по безопасности, кроме уже предпринятых мер, анонсировал предоставление на эти цели 300 млн долларов [1. С. 28]. При этом надо подчеркнуть, что подавляющая часть средств направляется на повышение боевых возможностей военно-морских сил. Этим было изначально обеспечены рамки для партнеров и союзников США с целью сдерживания активности морских сил Китая. Вторая задача финансовой поддержки является укрепление их операциональной совместимости с ВМС США. При этом несмотря на приоритетность Индо-Тихоокеанского региона в рамках американской глобальной стратегии, его доля в финансовых ассигнованиях на содействие по военной линии остается сравнительно небольшой. В бюджетном запросе государственного департамента на 2019 г. по программе зарубежной военной помощи странам Азии планировалось выделить 42 млн долларов, что не сопоставимо с более чем 5 миллиардами, предназначенными Ближнему Востоку и Северной Африке. Хотя боль-

шая часть из 5 миллиардов составляют выплаты Израилю и Египту. По программе международного военного обучения для региона было запрошено около 9 млн долларов, т.е. меньше, чем для Европы и стран Западного полушария [1. С. 28]. Так, например, на страны Индо-Тихоокеанского региона в рамках стратегии «Инициативы по морской безопасности, которая предполагает целевую помощь Вьетнаму, Индонезии, Малайзии и Филиппинам, в 2019 г. выделено 84,5 млн долларов, что в 3 раза меньше ассигнований на «Инициативу военного содействия Украине» [13]. В докладе Пентагона «Стратегия национальной обороны», опубликованного в июне 2019 г., утверждается, что наиболее напряженные потенциальные конфликтные сценарии будут происходить на периферии конкурентов (противников) США. Под конкурентами понимаются, прежде всего, Россия, Китай и КНДР. В докладе говорится, что при условии, если противник применит силу, то они получают преимущества в начале конфликта, т.к. в развертывании военных действий упор будет сделан на особенности местных условий. Для противодействия подобным сценариям Пентагон продвигает концепцию «многодоменных операций армии США». Так, в соответствии с данной концепции он проводит экспертизу программы Pacific Pathways «многодоменных целевых групп», которая предназначена для создания временного превосходства между несколькими доменами. Это позволит Объединенным силам под руководством США захватить, сохранить и использовать свою военную инициативу. В докладе Пентагона «Стратегия национальной обороны» определено, что США в Индо-Тихоокеанском регионе продолжают сталкиваться со множеством вызовами и угрозами безопасности. В их числе существуют целый ряд транснациональных угроз, включая терроризм; незаконная торговля оружием, наркотиками и людьми; пиратство, а также распространение опасных патогенов и стихийные бедствия [16]. Анализируя проблему военного присутствия США в Индо-Тихоокеанском регионе, необходимо определить основные приоритеты национальных интересов. Существует четкая приоритетность, закрепленная в Стратегии национальной безопасности страны, в соответствии с которой существует иерархия: «национальные интересы» определяют «интересы безопасности», а те, в свою очередь, «военные интересы». Этот перечень конкретизируется до трех основных военных задач: сдерживание и поражение нападающих; разрушение и уничтожение экстремистских организаций; укрепление глобальной сети союзников и партнеров. Так, в докладе к национальным интересам США в регионе отнесены: во-первых, обеспечение мира с опорой на американские военные силы. Пентагон исходит и из того, что «союзники и партнеры возьмут на себя справедливую долю бремени ответственности за защиту от общих угроз». Данное требование американской стороны с приходом в Белый дом Дональда Трампа является общепризнанным требованием к военным расходам своих союзников [16]; во-вторых, с целью защиты американских

интересов и принципов в регионе всецело развивать свое влияние в многосторонних институтах и организациях.

Таким образом, исследуя проблему усиления военно-морского присутствия ВМС США в Индо-Тихоокеанском регионе, необходимо сделать следующее заключение. В случае реальной конфронтации между США и КНР, Соединенные Штаты по-прежнему располагают подавляющим качественным преимуществом, основанном на количественном параметре боевой и силовой составляющей морских сил. При этом Китай добивается расширения присутствия своих сил в Мировом океане на основных морских транспортных артериях. На этом фоне США интенсифицировали использование военного инструментария в качестве механизма политического давления, причем как КНР, так и своим региональным партнерам. Для достижения безопасности, сдерживания противников, к которым США причисляет Китай, Россию и КНДР, а также устойчивого доминирования в регионе Вашингтону требуется военно-политические объединения с большим количеством союзников и партнеров. Для обеспечения благоприятного баланса сил и защиты свободного и открытого международного порядка, под которым США понимают всеобъемлющее глобальное доминирование, увеличение американских инвестиций является важнейшим фактором американского влияния в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бунин В.Н. Японо-американский союз безопасности: история и современность: (к 50-летию со дня основания) / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2000.
2. Гриванов Р.И. Роль США в формировании внешней политики Японии // Россия и АТР. 2011. № 2 (Июнь).
3. Индия направила три корабля и самолет на совместные с США и Японией маневры ВМС «Малабар» // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5266535>.
4. Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь РСМД. 2019. № 49 / И.А. Истомин; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019.
5. Россия уступила США и Китаю в рейтинге самых мощных в мире флотов // <https://rns.online/industry/Rossiya-ustupila-SSHa-i-Kitayu-v-reitinge-samih-moschnih-v-mire-flotov-2019-12-12/>.
6. Силу ВМФ России оценили в долях силы ВМС США // <https://lenta.ru/news/2020/02/14/navy/>.
7. Тушков А.А., Зарецкий Д.В. Проблемы, поиски и пути решения формирования Японией в конце XX века концепции военно-политической стратегии // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 7 (47).

8. Asia Reassurance Initiative Act of 2018. 115th Congress (2017-2018) // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/bill-announcement-12/>.

9. *Davidson P.* Advance Policy Questions for Expected Nominee for Commander, U.S. Pacific Command. U.S. Senate Armed Services Committee // https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Davidson_APQs_04-17-18.pdf.

10. *Lubold G., Youseff N.A.* U.S. Considers Boosting Asia Forces With Special Marine Units // Wall Street Journal // <https://www.wsj.com/articles/u-s-considers-boosting-asia-forces-with-special-marine-units1518195306?ns=prod/accounts-wsj>.

11. Malabar 2020 Малабар (военно-морские учения) // [https://ru.qaz.wiki/wiki/Malabar_\(naval_exercise\)](https://ru.qaz.wiki/wiki/Malabar_(naval_exercise)).

12. *Pence M.* Remarks by Vice President at the 2018 APEC CEO Summit. Port Moresby, Papua New Guinea. White House // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-2018-apec-ceo-summitport-moresby-papua-new-guinea/>.

13. *Sayers E.* Assessing America's Indo-Pacific Budget Shortfall. War on the Rocks // <https://warontherocks.com/2018/11/assessing-americas-indo-pacific-budget-shortfall/>.

14. *Snow S.* Marine Corps presence in Australia to rise to 2,500 as soon as possible. Marine Corps Times // <https://www.marinecorpstimes.com/news/your-marine-corps/2018/07/24/marine-corps-presence-inaustralia-to-rise-to-2500-as-soon-as-possible/>.

15. *Starr B., Browne R., Lendon B.* Chinese warship in 'unsafe' encounter with US destroyer, amid rising US-China tensions. CNN // <https://edition.cnn.com/2018/10/01/politics/china-us-warship-unsafe-encounter/index.html>.

16. THEDEPARTMENTOFDEFENSE. Indo-Pacific Strategy Report Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region June 1, 2019 // <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=The%20US&20Indo-Pacific&20strategy&lr=49>.

17. US Navy ships sail through Taiwan Strait. Naval Today // <https://navaltoday.com/2019/01/25/us-navy-ships-sail-through-taiwan-strait/>.

A.A. TUSHKOV

PhD student in the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

A.A. TUSHKOV

Professor of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

THE EVOLUTION OF THE U.S. MILITARY PRESENCE IN THE ASIA-PACIFIC REGION

In order to “assert democracy,” the United States moved away from the practice of the previous two decades, when the emphasis was on the ability of the U.S. military to perform police functions in weak states. Analysis of the U.S. military and political presence in the Asia-Pacific post-World War II allows us to fully follow the evolution of this process, from the creation of the Japanese-American military-political partnership in the 1960s to the construction of the Japanese-American concept of the “Free and Open Indo-Pacific Region” (SOITR).

Key words: *Indo-Pacific, Asia-Pacific, China, USA, USPACOM.*

К ВОПРОСУ О ШЕСТОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕФОРМЕ В БЕЛЬГИИ: ИСТОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье рассматриваются проблемы бельгийского федерализма. Учитывая тот факт, что Бельгия является достаточно разнообразной, а порой даже противоречивой страной с точки зрения этнолингвистических групп, населяющих ее. Что в свою очередь создает почву для разного рода конфликтов. Поэтому анализ государственных реформ в области федерализма показал нам, что конституционные и институциональные рамки, в которых могут взаимодействовать политические силы, являются весьма эффективной мерой в предотвращении и урегулировании этнолингвистических конфликтов.

Вместе с тем, шестая государственная реформа в Бельгии является достаточно специфичной. Проведенное всестороннее изучение конкретных мер правительства, реализованных в ходе шестой государственной реформы, продемонстрировало нам, что территориальный вопрос и территориальные претензии остаются все еще важными в условиях современности. И что только с учетом внутрирегиональной оптимизации и реформирования территориального пространства возможно достижение этнолингвистического равновесия. В Бельгии это произошло в результате деления округа Брюссель-Халле-Вилворде.

Особое место в статье уделено анализу местного уровня организации политической власти в Бельгии – коммуна, так как в условиях дисперсного лингвистического расселения населения именно муниципальная власть способна предотвращать конфликты, но исключительно при достаточно прозрачном и целевом финансировании.

Наряду с авторским анализом шестой государственной реформы в Бельгии автором представлена собственная позиция оценки эффективности данной реформы.

Ключевые слова: регион, Фландрия, Валлония, Брюссель, Бельгия, федерализм, пространство государства, территориальное устройство, региональная политика.

В конце 2011 г. в Бельгии было сформировано принципиально новое правительство, что дало импульс к заключению коалиционного договора и начала шестой государственной реформе. Как и в случае прошлых пяти реформ переговоры по коалиционному договору были тесно связаны с противоречиями между различными политическими силами Бельгии по смыслу государственной реформы. Связанные с этим задержки в формировании правительства не были новы для Бельгии, однако они достигли совершенно новых масштабов касательно длительности этого промежуточного периода на парламентских выборах в июне 2010 г.

Из-за успеха фламандских националистов (N-VA) на парламентских выборах в 2010 году традиционные партии снова оказались под давлением выполнить требования N-VA после дальнейших институциональных реформ, даже хотя сами N-VA не были частью коалиционного правительства. Заключенные в конце 2011 года соглашения между шестью правящими партиями (коалиция из социалистов PS/sp.a, Либералы MR/OpenVLD, Христианские демократы Cdh/CD&V) и двумя экологическими оппозиционными партиями (Ecolo/Groen!) содержали с одной стороны решения конфликта общин, который разжегся главным образом в избирательном округе Брюссель-Халле-Вилворде (БХВ) и коммунах в окрестностях Брюсселя. С другой стороны, были приняты федеральные реформы, как, например, преобразование Сената в палату регионов, передача полномочий регионам и общинам, изменения в законах о финансировании, также, как и предоставление конституционной автономии немецкой общине и региону столице Брюссель.

В 2012 году началась работа над частями соглашения, которые касались конфликта общин и статуса Брюсселя. В частности, фламандские партии придерживались следующей стратегии – предоставить во что бы то ни стало первые результаты еще до коммунальных и местных выборов осенью 2012 года и таким образом снова заполучить голоса избирателей, которые в 2010 году ушли N-VA. Так как парламентская сессия закончилась в 2012 году, временные рамки для разработки отдельных законодательных инициатив были ограничены. Непосредственная передача автономии государствам-участникам, и реформа сената были отнесены на вторую половину созыва. Уже получившие название седьмой государственной реформы части соглашения были приняты перед следующими выборами в бельгийский парламент в июне 2014 г. [2. С. 107-125; 3. С. 215-225].

Основные части реформы: Уступки и компромиссы. Основываясь на «Accord institutionell» [4] от октября 2011 представители восьми партий, подписавших соглашение, внесли в апреле 2012 года всего 16 инициатив законов по разработке первой части реформ в парламент, из них 13 – в сенат и 3 – в палату депутатов. В основном реформы предполагали внесение изменений в отдельные статьи конституции, а также чрезвычайные законы государства, что требовало одобрения большинства парламентариев. Но так-

же речь шла и о простых законах, конкретизирующих отдельные аспекты, например, регулирование по объединению ведомств или избирательных законов. Разные инициативы законов можно структурировать, на наш взгляд, на пять основных разделов: (а) разделение избирательного округа БХВ, (б) реформа судебного округа Брюссель, (с) управление коммунами на окраине Брюсселя, (д) создание центральной общины Брюссель и финансирование брюссельских учреждений, также, как и (е) усиление демократии и политической ответственности. Любопытно, что решение о разделении избирательного округа было принято благодаря простому закону, в то время как как сделанные в ответ на это уступки касались чрезвычайных законов.

Деление избирательного округа Брюссель-Халле-Вилворде. Деление избирательного округа БХВ было обусловлено стремлением фламандских националистов, которое длилось десятилетиями и имеет поэтому чрезвычайно важное символическое значение. Особенность избирательного округа БХВ обусловил тот факт, что он состоял из коммун, которые располагались в различных языковых областях и регионах. БХВ включал регион столицы Брюссель с 19 общинами, а также западную часть провинции Фламандский Брабант, в то время как избирательный округ Левен занимал восточную часть провинции. Такое устройство нарушало согласно решению конституционного суда Бельгии от 26 Мая 2003 года с одной стороны избирательный закон, который рассматривает провинции как основу деления избирательного округа, а с другой стороны принцип равенства граждан в провинции Фламандский Брабант, так как выборщики в БХВ могли отдавать свой голос в двуязычной провинции Брюссель за французские или нидерландские списки, а проживающие в Левене не могли.

Благодаря этой реформе избирательный округ стал делиться на части, а административный район столица Брюссель стал самостоятельным избирательным округом, в то время как остальные избирательные округа стали пролегать вдоль границ провинции. Левен и Халле-Вилворде объединились таким образом в один избирательный округ, основывающийся на границах провинции Фламандский Брабант. Одним из пунктов преткновения нового состава БХВ было обращение с франкоговорящими выборщиками в провинции Фламандский Брабант.

Благодаря новому делению избирательного округа система выборов стала более справедливой, так как до проведения реформы избиратели могли отдавать свой голос за Брюссельские списки партий и таким образом за франкоязычные списки. Эта привилегия постоянно подвергалась критике со стороны фламандцев, потому что она нарушала территориальный принцип в использовании языка. Так как деление избирательного округа БХВ может осуществиться только при согласии обеих больших языковых общин, франкоговорящая сторона могла использовать право вето на то, чтобы сохранить послабления касательно особых правил для франкоговорящего населения в коммунах фламандского региона.

Исходя из этого, шестая государственная реформа создала новый выборный кантон Роде-Синт-Генесиус-Роде, который включает в себя те 6 коммун, которые находятся в провинции Фламандский Брабант. Выборщики в этих шести коммунах имеют возможность отдавать голоса в выборах бельгийской палаты представителей за списки избирательного округа столицы Брюссель или избирательного округа Фламандский Брабант, но за оба сразу не могут. Так как избирательный округ столицы Брюссель имеет 2 языка, то сохраняется возможность отдать свой голос за франкоязычный список. Сохранение особых правил явно служит для того, чтобы согласовать между собой интересы фламандских и франкоязычных граждан и сгладить конфликт общин. Будущие изменения этого положения подпадают под особые требования большинства, согласно четвертой статье конституции, и нуждаются в одобрении обеих общин.

Реформа судебного округа БХВ. В соответствии с планом реформ: в отличие от избирательного округа судебный округ БХВ сохранился, но его подвергли серьезной трансформации для того, чтобы иметь возможность предоставлять услуги и вести судопроизводство на двух языках.

На практике же это означало увеличение в 2 раза местных общих, окружных судов, судов по трудовым спорам и торговым делам с франкоязычными нидерландскими структурами в 54 коммунах БХВ. В судах уже были одноязычные палаты, благодаря реформе это деление стало более простым и понятным. Причем треть судей обязаны быть двуязычными. При этом полномочия судов остались неизменными. Подведомственные прокуратуры напротив стали делиться на столицу Брюссель и Халле-Вилворде, но вместе с тем, последний принимает 20% служащих бывшей прокуратуры Брюсселя. Прокуратура столицы Брюссель стала состоять на одну пятую часть из нидерландских и на одну пятую часть из франкоязычных чиновников, которые должны владеть двумя языками. Изменения положения судебного округа БХВ должны также подпадать под особые условия согласования, приведенные в четвертой статье конституции Бельгии.

Эта реализованная законодательная инициатива в рамках шестой государственной реформы, по нашему мнению, лишней раз демонстрирует необходимость обоюдных уступок в процессе оптимизации территориального устройства и возможности нахождения универсального компромисса между различными лингвистическими группами в Бельгии. В результате, благодаря увеличению количества судов в 2 раза вместо деления судебного округа стал осуществляться правовой и общественный контроль над тем, чтобы представители франкоязычного меньшинства в Халле-Вилворде и в дальнейшем могли бы сохранить право на судопроизводство на французском языке. По этой причине фламандская оппозиция высказала свои сомнения и опасения, так как, несмотря на меры двуязычности, опасалась дальнейшего потенциального ослабления фламандцев в регионе столицы Брюссель.

Отметим, что данная реформа, направленная на удвоение организационных структур в области судопроизводства в конечном итоге приведет к росту расходов консолидированного бюджета страны и будет подвергнута критике со стороны практически всех политических сил Бельгии.

Коммуны на окраине Брюсселя. Другой аспект шестой государственной реформы затронул глав администраций шести коммун, имеющих особые языковые условия в районе Брюсселя. Хотя за регулирование языкового употребления в общинах, обладающих данными условиями, отвечают на федеральном уровне, однако администрация общин согласно государственной реформе 2010 года перешла регионам. По мнению фламандского регионального правительства в некоторых коммунах в ходе коммунальных выборов снова прошли протесты против положений по употреблению языка, так как приглашения на выборы были разосланы только на французском языке. Как нам известно, вслед за коммунальными выборами 2006 года кандидаты на должность главы администрации были выбраны подавляющим большинством в трех из шести общин, но министр внутренних дел сначала Марино Келен (Open VLD), а потом Герт Буржоа не назначили их на должность (N-VA).

Чтобы избежать повторения подобной ситуации на коммунальных выборах в 2012 году, было необходимо разработать и принять новое постановление о разрешении таких конфликтных случаев.

Такой закон был принят как раз в рамках шестой государственной реформы. Теперь закон предусматривает, что выбранные кандидаты будут утверждаться путем вотума в Совете общин, который будет передаваться в дальнейшем фламандскому региональному правительству. Оно устанавливает законность судопроизводства и назначает соответствующее лицо главой администрации. В случае возражений относительно законности фламандское правительство может отказать в назначении. В случае отказа этот вопрос переправляется на заседание отдела по административным спорам государственного совета. Там проверяют положение дел, рассматривают точки зрения и принимают решение, согласиться или нет с отказом. Фламандское правительство может откладывать процесс в течение 60 дней. Если упомянутый отдел государственного совета аннулирует отказ в назначении, то назначение кандидата на должность главы администрации окончательно. Таким образом, федеральное учреждение может аннулировать в случае конфликта решения правительства Фландрии в одном из своих подведомственных округов – а именно в администрации шести общин с особыми языковыми условиями. Безусловно, это федеральное учреждение подчиняется двуязычности, а председательство соответствующего отдела переходит от одной языковой общины к другой в процессе ротации.

Необходимо отметить тот факт, что, наряду с действующими общественными конфликтами по поводу назначения главы администрации еще одна

законодательная инициатива, касающаяся спорных случаев, практически потеряла силу и смысл в данных шести коммунах. Последняя инстанция по полномочиям в судебных делах шести коммун принадлежала государственному совету, правда фламандской палате. С этой реформой полномочия по всем спорным делам переходят в паритетное (равное) собрание. Председательство в этом собрании начало чередоваться в каждом случае между фламандцами и франкоговорящими.

Столичная община Брюссель и финансирование брюссельских учреждений. Четвертая часть реформы затрагивала Брюссель, а конкретно включение местности в пригороды, финансирование главных задач столицы.

Законодательные инициативы были нацелены на возможность создания центральной общины столицы Брюссель, а также, с одной стороны, на укрепление межрегиональных связей в области инфраструктуры и транспорта. А с другой стороны, планировалось увеличить финансовые ресурсы региона, чтобы удовлетворить требованиям демографического развития и особым задачам Брюсселя как европейской столицы. В частности, фламандские партии имели в прошлом сложности с другими регионами Фландрии и Валлонии по вопросу равноправного статуса региона Брюссель, в то время как франкоязычные партии поддержали этот статус. Любые намерения, направленные на то, чтобы расширить территорию Брюсселя вызывали с фламандской стороны сильную защитную реакцию. Но языковые области, обозначенные еще в 1960-х гг. уже не отвечали существующим реалиям. И к 2012 г. одновременно все партии осознали, что финансово-экономическая зона далеко выходит за пределы границ региона Брюссель. В этой части реформы речь идет о том, насколько и в какой мере лица, принимающие решения по политическим вопросам, готовы принять тот факт, что город Брюссель больше чем регион.

Теперь стало возможным создать центральную общину столица Брюссель, в которой три региона, объединив коммуны региона столицы Брюссель и провинций Фламандский и Валлонский Брабант, вместе с федеральным сектором будут вместе выполнять задачи в области инфраструктуры и транспорта. Центральная община теперь может принимать активное участие в политическом процессе, который хотя и относится к компетенции регионов, но выходит далеко за их границы, например, в дорожно-строительной и транспортной сфере. Поэтому представители местных правительств тоже стали возглавлять президиумы новых учреждений, которые потребовалось создать и сформировать. Центральная община теперь может создаваться только после того, как регионы заключат соглашение о сотрудничестве, в котором будут установлены точные условия совместной работы.

На наш взгляд, с федеративной точки зрения данная инициатива по созданию столичной общины относится к области межправительственных отношений между регионами-участниками, но при активном участии фе-

дерального сектора. На всех последующих парламентских дебатах все время подчеркивалось добровольное сотрудничество, а также обращалось внимание на то, что существующее разделение полномочий федеральным и региональными уровнями являются незыблемыми. Но камнем преткновения сохранялся вопрос урегулирования доступа к брюссельской окружной городской магистрали. В принципе, как нам представляется, уже при прошлой регламентации регионы имели возможность координировать свои политические амбиции в рамках межправительственных соглашений. Но для предотвращения конфликтных ситуаций было принято решение о возврате к коммунам как к представителям кооперационных общин и как к возможности прямого участия Провинций Фламандский и Валлонский Брабант присоединиться в качестве полноправных участников.

Две другие законодательные инициативы касательно Брюсселя затрагивали финансирование международных задач, двуязычности и особого положения по передвижению в регионе столицы. Отметим, что главной проблемой для Брюсселя на тот период стала задача поиска дополнительного финансирования в объеме 461 миллион евро, которые должны быть выделены, фламандской и французской общинными комиссиями (VGC и COCOF соответственно), а также отдельными коммунами. По причине постоянного роста интенсивности европейских саммитов, начиная с 2011 г., закономерно увеличились и издержки для брюссельских коммун. И для того, чтобы они могли обеспечивать должный уровень безопасности, было принято решение об увеличении финансирования Брюсселя, начиная с 45 млн. евро в 2012 до 0,5 миллиарда в 2019 г. [1].

Широко известно, что, из-за большого количества общественных учреждений в Брюсселе коммуны столицы не получают средства из налогов на землю и на прибыль от спекулятивных сделок. Другие существующие налоги на данный момент были пересмотрены в сторону увеличения, чтобы позволить коммунам сверстать бюджет. А вот для двуязычных регионов потребовалось создать специализированный финансовый фонд без поддержки которого реализовать шестую государственную реформу в Бельгии было бы невозможно в силу возросших затрат на функционирование местных учреждений и сервисов.

В итоге, отметим, что в отличие от долгого периода формирования правительства после выборов в июне 2010 года разработка первой части реформы прошла довольно быстро и без происшествий. Соглашения от ноября 2011 года уже включали основные части реформы и компромиссы между партиями обеих языковых групп. Все чаще подчеркивалось тесное сотрудничество восьми партий, подписавших соглашение по реформам несмотря на то, что переговоры не смогли полностью пройти без конфликтов. Это свидетельствует о том, насколько важен период формирования правительства и принятые при этом компромиссы по государственной реформе в Бельгии.

В отличие от прежних реформ теперь провели кооперационное рассмотрение отдельных инициатив в комитете палаты депутатов и сенате.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Демешева Ю.В. Конституционно-правовой механизм разрешения этнолингвистического конфликта в Бельгии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2015 // <https://www.hse.ru/data/2015/11/20/1081920950/FINAL.pdf>.

2. Кочетков Е.Е. Российский асимметричный федерализм: в поисках модели оптимизации // Вестник Российской нации. 2012. № 6 (26).

3. Кочетков Е.Е. Политические форсы адаптации асимметричного федерализма и унитаризма в современных условиях // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33).

4. http://www.lachambre.be/kvvcr/pdf_sections/home/FRtexte%20dirrupo.pdf.

A.A. NIKLAUS

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Intellectual Property Management, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

ON THE QUESTION OF THE SIXTH STATE REFORM IN BELGIUM: HISTORY AND RESULTS

The article deals with the problems of Belgian federalism. Considering the fact that Belgium is a rather diverse, and sometimes even contradictory country in terms of ethnolinguistic groups inhabiting it. Which, in turn, creates the basis for all sorts of conflicts. Therefore, the analysis of state reforms in the field of federalism showed us that the constitutional and institutional framework in which political forces can interact is a very effective measure in the prevention and settlement of ethnolinguistic conflicts.

At the same time, the sixth state reform in Belgium is quite specific. A comprehensive study of specific government measures implemented during the sixth state reform has shown us that the territorial issue and territorial claims are still important in modern conditions. And that only taking into account the intraregional optimization and reform of the territorial space is it possible to achieve ethnolinguistic equilibrium. In Belgium, this happened as a result of the division of the Brussels-Halle-Vilvoorde district.

A special place in the article is given to the analysis of the local level of organization of political power in Belgium – the communes, since in the conditions of a dispersed linguistic settlement of the population, it is the municipal govern-

ment that is able to prevent conflicts, but only with sufficiently transparent and targeted funding.

Along with the author's analysis of the sixth state reform in Belgium, the author presents his own position of assessing the effectiveness of this reform.

Key words: *region, Flanders, Wallonia, Brussels, Belgium, federalism, state space, territorial structure, regional policy.*

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

*бакалавр кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНИИ: ОТ ТРАДИЦИЙ К СОВРЕМЕННОСТИ

В данной статье авторы исследуют проблемы политико-культурной идентичности японского общества. По мнению авторов статьи, в условиях постоянных угроз со стороны нарастающих процессов глобализации, идентичность в Японии выступает фактором национального самоопределения. Вопрос сохранения японской национально-культурной идентичности, которая является одной из ключевых проблем современного японского социума, имеет свою специфику, отличающуюся от обществ других стран. Авторы показывают, какие аспекты способствует успешной адаптации традиционного японского общества к модернизирующимся инновациям из «внешнего мира», и, как следствие, успешному развитию страны и укреплению своего статуса на международной арене в поствестфальскую эпоху.

Ключевые слова: *Япония, политико-культурная идентичность, глобализация, поствестфальская эпоха, модерн.*

Одна из самых актуальных и обсуждаемых проблем политической, экономической и культурной сфер рубежа XX-XXI вв. относится к становлению нового мирового порядка. Перераспределение веса государств на мировой арене, вопросы суверенитета, потенциальные и реальные изменения центров силы, взаимоотношения разных по величине акторов, новые вызовы, способные внести свои коррективы в системы национальных культур, составляют процессы, которые можно рассматривать, как с точки зрения отрицательных трансформаций, так и с позиции благоприятных последствий.

Стремительный информационный поток, связывающий страны и диктующий новые представления о современном мире, оказывает беспорное

влияние на процессы жизнедеятельности любой цивилизации. Страны, вовлеченные в процессы глобализации, вынуждены считаться с мнением мирового сообщества и отвечать на новые вызовы в сфере политики, экономики и культуры, при этом сохраняя свой национальный колорит, особенности страны [8. С. 112]. Япония, являясь одной из немногих развитых стран азиатского региона, переживает третью по счету волну «интернационализации», начавшуюся еще в 90-е годы прошлого столетия. Япония, подвергающаяся активному влиянию процессов универсализации, при этом обладающая современными, иногда опережающими развитие технологиями, представляется нам страной, которая способна сохранять свою традиционную культуру и самобытность перед лицом глобализационных тенденций. Так ли это в действительности, и что способствует подобным результатам является действительно важной темой для изучения. Все признанные государства, вне зависимости от политического устройства и других особенностей, имеют право на суверенитет, как защиту собственных интересов. Стоит отметить, что государственный суверенитет также предоставляет возможность самостоятельно детерминировать свою политическую волю [12]. Определив, какая трактовка определения суверенитета будет использоваться дальше в работе, можно перейти к анализу характеристик нового «мирового порядка» и его влияния на политико-культурную идентичность Японии. Но, прежде чем приступить к рассмотрению системы мироустройства, в которой мы живем сейчас, важно обратиться к предшествующему историческому периоду, известному как вестфальская система международных отношений, с целью выявления общих и отличительных черт. На момент своего создания и оформления она положила начало формирования экономики капиталистического типа на уровне национальных границ. Шагнув дальше рынков местного характера, где все взаимодействия были ограничены рамками отдельных стран, культурные общности были вовлечены в интеграционные процессы макроуровня [12. С. 9].

Второй этап характеризуется образованием вестфальской системы уже национальных государств. Преобразование независимых территорий в национальные государства под эгидой капитализма требовало расширение торговых возможностей и формирование глобального рынка, что, неизбежно, повлекло первую глобализацию, начавшуюся в 1885 и продлившаяся вплоть до 1914 года. Именно в тот период Запад первый раз показал себя как мировую систему капитализма. Зарождение и начальное развитие капитализма, включая капиталистическое накопление и промышленную революцию не могло не стать фактором дестабилизации социума. Помимо вышеописанных обстоятельств, нарастающие либеральные настроения создали ситуацию доминирования экономики над обществом. Вследствие, страны столкнулись с системным кризисом, который повлек за собой поиск новых способов регламентации сложившегося мирового порядка. Наиболее

значительные изменения поствестфальского периода происходят при одновременном существовании вестфальской системы суверенных государств и глобализации, направленной на ослабление данной системы. Сложившаяся противоречивая конъюнктура может быть стабилизирована согласно теории У. Бека [2. С. 127]. Объяснение данного конфликта лежит в том, что, несмотря на усиливающуюся роль стандартизаций, космополитизм в наше время следует понимать не как массовую универсализацию под западные образцы, а как идеи мультикультурализма, согласно которым в капитализм вовлечены самые разнообразнейшие общности мира.

Таким образом, автор рассматриваемой теории закладывает в концепт «космополитизма» новый постуниверсалистский смысл, устанавливающий обязательное сохранение национально-культурной суверенности перед вызовами глобализации. Государства, в свою очередь, выступают в роли связующего звена международных отношений и являются посредниками между локальными, внутрирегиональными и мировыми уровнями взаимодействия. Однако, степень суверенности государств, которая изначально подразумевалась как основа в данной системе мироустройства, изменилась. Некоторые исследователи этой темы признают государства моделями ограниченного суверенитета. Следовательно, преобладание человеческих прав над суверенитетом государства является фундаментальным в рамках поствестфальского миропорядка. Общее мировое информационное пространство образовалось под влиянием информатизации, сделавшее возможным доступ к различным ресурсам для граждан государств по всему миру. Данное обстоятельство в значительной мере способствует стабильному социальному развитию. Но, как и у любого современного явления, у информатизации есть и другая сторона. Ведь существующая и прогрессирующая информационная открытость ведет к культурной унификации. Вследствие стирания барьеров между национальными культурами происходит проникновение рыночно-либеральных основ в политические и экономические структуры традиционных обществ, также как и интеграция нетипичных для незападных стран принципов философии или медицины в культурную сферу либеральных цивилизаций [7].

В данных обстоятельствах национальная безопасность, как и национальное развитие не имеют возможности существовать изолированно от глобализационных процессов. И, несмотря на противоречивость рассматриваемой ситуации, государства вынуждены интегрироваться в макроэкономическое пространство с целью сохранения своей самобытности. Причина кроется в том, что только страны, способные к стремительной адаптации к новым условиям, могут защитить свою политико-культурную идентичность. Описываемую идентичность следует интерпретировать как социальный конструкт, в основе которого находятся нормы и ценности индивида и общности, к которой он себя причисляет, другими словами, это явление

можно назвать политической культурой. Проблема формирования и сохранения национально-культурной идентичности в условиях глобализирующейся реальности является актуальной для Японии с учетом исторического прошлого страны. При исследовании идентичности Японии, авторы обратились к социокультурным аспектам [4. С. 50] столкновения Японии с глобализационными процессами. Изучение данного раздела следует начать с конкретизации закрепленных в японской традиции положений, рассмотрение которых позволит увидеть возможные трансформации под давлением модернизационных процессов поствестфальской эпохи.

Идентичность в японской и западной культуре имеет абсолютно разные черты. Японский взгляд на эту проблему основывается на самоидентификации индивида через его связь с другими представителями. Система взаимного доверия в бизнесе и в социуме, конформизм в повседневной жизни и следование национальным ценностям отлично описывают принципы японского подхода. Западному же мировоззрению свойственна независимость, рассмотрение индивида в отдельности, что может быть описано термином «индивидуализм». В традиционном обществе личностная идентичность формировалась посредством аскриптивных знаков и социальных норм. А именно, принадлежность к определенному сословию, гендерные признаки и другие социальные маркеры помогали членам общества сохранять стабильную самоидентификацию. Данные характеристики применимы к японскому традиционному обществу, в частности исторического периода Токугава. Коллективизм, проявляющийся в ориентированности не на личность, а на группу, моральные и этические принципы, специфические гендерные различия, социальная иерархия, развитая способность к заимствованиям и интеграции нового детерминируют идентичность членов этого общества. Фактор коллективного мышления в традиционной Японии накладывал определенный отпечаток на восприятие человека. То есть, имея принадлежность к группе людей, японец старался «быть как все», такое поведение повлияло и не внешние особенности японцев. Беспрекословное следование правилам общества, поиск гармонии во всем и другие, свойственные японской культуре принципы, оказали непосредственное влияние на особое восприятие японцами любого процесса в повседневной жизни. Можно сказать, что поклоны, приветствия и иные проявления вежливости, закрепившиеся в сознании каждого японца, тоже относятся к ритуалам. Ритуал, как способ поддержания стабильности идентификации личности, смог сохраниться в культуре страны до наших дней. Заимствованное буддийское видение мира трансформировалось и прижилось в Стране восходящего солнца как стремление к совершенству, вершине мастерства, что, несомненно, повлияло на становление самоидентификации.

Философские принципы периода Токугава (1603-1867 гг.) оставили в качестве наследства Японии XXI века способность к быстрым трансформаци-

ям, дисциплинированность, традицию непрерывного движения по пути развития. Активное участие Японии в глобализационных процессах привело к смене духовных ориентиров общества. Окончание второй мировой войны ознаменовало победу Pax Americana над доминирующим прежде центром глобализации Pax Britannica. И с 1945 года Япония тоже вступила в эту гонку, сначала на правах зависимой территории, а, впоследствии, и японская правящая элита присоединилась к силовому центру послевоенного времени. Таким образом, современная Япония выступает в роли объекта и субъекта глобализации [9. С. 44]. Как уже подчеркивалось в работе, трансформацию японской традиционной идентичности можно также назвать периодом интернационализации [3. С. 41]. С середины 60-х гг. прошлого века термин «интернационализация» (в японском варианте – «кокусайка» (国際化) начал использоваться, главным образом, в научных и правительственных организациях Японии, в настоящее время он вошел в повседневный обиход и применяется ко всем сферам общественной жизни. В соответствии с подходом преобладающего большинства японских исследователей по данному вопросу, интернационализацию можно трактовать как «процесс взаимодействия культур, проявления которого время от времени давали о себе знать на протяжении всей истории человечества» [3. С. 40]. Такая интерпретация продиктована прошлым опытом интернационализационных процессов в стране, начиная с «вестернизации» (1868-1912), сменившейся периодом послевоенной «американизации» (до 1952 г.), заканчивая процессами так называемой «азиатизации», характеризующей исторический период Японии с конца XX века. Мнения ученых, специализирующихся в области модернизационных процессов, сходятся в том, что современный этап интернационализации в Японии не ограничен только «азиатизацией». Анализ этого вопроса показывает, что уровень охвата процессами интернационализации сфер жизни японского общества выше, чем кажется на первый взгляд. Так, демографические проблемы Японии повлекли за собой пересмотр иммиграционных законов страны. «По официальным министерским прогнозам, в 2050 г. естественная убыль населения в Японии составит 21.6 млн человек, поэтому необходима замещающая трудовая иммиграция численностью около 30 млн, т.е. по 600 тыс. человек ежегодно» [1. С. 123]. Исходя из данного факта, демографический кризис входит в число актуальных вопросов интернационализации. В рамках этого раздела важно отметить начавшийся в 1980-1990-е гг. активный прирост иностранного населения из Таиланда, Филиппин и Кореи. В настоящее время можно наблюдать нарастающую миграцию людей из КНР. Существенную долю мигрантов составляют студенты, приезжающие для получения образования. Авторы подчеркивают, что японские власти идут навстречу въезжающим в страну квалифицированным кадрам, ученым и стажерам именно из стран Азиатского региона.

Единое информационно-культурное пространство делает возможным для носителей национальной культуры защитить свои ценности и традиции от исчезновения. Нарастающие тенденции к ассимиляции со стороны мультикультурных стран, в одних случаях, не встречают на своем пути останавливающих механизмов, в других случаях, получают отпор и вынуждены, изменившись, интегрироваться в чужую культурную среду. Отличным примером такого противодействия может служить формирование субкультуры «отаку» (オタク или お宅) в Японии, как ответ на угрозы послевоенного периода. Уникальная субкультура «отаку» является продуктом симбиоза традиционной японской культуры и мировых тенденций, завоевав популярность среди представителей молодежи внутри страны, она стала неотделимой частью внешней политики страны. Начнем с того, что представитель субкультуры «отаку» имеет определенные черты: активный потребитель, приносящий выгоду экономике страны, который также способен создавать продукты массовой японской культуры. Важным отличием от выходцев из других субкультур можно называть отсутствие какого-либо агрессивного паттерна поведения. Обобщая все характерные для субкультуры «отаку» черты, сообщество этих людей полезно для экономики и культуры Японии. Но, нельзя не упомянуть негативные последствия культуры «отаку», выражающиеся в виде такой социальной проблемы как хикикомори. Речь идет об асоциальных элементах общества, людях, не выходящих из своего дома и ведущих затворнический образ жизни [6. С. 245]. Массовая популярность «отаку», начавшаяся в 90-е гг. XX века, сделала возможным использование данной субкультуры как инструмента «мягкой силы», так и способа сохранения национальной самобытности перед культурной экспансией стран запада [5. С. 291]. Однако, существует и обратное мнение, согласно которому японская массовая культура, не сумев сохранить традиционные элементы, представляет собой результат стандартизирующих процессов глобализации. Иными словами, продукты «американизированной» Японии не имеют ничего общего с первоисточником, поскольку все специфические черты национальной культуры были стерты [11. С. 28]. С точки зрения современных влиятельных факторов, формирующих идентичность молодых людей в Японии, особую нишу занимают средства массовой информации, транслирующие образцы «другой», западной культуры, Нормы, принципы, ценности, прежде всего, американской культуры, показывают молодому поколению совершенно иной взгляд на мир, который становится все более увлекательным, очаровывая японцев идеями свободы личности и самовыражения. И все же, в данном дискурсе стоит отметить, что Япония, в свою очередь, также является небезызвестным производителем массовой культуры в современной эпохе. Страна расширяет экспорт анимэ, манги, игр и других продуктов по всему миру, что, без сомнений, способствует сохранению японских национальных черт и восприятию традиционной культуры как

знаковой, признанной «чужими». Рассмотрев противоположные по смыслу теории следует добавить, что сегодня преобладающее большинство исследователей данной проблемы сходятся во мнении, что самобытные черты японской политико-культурной идентичности не исчезли. Высказывание об уничтожении элементов национальной культуры верно только с точки зрения внешних характеристик. Если подойти к вопросу сохранения собственных японской культуре особенностях, то становится очевидным, что такие внешние проявления субкультуры «отаку» как аниме и манга не занимают центральное положение в определении культурной и этнической принадлежности. Так, Е.М. Моисеева отмечает, что модернизационные процессы не устранили архаические модели культуры Японии, и, невзирая на массивное давление со стороны западного мира, вестернизация оказалась неспособна стереть все культурные различия и сделать традиционную японскую идентичность западной [10. С. 48]. Нельзя говорить о полной неприкосновенности национальной японской культуры, ведь исконные традиции все же подверглись определенным трансформациям. И, поэтому, наиболее подходящим является утверждение о том, что архаичные элементы японской национальной культуры изменили свою первоначальную форму, но сумели сохранить базисные качества. Такая комбинация не несет в себе концептуальные противоречия, ведь Япония, в виду своего исторического контекста, опирается на западные достижения, живя в рамках конфуцианско-буддийской философии. Обращение к восточной составляющей не приводит к антиамериканизму. Наоборот, в сложившихся обстоятельствах видно, что Япония имеет скорее двуполярную идентичность, внутренняя часть которой относится к дальневосточной, а внешняя – к западной [9. С. 82-83].

Таким образом, современная Япония подвергается активному влиянию глобализационных тенденций, направленных на принудительную универсализацию цивилизационных особенностей японцев. Ослабление этнонациональных характеристик ставит японское общество перед проблемой неустойчивой самоидентификации. В данных обстоятельствах, такие положительные черты общего информационного пространства, как развитие новых видов коммуникации, инфраструктуры и социальных институтов не могут создать здоровое и полноценное состояние общества. Ведь, с другой стороны, отчуждение индивида от общества и государства в целом, также, является следствием взаимодействия с мировым сообществом. Насажение либеральных ценностей, ведущее к размыванию национальных границ Японии, провоцирует существенные изменения традиционной культуры страны. Но, вопреки ожиданиям западных стран, этнокультурные элементы японской традиции не исчезли, а получили новые качества, чтобы перейти из состояния, хорошо забытого «старого» в соответствующее глобализированному «новому» [6. С. 248]. Опыт Страны восходящего солнца в противодействии информационно-культурной экспансии XXI века является ценным для развития мировой культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Анисимцев Н.В.* Япония: национальная модель иммиграционной политики // Этнографическое обозрение. 2004.
2. *Батуренко С.А.* Ульрих Бек о влиянии глобализации на систему социального неравенства в современном обществе // Вестник Московского университета. 2015. № 18.
3. *Гуцин И.И.* Современные процессы интернационализации в Японии // Вестник МГОУ. Серия «Педагогика». 2012. № 3.
4. *Карелова Л.Б.* Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов / Л.Б. Карелова, С.В. Чугров // Вопросы философии. Москва, 2009. № 7.
5. *Катасонова Е.Л.* Япония и соперничество «мягких сил» в Азии // Япония в Азии: параметры сотрудничества. М.: АИРО XXI, 2013.
6. *Ковлеков К.И.* Субкультура «отаку»: японский опыт противостояния культурной экспансии // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. 2017.
7. *Комлева Н.А.* Поствестфальский мировой порядок как системная угроза национальной безопасности современных государств // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013 // <https://cyberleninka.ru/article/n/postvestfalskiy-mirovoy-poryadok-kak-sistemnaya-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-sovremennyh-gosudarstv/viewer>.
8. *Коротин В.О.* Национальная идентичность в современном обществе в условиях глобализации // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2.
9. *Куланов А.Г.* Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации // Глобальные вызовы – японский ответ. 2008.
10. *Моисеева Е.М.* Постмодернистский научный дискурс в Японии // Восток (Oriens). 2012. № 4.
11. *Мошняга П.А.* Японская культура в глобализирующемся мире // Знание. Понимание. Сила. 2008. № 3.
12. *Федотова В.Г.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова // Вопросы философии. 2008.

A.A. TUSHKOV

*Ph.D., Professor of International Relations
and Law at Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

E.M. CHERNIKOVA

*Bachelor, Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

TRANSFORMING JAPAN'S POLITICAL AND CULTURAL IDENTITY: FROM TRADITION TO MODERNITY

In this article, the authors explore the problems of the political and cultural identity of Japanese society. According to the authors of the article, in the face of constant threats from the growing processes of globalization, identity in Japan is a factor of national self-determination. The issue of preserving Japan's national and cultural identity, which is one of the key problems of modern Japanese society, has its own specificity, different from the societies of other countries. The authors show which aspects contribute to the successful adaptation of traditional Japanese society to modernizing innovations from the "outside world" and, as a result, to the successful development of the country and to strengthen its status in the international arena in the post-Westphalian era.

Key words: *Japan, political and cultural identity, globalization, post-secular era, modern.*

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕЗИДЕНТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЛЬХАМА АЛИЕВА)

Цель данной статьи – рассмотреть имидж современного политического лидера в контексте того или иного события, приведшего к его популярности среди широкой общественности. Для достижения данной цели в статье был проанализирован образ президента Азербайджана Ильхама Алиева в разрезе Второй Карабахской войны, завершившейся победой Азербайджана. Автором были подробно изучены основные компоненты образа, повысившие уровень доверия к президенту среди абсолютного большинства населения страны. Особое внимание в статье было уделено выступлениям Ильхама Алиева в период войны, как в местных, так и в иностранных средствах массовой информации. В числе общенаучных методов, использованных автором, можно назвать изучение, ситуативный анализ, а также индукцию. Выводы, сделанные автором, позволили выявить факторы, наибольшим образом влияющие на позитивное восприятие имиджа политика народными массами.

Ключевые слова и фразы: *имидж, СМИ, Ильхам Алиев, Азербайджан, Вторая Карабахская война.*

Институт политического лидерства исследовался многими учеными, каждый из которых давал свое определение данному термину. Тем не менее, почти все исследователи едины во мнении, что в основе этого института лежит понятие «имидж», от правильности формирования, которого напрямую зависит успех лидера. Одни характеризуют имидж как преднамеренно создаваемое визуальное впечатление о личности [34. С. 13], другие – как основной компонент публичной политики [26. С. 102]. При этом подчеркивается социально-психологическая природа «имиджа», располагающегося, как правило, в глубинных пластах обыденного сознания человека [34. С. 13].

Важной составляющей при его создании является та позиция, которую занимают СМИ по отношению к тому или иному политическому деятелю. По мнению Т.С. Курманиной, при выборе средствами массовой информации определенной социальной направленности аудитория уже изначально готова согласиться с предполагаемой точкой зрения о политическом лидере [26. С. 102]. С.В. Сучков, в свою очередь, говорит о том, что популярность политических лидеров имеет информационную основу, то есть формируется в процессе информационного обмена между политическим лидером и целевыми группами [32. С. 164].

С ним солидаризируются К.В. Киуру и А.Г. Блудова, характеризующие имидж как представление о политике создаваемое с помощью средств массовой информации [25. С. 139]. В своей статье «Природа политического имиджа» они приравнивают имидж к феномену публичности, что роднит их исследование с работой Т.С. Курманиной. В числе признаков публичности, которые можно перенести на понятие «имидж», К.В. Киуру и А.Г. Блудова называют тотальность его смыслового содержания (взаимосвязанность его с другими образованиями, наличествующими в массовом сознании), тенденцию к глобализации, процессуальность складывания, статистичность предполагаемого эффекта при конструировании, активность имиджевых образов, тиражируемых средствами массовой информации, а также искусственность [25. С. 139-140].

Среди многочисленных работ на тему политического имиджа особое место занимает исследование профессора Е.Б. Шестопал, определяющей имидж как специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика [35. С. 13]. На восприятие образа политика, по ее словам, влияют два основных фактора: личность самого лидера и политический контекст. Личностная сила политика оценивается посредством таких параметров, как здоровье, возраст, физические и интеллектуальные ресурсы, психологическая устойчивость, способность защищать интересы страны [35. С. 23].

В этом ключе было бы интересно изучить имидж одного из современных лидеров, сумевшего поставить точку в многолетнем конфликте между двумя постсоветскими государствами. Речь идет о Нагорно-Карабахском конфликте, нашедшем свое разрешение лишь после окончания 44-дневной войны. Именно в контексте этой войны хотелось бы рассмотреть образ президента Азербайджана Ильхама Алиева, сумевшего принести своей стране столь долгожданную для нее победу.

Сразу после заявления президента Ильхама Алиева о победе и подписании документа о капитуляции Армении жители Баку стали стекаться к площадям и паркам. Стоя на тротуарах с флагами и транспарантами, они скандировали: «Да здравствуют наши герои!», «Шехиды не умирают – Родина неделима!», «Карабах был и будет наш!» [27]. У многих граждан, принимавших участие в шествии, в руках были портреты Ильхама Алиева.

Победа Азербайджана в войне за Нагорный Карабах повысила популярность президента до не виданного за все годы его пребывания у власти уровня. Более того, его образ в глазах населения претерпел трансформацию. Азербайджанцы в еще большей степени начали воспринимать Ильхама Алиева как «своего», человека из народа, во многом благодаря выступлениям, в которых он обращался к населению страны во время войны. В своей речи Ильхам Алиев неоднократно использовал метафоры и выражения, отражающие мысли и чувства простых азербайджанцев.

Впоследствии некоторые высказывания президента стали столь популярными среди народа, что сегодня их по праву можно считать крылатыми выражениями. На волне гражданской гордости Ильхама Алиева стали называть национальным героем. Даже в средствах массовой информации имя Ильхама Алиева стало сопровождаться словосочетанием «победоносный верховный главнокомандующий» [30].

44-дневная война сплотила азербайджанский народ как никогда ранее. «Это единство даст нам возможность вернуть жизнь на освобожденные земли и вернуть наших бежавших граждан на эти земли как можно скорее», – отметил президент в своей речи на параде, посвященном победе Азербайджана в войне [31].

Сделав возможным полномасштабное возвращение перемещенных азербайджанцев на освобожденные от армянской оккупации земли, Ильхам Алиев поставил тем самым «мат» оппозиции, все эти годы бравировавшей темой неразрешенного конфликта и неспособности официальной власти вернуть беженцев на территории их изначального проживания.

Более того, оппозиция и сама признала безоговорочное преимущество Ильхама Алиева, одержавшего победу в войне. Так, по словам лидера оппозиционной партии REAL Ильгара Мамедова, благодаря Ильхаму Алиеву в стране возникло новое национальное единство. В одном из своих интервью Мамедов высказал мысль, что историки могут расценить как заслуживающее внимания утверждение действующего президента АР о том, что он продолжил политику своего отца Гейдара Алиева, возглавлявшего Азербайджан в 1993-2003 гг. «Здесь есть необходимость в больших исследованиях историков. Но с политической точки зрения я могу сказать, что в 1994 году – период, когда Азербайджан был действительно слаб в военном, политическом и, самое главное, экономическом плане, – Гейдар Алиев остановил войну, не поступаясь страной. Он дал стране набраться сил», – подчеркнул Мамедов [2]. По словам главы партии REAL, Ильхаму Алиеву удалось продолжить политический курс Гейдара Алиева и принести своей стране победу.

Образ Ильхама Алиева как «победоносного верховного главнокомандующего» нашел отражение и в патриотических музыкальных композициях, созданных в период военных действий. 15 ноября 2020 г., в день освобождения

дения Кельбаджара, при поддержке ООО «Pasha Holding» была выпущена песня под названием «Солдаты», посвященная победе Азербайджана во Второй Карабахской войне. Исполнил песню народный артист АР, обладатель международной музыкальной премии ЮНЕСКО Алим Гасымов. В клипе, снятом на песню, неоднократно можно увидеть президента в военной форме. В частности, в одном из эпизодов Ильхам Алиев водружает флаг Азербайджана на освобожденных от оккупации землях [38].

Повышению рейтинга президента способствовали и его четкие, выверенные ответы в беседе с иностранными журналистами. На протяжении всего периода военных действий Ильхам Алиев дал десятки интервью зарубежным СМИ, в числе которых: «Первый канал» (Россия) [11], «РБК» (Россия) [12], «Al Jazeera» (Катар) [10], «Al Arabiya» (ОАЭ) [9], «Sky News» (Великобритания) [24], «Rai-1» (Италия) [8], «La Repubblica» (Италия) [7], «EFE» (Испания) [6], «France 24» (Франция) [14], «Le Figaro» (Франция) [17], «Nikkei» (Япония) [18], «NTV» (Турция) [16], «Haber Global» (Турция) [15] и др. Однако самыми запоминающимися из них можно считать интервью «BBC», «ARD», «Fox News».

Отвечая на выпады журналиста «BBC News» в сторону Азербайджана касательно отсутствия свободы слова, Ильхам Алиев коснулся судьбы основателя WikiLeaks Джулиана Ассанжа: «Простите, сколько времени он провел в посольстве Эквадора и за что? Где он сейчас? Вы держали это лицо в заложниках за журналистскую деятельность, по сути, морально и физически убили его. Это сделали вы, а не мы. Теперь он находится в тюрьме. Если вы занимаетесь такими делами, то не имеете морального права говорить о свободной печати» [13].

Примечательно, что телеканал «BBC» на свой канал в «Youtube» выложил неполное интервью с президентом Азербайджана. В частности, был вырезан фрагмент, о котором говорилось выше. Этот факт вызвал отрицательную реакцию со стороны пользователей «Youtube», опубликовавших под видео негативные комментарии [37]. В комментариях зрители, симпатии которых были явно на стороне президента Азербайджана, а не журналиста BBC, обвиняли канал в предвзятости и непрофессионализме, что свидетельствует об умении Ильхама Алиева отстаивать позицию возглавляемой им страны на самом высоком уровне.

Заслуживает внимания также ответ азербайджанского президента на вопрос представителя немецкого телеканала ARD о том, почему Карабах так важен для Азербайджана. «Для вас важны Эльзас и Лотарингия? Или же Рейн-Вестфалия? Это – наша земля, наша международно-признанная территория. Это – не вопрос ресурсов. Основные ресурсы здесь, в Баку. Это – вопрос справедливости, это вопрос национальной гордости и международного права. Международное право и вся международная общественность признают Нагорный Карабах неотъемлемой частью Азербайджана.

Мы восстанавливаем справедливость и выполняем резолюции Совета Безопасности ООН, которые 27 лет оставались на бумаге», – заявил Ильхам Алиев, поставив тем самым журналиста в тупик [23].

Азербайджанским зрителям также запомнился разговор президента с журналистом американского телеканала «Fox News», задавшем вопрос о коррупции, а также семейственности в правительстве и корпоративных структурах. «Мы представили обширную программу экономических реформ. В последнее время многие люди, многие официальные лица правительства и высокопоставленные лица были арестованы по обвинению в коррупции. Коррупция есть везде, и мы ведем борьбу с ней. Что же касается семейственности, то я вновь хочу привлечь внимание к вашей собственной стране, где важные должности занимали отец и сын. Семья Буш, Клинтон, муж и жена, семья Кеннеди. Таким образом, это не отличается от того, что происходит в США» [5], – подчеркнул Ильхам Алиев.

Перечисленные выше ответы Ильхама Алиева иностранным журналистам ведущих мировых СМИ стали поводом для громких заголовков в прессе. Достаточно привести в пример только некоторые из них, чтобы констатировать факт поддержки президента Азербайджана, как подавляющим большинством местных СМИ, так и некоторыми зарубежными СМИ: «Алиев застал врасплох журналистку ВВС своим вопросом об Ассанже» [1], «Президент Ильхам Алиев журналисту ВВС News – «Вы говорите, как прокурор. Почему?»» [28], «Глава Азербайджана культурно размазал западную журналистку» [3], «Ильхам Алиев парирует прокурорские вопросы Би-Би-Си: «Вам нравится только обвинять и нападать!»» [19], «Ильхам Алиев парирует: «Семейное управление? А семья Бушей? А муж и жена Клинтон?»» [20].

Что же обеспечило Ильхаму Алиеву победу, как в войне, так и в информационном поле? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть факторы, влияющие на восприятие образа политика народными массами, как внутри управляемой им страны, так и за ее пределами. На первом месте – компоненты, из которых состоит имидж политика. По мнению американского исследователя Ч.Э. Осгуда, их три: привлекательность, сила и активность [35. С. 23].

Остановимся на каждом из них подробнее. К параметрам привлекательности относятся внешность (одежда, манера поведения) и телесные характеристики (здоровье-болезнь, конституция, полнота-худоба, вредные привычки, мускулиность-фемининность, возраст, темперамент, физическая привлекательность) [35. С. 23]. Рост Ильхама Алиева составляет 188 см [4], телосложение стройное, что чисто визуально делает его образ довольно привлекательным. Известно, что президент уделяет особое внимание своей спортивной подготовке. В июне 2011 г. на открытии центрального корта и тренажерного зала Бакинской теннисной академии

он с легкостью несколько раз подтянулся на турнике, продемонстрировав прекрасную физическую форму [21].

Образ Ильхама Алиева не может не ассоциироваться со спортом еще и потому, что с 1997 г. он возглавлял Национальный олимпийский комитет Азербайджана. По его инициативе активно строились спортивные школы, формировались национальные команды по тем видам спорта, которые традиционно были сильны в Азербайджане [33. С. 36]. За большой вклад в дело развития спорта и Олимпийского движения Ильхам Алиев был награжден высшим орденом Международного олимпийского комитета (МОК) [22].

К параметрам привлекательности относятся также профессиональные и деловые качества лидера. Во многом именно их рассмотрение позволит нам ответить на вопрос о том, как же Ильхаму Алиеву удалось не просто противостоять в ходе интервью нападкам некоторых иностранных журналистов, чьи вопросы носили явно провокационный характер, но и умело сместить акценты на внутривосточные проблемы тех стран, которые они представляли.

Подкованность Ильхама Алиева в вопросах мировой политики, объясняется, в первую очередь его образованием, а умение найти достойный ответ на самые неоднозначные вопросы журналистов – опытом работы в соответствующих структурах. Президент Азербайджана является выпускником Московского государственного института международных отношений. В 1985 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в МГИМО и начал преподавательскую деятельность в том же вузе [22].

Начальник международного управления МГИМО Егор Андреев, которому Ильхам Алиев преподавал в студенческие годы, в одном из своих интервью, отметил, что если бы не Ильхам Алиев, он возможно не задержался бы в МГИМО и не стал дипломатом. По словам Андреева, родившегося в семье народных артистов РФ Владимира Андреева и Наталии Селезневой, родители были бы рады видеть его на сцене, но встреча с преподавателем Алиевым окончательно убедила в правильности выбора им профессии дипломата [36].

Образование, полученное в МГИМО, стало хорошим подспорьем для будущей дипломатической карьеры Ильхама Алиева. В 2001-2003 гг. он возглавлял делегацию Милли Меджлиса Азербайджанской Республики в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), а в январе 2003 г. был избран заместителем председателя Парламентской Ассамблеи Совета Европы и членом бюро ПАСЕ. В 2004 г. Ильхам Алиев был награжден дипломом почетного члена Парламентской Ассамблеи Совета Европы и медалью ПАСЕ [22].

Таким образом, анализ основных составляющих имиджа Ильхама Алиева дал возможность выявить те параметры, которые делают его образ привлекательным для широкой аудитории. Рассмотрение этих параметров

в купе с факторами, влияющими на восприятие образа населением, позволило прийти к следующим выводам.

Выступления Ильхама Алиева, как в местных, так и зарубежных СМИ, в период войны позволили азербайджанцам рассмотреть в своем лидере те качества, о которых ранее, в силу недостаточной их освещенности в прессе, было просто неизвестно. Некоторые высказывания президента в ходе обращения к народу и в интервью иностранным журналистам утвердили в массовом сознании образ Ильхама Алиева как человека, преданного интересам Родины, а также способствовали поднятию патриотического духа народа, усилению его единства и внутри Азербайджана, и за его пределами, в странах проживания диаспоры.

Сегодня президента поддерживает абсолютное большинство населения АР. Война сплотила азербайджанский народ под руководством верховного главнокомандующего, который не на словах, а на деле доказал всему миру, что Азербайджан за годы после обретения независимости превратился в сильное государство, способное противостоять оккупационной политике вражеского режима.

О результатах политического курса Ильхама Алиева можно будет судить лишь спустя годы. Одно можно утверждать с уверенностью – имя действующего президента Азербайджанской Республики будет вписано в историю страны как имя политического лидера, возглавлявшего ее во время победоносной освободительной войны, длившейся 44 дня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алиев застал врасплох журналистку BBC своим вопросом об Ассанже // <https://www.youtube.com/watch?v=WGCnmsk5y8M>.
2. Война в Нагорном Карабахе и ее влияние на имидж президента Азербайджана // <https://rus.azattyq.org/a/nagorno-karabakh-legacy-azerbaijani-president-aliyev/31007144.html>.
3. Глава Азербайджана культурно размазал западную журналистку // <https://politrussia.com/video/glava-azerbaydzhana-kulturno-razmazal-zapadnuyu-zhurnalistku-ruslan-ostashko/>.
4. Ильхам Алиев // <https://24smi.org/celebrity/4860-ilkham-aliev.html>.
5. Ильхам Алиев дал интервью американскому телеканалу Fox News // <https://ru.president.az/articles/44279>.
6. Ильхам Алиев дал интервью испанскому информационному агентству EFE // <https://ru.president.az/articles/45475>.
7. Ильхам Алиев дал интервью итальянской газете «La Repubblica» // <https://ru.president.az/articles/45399>.
8. Ильхам Алиев дал интервью итальянскому телеканалу Rai-1 // <https://ru.president.az/articles/44514>.

9. Ильхам Алиев дал интервью телеканалу «Аль-Арабия» // <https://ru.president.az/articles/41712>.

10. Ильхам Алиев дал интервью телеканалу «Аль-Джазира» // <https://ru.president.az/articles/41429>.

11. Ильхам Алиев дал интервью телеканалу «Первый Канал» России // <https://ru.president.az/articles/41881>.

12. Ильхам Алиев дал интервью телеканалу РБК России // <https://ru.president.az/articles/42449>.

13. Ильхам Алиев дал интервью телеканалу BBC News // <https://ru.president.az/articles/4584>.

14. Ильхам Алиев дал интервью телеканалу France 24 // <https://ru.president.az/articles/43037>.

15. Ильхам Алиев дал интервью турецкому телеканалу Haber Global // <https://ru.president.az/articles/42723>.

16. Ильхам Алиев дал интервью турецкому телеканалу NTV // <https://ru.president.az/articles/43149>.

17. Ильхам Алиев дал интервью французской газете «Фигаро» // <https://ru.president.az/articles/44170>.

18. Ильхам Алиев дал интервью японской газете Nikkei // <https://ru.president.az/articles/43836>.

19. Ильхам Алиев парирует прокурорские вопросы Би-Би-Си: «Вам нравится только обвинять и нападать!» // <https://haqqin.az/news/193453>.

20. Ильхам Алиев парирует Fox News: «Семейное управление? А семья Бушей? А муж и жена Клинтон?» // <https://haqqin.az/news/192378>.

21. Ильхам Алиев подтягивается на турнике // https://aze.az/news_ilham_aliev_podtyagivaets_61424.html.

22. Ильхам Гейдар оглы Алиев // <https://ru.president.az/president/biography>.

23. Интервью Ильхама Алиева немецкому телеканалу ARD // <https://ru.president.az/articles/45111>.

24. Интервью Ильхама Алиева телеканалу Sky News // <https://ru.president.az/articles/42435>.

25. *Киуру К.В., Блудова А.Г.* Природа политического имиджа // Вестник ЮУрГУ. 2005. № 7 (47).

26. *Курманина Т.С.* Роль СМИ в формировании имиджа политических лидеров // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 27 (69).

27. На улицах Баку массовое шествие в честь победы Азербайджана над Арменией // <https://www.trend.az/life/socium/3332335.html>.

28. Президент Ильхам Алиев журналисту BBC News – «Вы говорите, как прокурор. Почему?» // <https://az.sputniknews.ru/politics/20201109/425422636/Prezident-Ilkham-Aliev-zhurnalistu-BBC-News---Vy-govorite-kak-prokuror-Pochemu.html>.

29. Президент Ильхам Алиев: справедливость восторжествовала // <https://az.sputniknews.ru/karabakh/20201117/425490012/Prezident-Ilkham-Aliev-spravedlivost-vostorzhestvovala.html>.

30. Президент, Победоносный Верховный главнокомандующий Ильхам Алиев: Ты свободна, родная Шуша! // https://azertag.az/ru/xeber/Prezident_Pobedonosnyi_Verhovnyi_glavnokomanduyushchii_Ilham_Aliev_Ty_svobodna_rodnaaya_SHusha-1636815.

31. Речь Ильхама Алиева на параде, посвященном победе в Отечественной войне // <https://ru.president.az/articles/48793>.

32. Сучков С.В. Популярность политических лидеров как социально-психологический феномен // Акмеология. 2011. № 3 (39).

33. Цыганов О.В. Ильхам Алиев: открытый мир. М.: Хроникер, 2008.

34. Шепель В.М. Имиджелогия: учебное пособие. М.: Народное образование, 2002.

35. Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008.

36. Эксклюзив Sputnik: воспоминания сокурсников и учеников об Ильхаме Алиеве // <https://yandex.az/turbo/az.sputniknews.ru/s/event/20210125/426049925/Eksklyuziv-Sputnik-vospominaniya-sokursnikov-i-uchenikov-ob-Ilkhame-Alieve.html>.

37. Nagorno-Karabakh: President Ilham Aliyev speaks to the BBC – BBC News // <https://www.youtube.com/watch?v=9paCEMyfiiY&feature=youtu.be>.

38. PAŞA Holding-in dəstəyi ilə Alim Qasimov yeni Qələbə məhənnəsi buraxıb // <https://www.youtube.com/watch?v=HhFtGuOT-ZE>.

U.M. MEKHDIEVA

*Phd in History, Senior Lecturer,
Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan*

THE IMAGE OF A POLITICAL LEADER IN THE CONTEXT OF HISTORY (ON THE EXAMPLE OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN ILHAM ALIYEV)

The goal of the article is to consider the image of a modern political leader in the context of a particular historical event that led to his popularity among the general public. To achieve this goal, the image of the President of Azerbaijan Ilham Aliyev was analyzed, in the context of the Second Karabakh war, which

ended with the victory of Azerbaijan. The author studied in detail the main components of the image, which increased the trust in the President among the absolute majority of the country's population. Particular attention was paid to the speeches of Ilham Aliyev during the war, both in local and foreign media. Among the general scientific methods used by the author are study, situational analysis, and induction. In conclusion, the author identified the factors that most affect the positive perception of the image of the politician by the masses.

Key words: *image, mass media, Ilham Aliyev, The Republic of Azerbaijan, Second Karabakh war.*

ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

В статье представлен анализ эволюционирования кадровой политики в Кыргызстане в контексте политологической науки, в которой представлены теоретические позиции и взгляды авторов, изучавших указанную научную проблематику сквозь призму советской научной доктрины, так и в более поздний период, с момента распада СССР и суверенизации новых государств. В процессе анализа отмечается, что строительство новых общественных отношений требовало институционализации новых, по сути и содержанию, подходов к государственной службе, осуществлению кадровой политики. Также актуализируется аспект обновления концептуальных подходов в процесс реформирования системы государственной службы в Кыргызстане на современном этапе.

Ключевые слова: *кадровая политика, доктрина, концепция, государство, эволюция, государственная служба, методология, государственное управление, суверенизация, принципы организации, периодизация.*

Предваряя анализ развития кадровой политики в Кыргызстане, важно обратиться к истории становления государственной службы, берущей отсчет времени с советского периода, и связан с переосмыслением В.И. Лениным сущности имперско-государственного сословия и возможностей использования его услуг в пролетарском государстве.

На начальных этапах строительства союзной федерации основной упор делался на идеологические принципы организации системы госуправления. Итогом такого подхода явилась полнейшая абсолютизация партийно-административных методов решения задач. «На руководящие партийные должности, – по мысли В.И. Ленина, – надо выдвигать людей «...безусловно на-

дежных, которые способны стоять на своем посту, как представители всего класса...» [10. С. 467].

Государственная кадровая политика обусловила формирование и реализацию новых конституционных норм власти и управления, что способствовало росту роли советов всех уровней. Строительство новых общественных отношений требовало институционализации, и к середине 30-х гг. XX в. опиралось на конституционные основы, развитые в Гражданском, Уголовном, Гражданско-процессуальном Кодексах, КЗоТ и др. [6. С. 35].

Так, М. Восленский, исследователь советской номенклатуры подчеркнул, что если В. Ленин создал высокоорганизованную организацию профессиональных революционеров, то Сталин изобрел номенклатуру – аппарат, «при помощи которого стал управлять страной» [3. С. 98]. В основе организации советской номенклатуры лежали идеологические принципы, что отличало систему советской бюрократии от принципов сословной бюрократии, а также разнилось с номенклатурой госслужбы буржуазного общества.

Важнейшим для Кыргызстана событием явилось принятие в 1936 г. новой Конституции СССР, когда Кыргызстан, до тех пор являвшимся автономной республикой приобрел статус союзной и получил права равноправного государства в составе СССР. В 1937 г. была принята Конституция Кирг. ССР. Указанный исторический отрезок времени стал точкой отсчета построения правоохранительной системы, отделившейся от НарКомЮста.

Кадровая политика в военных условиях, по мнению ряда авторов, осуществлялась в контексте «принципа максимальной централизации политического, хозяйственного и военного руководства» [8. С. 235]. Послевоенная система госслужбы в 40-50-х гг. со всей очевидностью проявляла изъяны, ощущалась потребность реорганизации и выработке новой кадровой доктрины.

До середины 60-х гг. осуществлялось интенсивное государственное строительство, что стало также толчком для расширения круга администрирования не только с позиций государства, но также участия в управлении общественностью. Аппарат партийных и советских госорганов, по мнению Коваленко А.И., Ильина В.В. и ряда других авторов, выступал в качестве организующей, мобилизующей силы [7. С. 238].

Указанная доктрина теоретически обосновывалась на положении о том, что участвовать в управлении государством по силам любому гражданину. По мере же того, как цель замены государства общественным самоуправлением становилась отдаленной, а реальное государство оказалось подчинено власти КПСС, тезис был подменен другим: руководящей и направляющей ролью партии.

Советский институт госслужбы, как известно, регулировался нормами трудового законодательства и контролировался номенклатурной системой. В итоге, закреплялось расширительное понимание понятия «государственные служащие», которыми признавались не только лица, занимающие

должности в органах власти, но и врачи, учителя, инженерно-технические работники предприятий, а также многие работники нефизического труда, занятые в народном хозяйстве. Так, отличительной особенностью было фактическое смешение госслужбы с работой в партийных органах, хотя по законодательству они не относились к числу госорганов. Фактически же работа в них по ряду параметров подходила к определению ее как госслужбы, поскольку была связана с функцией госорганов – управлением общественными процессами, осуществлением государственно-властных полномочий государственности [5. С. 98].

В системе политического управления СССР сложилась иерархия, в которой были переплетены партийные, государственные, советские органы. Как отмечает А. Зиновьев, в советские времена «Вся система власти есть как бы развертывание партийного аппарата» [4. С. 324]. В этот период были разработаны системные механизмы подбора и расстановки кадров в плане выдвижения инициативных молодых людей из рабочих, сельских тружеников, служащих, которые получали в системе комсомольского (ВКШ) и партийного (ВППШ) образования знания в области управления, экономики, политики, истории.

В отсутствие политологической науки и различных отраслей социогуманитаристики в СССР вплоть до 80-х гг. XX в. госслужба была предметом изучения в административном праве, партийном и советском строительстве, что было связано с необходимостью нормативного и политического определения содержания этого трансформирующегося социального феномена.

На более позднем этапе партийно-советская модель кадровой политики отказалась от корректировки в условиях т.н. «застоя». «Окостенение» кадрового корпуса, отсутствие притока новых сил стали одной из причин слабостью политики СССР к концу 80-х гг. Вместе с тем, советская система сумела решить задачу обеспечения экономического подъема квалифицированными кадрами. В годы индустриализации родился не забытый и сейчас лозунг «Кадры решают все».

Основными характеристиками госслужбы советского образца (установленных для номенклатуры), которые отличали ее от трудовой деятельности служащих предприятий и учреждений, были:

- номенклатурный принцип отбора, расстановки и продвижения кадров, согласно которому для занятия должности в госоргане потенциальный субъект на должность должен был соответствовать требованиям (опыт работы, квалификация, безупречный моральный облик и др.), принадлежность к КПСС;

- профессиональная основа деятельности госслужащих, которая характеризовалась опытом администрирования, системой переподготовки и процедурами продвижения по службе; определялась достаточно жесткой должностной иерархией должностей;

– зависимость от партийной идеологии, отождествление госслужбы с партийной карьерой; необходимость согласования назначений с соответствующими партийными органами;

– нормативное сопровождение различных видов госслужбы (отсутствии НПА, определявших порядок прохождения в органах судебной власти; руководителей госорганов, устанавливающих ответственность министров и др. руководителей, детальное регламентирование военной службы, службы в органах внутренних дел);

– определение четкого круга служебных полномочий в форме прав и обязанностей в пределах компетенции госоргана для реализации его задач и функций, поставленных государством;

– свод этических правил, в числе которых: не злоупотребление служебным положением, недопущение бюрократизма и волокиты;

– система особых благ, предоставляемых в форме оплаты труда; льгот на медобслуживание, отдых, снабжение продуктами и товарами.

Такая специфика делала госслужбу привлекательной для лиц, стремящихся к карьерному успеху, и способствовала развитию социального неравенства в обществе в целом, воспроизводила и закрепляла в массовом сознании отрицательный образ бюрократии.

Понимание сути госслужбы в советской социально-политической системе носило конкретно-исторический характер и определялось актуальным политическим контекстом. Суть функции госслужбы и, соответственно, их статус обуславливались теми политическими задачами, которые ставились в СССР на разных этапах развития государственности. Для адекватного понимания феномена госслужбы в советский период необходимо учитывать политический и идеологический контекст управленческой деятельности и иметь в виду руководящую и интегрирующую роль Компартии.

Так, учет велся по системно-необходимым характеристикам, отражавшим требовавшиеся опыт работы, надежность, ценностям того времени. Система позволяла выделять и отслеживать группы, которые могли в случае необходимости обеспечить занятие должностей в аппаратах по национальному, половому, образовательному и иным признакам [1. С. 56]. Следует отметить, что принцип кадрового резерва был характерен для советской кадровой системы, в странах Западной Европы, США и других развитых странах подобные подходы не применялись. На сегодняшний день кадровый резерв также распространен только в странах СНГ. Система номенклатуры позволила заинтересовать в результатах труда лишь наиболее системно важные группы работников управления. Чем важнее был для системы работник, тем выше он поднимался не только по шкале зарплаты, но и других материальных и иных стимулов.

Одним из специфических по идеологии, формам и результатам стимулом явился контроль в рамках партийно-советской системы [11. С. 104].

При всей критике советского опыта, упреков в том, что она не адаптировала кадровую политику к меняющейся среде, объективно оценивая опыт прежних лет, необходимо использовать все позитивное в организации, выборе технологий и форм. При всех недостатках прежняя кадровая политика была активной и высокоорганизованной с довольно стройной системой работы с управленческими кадрами (партийно-гражданского контроля, повышения квалификации), что сыграло важную роль в формировании мощного кадрового потенциала. На текущем этапе необходима преемственность позитивного опыта, нужно найти в кадровых процессах баланс оптимальности.

Позднее, в период экономической стагнации и противоречий это привело к развитию кризисных симптомов, обусловивших распад СССР. Власть превратилась в олигархию, усилились тенденции вступления в партию карьеристов, формирование кланов, вождизм. Все это снижало значимость руководящей роли партии и привело к потере ею доверия масс.

Советский социум был охвачен системным кризисом, связанным с базисными экономическими основами, требующими структурирования; крушением идеологии; исчерпанностью потенциала управления. В июне 1988 г. XIX Всесоюзная партконференция выдвинула идею конституционной реформы, проект которой был принят в октябре 1988 г. [9. С. 72]. Резкое ухудшение условий жизни, спад промышленного и с/х производства, политизация общества привели к радикальной поляризации. Политическая либерализация привела к росту неформальных группировок. На политической арене появлялись новые активные субъекты: криминальные группы, перепределившая свой потенциал партийная номенклатура. Все это показало ограниченность возможностей советского строительства в эпоху перемен, вскрыло кризис и отсутствие четкой стратегии преобразований. В практике администрирования, по мнению одного из российских авторов Бутенко А.П., у номенклатуры не оказалось алгоритмов управления, синхронных с процессами демократизации и либерализации основ жизни [2. С. 208].

Кризис проявился во всех сферах жизни, включая управленческую, и в этой части показал нежизнеспособность методов регулирования, их исчерпанность политическим временем. Наступала новая эпоха государственного строительства, которая потребовала иных структурно-функциональных основ государственного управления с рыночных и демократических позиций.

Можно констатировать, что политизация госслужбы, ее негибкость, невосприимчивость к переменам показали неспособность управленческого аппарата к реагированию на вызовы времени, анализу ценностного сознания, к готовности преобразовать знания об общественных процессах, разработать и применить обновленные алгоритмы.

Перед новым суверенным государством – Кыргызской Республикой встала задача эффективного рекрутирования госаппарата нового формата, способного действовать компетентно в условиях нестабильности. Эта за-

дача могла быть осуществима в контексте административной реформы, поскольку государство утратило рычаги управления, а жизнь требовала поиска новой политической институционализации. Утрата прежней системности, распад связей, отсутствие стратегии преобразований поставили под угрозу существование конституционных основ государственности, инициировал политические преобразования. В тех условиях важно было увидеть возможные пути трансформационных процессов, удержать ситуацию под контролем и приступить к разработке программ реформирования.

Так, переход КР к демократической форме развития вызвал необходимость структурной перестройки всей системы управления. На эти годы выпало время проведения базовых реформ, включая и реформирование госслужбы. Сложность ее формирования предопределялась тем, что все концептуальные идеи из советского опыта стали отвергаться вместе с существовавшими политическими и идеологическими дефинициями. Перед КР встала задача построения новой государственности. И как показала история, Кыргызстан сформировал эффективную госслужбу, адекватную систему нормативных положений, соответствующих современности.

Реализация указанных задач в современной модели госслужбы в КР носила поэтапный характер. В указанной связи важно отразить условную периодизацию становления и развития госслужбы КР:

– подготовительный этап реформирования госслужбы, в рамках которой зарождались идеи (Г.В. Атаманчук, К.С. Бельский, В.М. Манохин в 80-х гг. XX в.);

– начальный этап, с 1993 г. с момента принятия первой Конституции КР;

– основной этап, связанный с регламентацией вопросов поступления и прохождения госслужбы, аттестацией, установлением мер социальной защиты (с 1995 по 2007 гг.);

– текущий этап, связанный с разграничением функциональных обязанностей между госорганами, формированием новых и модернизацией действующих институтов управления, принятием НПА о госслужбе (на текущий момент).

Таким образом, предпринятый анализ позволил выделить некоторые выводы, которые заключаются в следующем:

– обобщен историко-политологический аспект советского этапа становления и формирования госслужбы, с наличием, как положительных, так и негативных проявлений, и ставших точкой отсчета процесса дальнейшей институционализации;

– началу реформ госуправления и построения кыргызстанской модели государственной службы, предшествовал подготовительный период, начавшийся в последние годы социалистического прошлого;

– новая эпоха государственного строительства актуализировала иные структурно-функциональные основы госуправления с рыночных и демократических позиций;

– в период формирования государственности Кыргызской Республики произошло концептуальное осмысление дальнейших процессов институционализации госслужбы, а также системных механизмов подбора и расстановки кадров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Афанасьев Л.Т.* Советское общество: возникновение, развитие и исторический финал. М.: Взгляд, 1997. Т. 2.
2. *Бутенко А.П.* Взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990.
3. *Восленский М.* Номенклатура. М.: Знание, 1991.
4. *Зиновьев А.* Коммунизм как реальность. (Социальная мысль России). М., 2008.
5. *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997.
6. *Исаев И.А.* История государства и права России. М.: Знание, 2004.
7. *Коваленко А.И.* Советская национальная государственность. Минск, 1983.
8. *Коржухина Т.П., Сенин А.С.* История Российской государственности. М.: Интерпракс, 1995.
9. *Кузнецов В.Б.* Политические принципы перестройки: вопросы и ответы. Кемерово, 1989.
10. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1980. Т. 36.
11. *Ратьковский И.С., Ходяков М.В.* История советской России. СПб.: Библиотека исторического факультета СПбГУ, 2001.

T.A. SHARSHEBAEVA

*Scientific Secretary, Center for Political Science
research and expertise NAS KR,
Bishkek, Kyrgyz Republic*

D.S. SARIEVA

*Department of "State, municipal
service and management", Bishkek States University
them. K.K. Karasayev, Bishkek, Kyrgyz Republic*

EVOLUTIONARY DEVELOPMENT OF PERSONNEL POLICY IN KYRGYZSTAN

The article presents an analysis of the evolution of personnel policy in Kyrgyzstan in the context of political science, which presents the theoretical positions and views of the authors who studied the specified scientific issues through the prism of Soviet scientific doctrine, and in a later period, since the

collapse of the USSR and the sovereignty of new states. During the analysis, it is noted that the construction of new social relations required the institutionalization of new, in essence and content, approaches to public service, the implementation of personnel policy. The aspect of updating the conceptual approaches to the process of reforming the civil service system in Kyrgyzstan at the present stage is also being updated.

Key words: *personnel policy, doctrine, concept, state, evolution, civil service, methodology, public administration, sovereignization, principles of organization, periodization.*

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА ТУРЕЦКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Конец холодной войны и исчезновение советской угрозы, долгое время определявшей политику стран Западного блока и их союзников, стало новым периодом для Турции как игрока на международной арене. С одной стороны, возможность извлечения выгоды из использования нового поля для маневра в изменяющейся международной системе, и необходимость предотвращения создания еще большей угрозы конфликта в сложившейся неопределенности – с другой, вынудило Турцию отказаться от старой модели внешнеполитического поведения.

Ключевые слова: *Турция, внешняя политика, Центральная Азия, Т. Озал, Р. Эрдоган, Партия справедливости и развития, концепция «ноль проблем с соседями», А. Давутоглу.*

Центральная Азия, которая не имела места во внешней политике Турции до начала 1990-х годов, стала играть центральную роль после заявления турецкой стороны о родстве с центральноазиатскими общинами. В годы холодной войны Центральная Азия рассматривалась турецкими политическими деятелями только в контексте политики СССР, проводимой в отношении проживающих там народов, связи с которыми у Анкары были минимальными. Однако уже в 1991 году дипломатический визит президента Озала в СССР включал посещение не только Москвы, но и Азербайджана, Казахстана и других союзных республик. Эти визиты показали растущий интерес к Турции в отношении будущих новых республик на бывшем советском Юге. 8 декабря 1991 года было создано Содружество Независимых Государств, и Турция стала первым государством, которое признало новые независимые тюркские республики.

Концептуальные основы внешнеполитических действий Турецкой республики в регионе были заложены в период правления Тургутта Озала (1989-1993). Необходимость формирования данной основы последовала

из серьезных изменений на международной арене. Турция должна была выстроить новую линию поведения сразу по двум направлениям своей внешней политики. Во-первых, необходимо было сохранить и по возможности нарастить сотрудничество с ее ближайшим союзником, – США – который стал во главе новой однополярной системы международных отношений. Во-вторых, образование новых государств вследствие распада СССР предоставляло Турции возможность укрепления позиций на международной арене. Так, используя общность исторических и культурных корней, Турецкая республика намеревалась распространить свое влияние на новообразованные Центральноеазиатские республики, перед которыми, в свою очередь встала необходимость определения национальных интересов и политических предпочтений. Немаловажным было и стремление Турции взять на себя с одной стороны, роль проводника США и Европейского Союза в регионе, а с другой – роль защитника молодых республик перед Западом.

Харизматическое руководство Озала было самым важным внутренним фактором, который повлиял на изменения внешней политики в Турции в 1980-х годах [6. Р. 122]. Идеология Озала была синтезом технологической вестернизации и культурного тюркизма и исламизма [1. С. 142]. Многие турецкие ученые называют эту идеологию «турецко-исламским синтезом» [6; 13. С. 42-47; 3. С. 41-47]. Согласно этой идеологии, только следуя исламу и турецкому национализму, Турция может надеяться на создание мощной позиции на международной арене. Одной частью его идеологии была османская и исламская культура, второй – экономический и политический либерализм [4. С. 73-82]. Он утверждал, что модернизация может быть достигнута только путем либерализации и использовал экономический либерализм для достижения политического плюрализма и наоборот. В своей книге «Турция в Европе и Европа в Турции» [12] Тургут Озал подчеркивая значение Турции как «первой страны с мусульманским населением, которая создала республиканский режим, национальное государство, основала светское общество», выражает уверенность, что следуя взятому курсу, «Турция скоро станет полностью развитой страной с потенциалом, порожденным ее культурным наследием, должным образом сохраненным и обновленным в соответствии с требованиями нашего времени». А в силу своего геополитического положения Турецкая республика, в свою очередь, «не может не повлиять на Ближний Восток, Балканы, Центральную Азию и Восточную Европу» [4. С. 73-82].

Три аспекта политического видения Тургута Озала оказали значительное влияние на внешнеполитические решения этого периода: столкновение с идеологией кемалистов, экономический приоритет в политике и прагматизм. Выступающая за сохранение статуса-кво во внешних делах официальная идеология кемализма была препятствием на пути нацеленного на изменения политического подхода Озала. По отношению к его курсу

на развитие отношений с бывшими советскими республиками, которые имеют этнические и религиозные связи с Турцией, употребляют термин «неопантюркизм», подчеркивая ренессанс идей классика пантюркизма в Турции – Зия Гекальпа [9. S. 169]. Озал сформировал этот курс в отношениях с новыми государствами вокруг трех основных принципов. Во-первых, видение этими государствами Турции как успешной модели либерализации и демократизации [11. P. 114]. Во-вторых, в отличие от пантюркизма, Тургут Озал подчеркивал важность культурного и экономического сотрудничества, а не политического объединения. В-третьих, Озал считал, что, развивая отношения с упомянутыми государствами, он должен действовать, не провоцируя Россию, которая стремится сохранить свое влияние в регионе, и Иран, который нацелен на создание своей зоны влияния в регионе. Изменение Озалом акцентов в турецкой внешней политике можно охарактеризовать его установкой на «отход от сложившейся политики, расчет рисков и поиск новых альтернатив и вариантов». Тургут Озал считал, что именно развитие торгово-экономических отношений между странами определяет уровень межгосударственных отношений и способствует разрешению политических разногласий [8. S. 57].

Эти взгляды нашли свое отражение в программе Партии Отечества, основателем которой еще в 1983 г. выступил Озал. В разделе «Внешняя политика» данной программы констатируется, что географическое положение и исторические связи Турции делают развитие сотрудничества с Ближним Востоком и другими исламскими странами естественным. Однако подчеркивается уверенность в первоочередности развития экономических отношений как части того вклада, который Турция, как мост между Западом и Ближним Востоком, может внести в установление мира в регионе и мире [7].

Интересно, что, несмотря на визит в СССР, предпринятый президентом Озалом в 1991 г., в ходе которого он совершил поездку не только в Москву, но и посетил союзные республики, в программе 49-го Правительства (21.11.1991-25.06.1993) не содержится отдельных положений о развитии отношений с республиками вне контекста отношений с СССР. В частности, в данном правительственном документе имеются следующие установки: «Наше правительство придает большое значение дружественным отношениям и сотрудничеству с Советским Союзом, который находится в процессе исторической реструктуризации. Мы искренне хотим завершить этот процесс в условиях демократии и мира. В развитии отношений с республиками этот подход будет основываться на базовом подходе. Тот же подход будет доминировать в наших отношениях с республиками на Кавказе и в республиках, с которыми у нас есть общие язык и культура» [5. С. 75-80]. Эти положения можно охарактеризовать как осуществление осторожных шагов по направлению формирования отдельного вектора внешней политики Турции в Центральной Азии.

Первое же упоминание о Центральной Азии как о самостоятельной субъекте можно увидеть в программе 50-го правительства Чиллера (25.06.1993-05.10.1995) [14]. Этот документ являет собой конвенциональный ответ Турецкой внешней политики на фундаментальные перемены, происходящие в международных отношениях того периода. В рамках темы данной работы интересны изменения в формулировках и установках, касающихся Центрально-Азиатского Региона. Впервые появляется обозначение такого региона как «Евразия», а именно, укрепление мира и сотрудничества в «треугольнике Европа-Евразия-Ближний Восток» объявляется одной из основных целей Турецкой республики. Далее, подчеркивая «важность политического и экономического сотрудничества и солидарности» с Россией, достигшими независимости соседними странами и другими государствами, новое правительство обозначает стремление развивать более близкое сотрудничество во всех областях со странами бывшего СССР. «В этом контексте мы будем уделять особое внимание укреплению наших связей с республиками Азербайджана и Центральной Азии, которые имеют общие языковые, религиозные и культурные связи» – говорится в программе правительства.

В последующих правительственных установках постоянно подчеркивается необходимость укрепления экономических и культурных связей с центральноазиатскими республиками, а также определяется место Турции как ключевого государства в процессе «евразизма» [17].

Примечательно, что в программе первого правительства Партии справедливости и развития, находящейся у власти в Турции с ноября 2002 года по настоящее время, Центральной Азии упоминается только как зона общих интересов Турции и России. «Будут поддерживаться добрососедские, основанные на сотрудничестве, не причиняющие ущерб взаимным интересам в культурно близких нам странах Центральной Азии и Кавказа отношения с РФ» – подчеркивается в документе [10]. Также этот регион упоминается уже как адресат «политики помощи» [15] наряду с Балканами, Ближним Востоком, Африкой. Однако в последующих программах развитие сотрудничества со странами региона характеризуется как одна из основных стратегических целей [16].

Таким образом, концептуально оформленное расширение сотрудничества с новыми независимыми государствами региона Центральной Азии было залогом повышения значимости Турции для западных партнеров, находящихся слишком далеко от региона, чтобы напрямую участвовать в процессах, развернувшихся на постсоветском пространстве. Не случайно США выступили главным спонсором предложения так называемой турецкой модели для региона. Светская модель, которая характеризуется демократическими традициями и приверженностью правилам свободного рынка, помогла бы укрепить западные ценности и, что наиболее важно, была

бы идеальным противоядием от потенциального распространения иранской модели и возвращения русской гегемонии. С этой точки зрения проецирование влияния Анкары на Центральную Азию помогло решить основную проблему, с которой столкнулись лица, принимающие решения в Турции в постбиполярной системе, то есть необходимость подтвердить позицию страны для евроатлантических партнеров и в то же время продвинуть собственные национальные и интересы в быстро меняющейся региональной среде.

Однако разочарование наступило быстро. Из-за отсутствия экономических средств для реализации своей политики, а также конкретной поддержки Запада, выходящей за рамки деклараций о намерениях, Турции пришлось изменить риторику и скорректировать свои цели. Анкара столкнулась с суровой и в значительной степени неожиданной реальностью, которая сложилась с одной стороны, в результате отказа от роли «старшего брата» для новых независимых государств Центральной Азии, с которыми она стремилась взаимодействовать, а с другой – с очевидной невозможностью соперничать в регионе с Россией, как в экономическом, так и в стратегическом плане [4. С. 73-82].

За принятием этой реальности последовало занятие более прагматичной внешнеполитической позиции, которая со второй половины 90-х годов вдохновляла центральноазиатскую политику Анкары. Основной опорой этого этапа проведения внешней политики в Центральной Азии стала разработка всеобъемлющей региональной политики в сфере безопасности и энергетики. Необходимость переосмысления политики в Центральной Азии была лишь частью более широкого пересмотра стратегического положения Турции в условиях, сложившихся после окончания холодной войны – процесс, который начался на рубеже веков и завершился с приходом Партии Справедливости и Развития в конце 2002 г. Концепция «ноль проблем с соседями» идеолога внешней политики Турции А. Давутоглу, соединила экономический прагматизм Озала с новой тенденцией – увеличение роли «мягкой силы» как инструмента осуществления внешнеполитического курса [5. С. 75-80]. Несмотря на то, что данная концепция не пережила своего создателя, ее региональные аспекты не утратили свою значимость [2]. Анкара, используя свое стратегическое положение, исторические особенности и роль регионального столпа в сотрудничестве НАТО с новыми республиками Центральной Азии, сумела выстроить такую внешнюю политику, которая позволила воспользоваться новой расстановкой сил в регионе. Цели и задачи, установленные в период правления Т. Озала стали концептуальной основой сотрудничества Турции с республиками Центральной Азии и нашли свое продолжение во внешней политике, осуществляемой Партией Справедливости и Развития под руководством Р. Эрдогана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Барбарош Н.С.* Фактор неоосманизма во внешней политике Турецкой республики // Международный конкурс студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. 2017 / под ред. В.А. Аваткова. М., 2017.
2. *Стародубцев И.И.* Турецкая мягкая сила и Центральная Азия. Институт Ближнего Востока. 15.06.2016 // <http://www.iimes.ru/?p=28700&print=1>.
3. *Шангараев Р.Н.* Идеология как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Турции // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 6 (34).
4. *Шангараев Р.Н.* Идеологические аспекты внешней политики Турции // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2017. № 11 (334).
5. *Шангараев Р.Н.* «Демократический исламизм» партии справедливости и развития и его влияние на внешнюю политику Турции // Дипломатическая служба. 2017. № 6.
6. *Aatman N.* Leadership change: Özal leadership and restructuring in Turkish foreign policy // Alternatives. 2002. Vol. 1. № 1 // <http://alternatives.yalova.edu.tr/article/view/5000159252/5000143560>.
7. Anavatan Partisi programı 6 Kasım 1983. 02.10.2014 // <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/handle/11543/609?show=full>.
8. *Ekrem Yaşar Akçay.* Turgut Özal Dönemi Türkiye-Topluluk İlişkileri // The Turkish Yearbook of International Relations. 2016. Vol. 47 // <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/44/2256/23471.pdf>.
9. *Gökalp Ziya.* Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Varlık Yayınevi, 1968 // https://www.otuken.com.tr/u/otuken/docs/turkculugun_esaslari.pdf.
10. Gül Hükümeti Programı (18.11.2002 – 14.03.2003).
11. *Hovsepyan Levon.* The Turkish model and Turkey's Central Asian policies conditioned by Western strategic interests // Central Asia and the Caucasus. 2009. № 2 (56) // <https://cyberleninka.ru/article/n/the-turkish-model-and-turkeys-central-asian-policies-conditioned-by-western-strategic-interests>.
12. *Özal T.* Turkey in Europe & Europe in Turkey. K. Rustem & Brother, 1991.
13. *Shangaraev R.N.* Ideology as a Soft Power Tool in Turkish Foreign Policy // Political Science Issues. 2018. Т. 8. № 1 (29).
14. I. Çiller Hükümeti Programı (25.06.1993 – 05.10.1995).
15. II. Erdoğan Hükümeti Programı (29.08.2007 – 06.07.2011).
16. III. Erdoğan Hükümeti Programı (06.07.2011 – 29.08.2014).
17. IV. Ecevit Hükümeti Programı (11.01.1999 – 28.05.1999).
18. VII. Demirel Hükümeti Programı (21.11.1991 – 25.06.1993).

R.N. SHANGARAEV

*Ph.D, associate professor, Department
of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia Federation, Moscow, Russia*

FORMATION OF CONCEPTUAL APPROACH OF TURKISH FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA

The end of the Cold War and the disappearance of the Soviet threat, which for a long time determined the policy of the countries of the Western bloc and their allies, became a new period for Turkey as a player in the international arena. On the one hand, the possibility of capitalizing on the use of a new field for maneuver in the changing international system, and the need to prevent the creation of an even greater threat of conflict in the current uncertainty, on the other, forced Turkey to abandon the old model of foreign policy behavior.

Key words: *Turkey, foreign policy, Central Asia, T. Ozal, R. Erdogan, Justice and Development Party, Concept of “zero problems with neighbors”, A. Davutoglu.*

кандидат политических наук, преподаватель,
ассистент кафедры международных отношений
на постсоветском пространстве факультета международных
отношений Санкт-Петербургского Государственного
университета, Россия, г. Санкт-Петербург

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

В центре данной научной работы находится чрезвычайно важное для современной системы международных отношений понятие взаимозависимости, сквозь призму которого автор пытается определить основные составляющие внешней политики современных Турции и России, в основе которой лежит доктрина «стратегической глубины», а также продемонстрировать отражение и проявление такого видения в отношениях между этими государствами. Основная цель данной статьи – исследовать современные российско-турецкие отношения сквозь призму теории мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна, в особенности подчеркивая общую концептуальную переориентацию отношений России и Турции на современном этапе. В статье впервые представлен исторический обзор ключевых аспектов российско-турецких отношений после окончания «холодной войны» с использованием описательных, аналитических, индуктивных, дедуктивных и сравнительных методов, а также определено современное видение внешней политики этими государствами на основе представления об основных принципах доктрины «геостратегической глубины». Также в статье анализируются основные параметры политических, экономических, культурно-образовательных и религиозных составляющих турецко-российских отношений и, в частности, влияние ислама на измерение отношений России и Турции – как на постсоветском пространстве, так и в регионе Ближнего Востока. В результате в настоящей статье дается представление о внешней политике двух государств в начале XXI века как отражающей экономические тенденции взаимоотношений Турции и России, и подчеркивается степень влияния факторов геополитического и социокультурного характера на отношения между двумя странами. При этом автор особо отмечает, что отношения России и Турции на современном этапе развиваются в условиях присутствия в международных отношениях тенденций, с одной стороны, взаимозависимости, а, с другой стороны, вза-

имных конкуренции и соперничества, а также повышенной политической роли исламского фактора как определяющем ориентире развития политических процессов на Ближнем Востоке в настоящее время.

Ключевые слова: *Россия, Турция, ислам, русский мир, пантюркизм, геокультура, Ближний Восток, геостратегия.*

Концепция взаимозависимости приобрела популярность по окончании «холодной вофны» в связи с представлением о том, что мировая экономика будет двигаться новым путем. Отношения между суверенными государствами стали более взаимозависимыми, и такая взаимозависимость имеет не только экономическую основу. Понятия безопасности, международного порядка, тенденции регионализации и глобализация сформировали соотношения сил в мировой политике, а также саму международную систему. На протяжении всей «холодной войны» международная система строилась таким образом, чтобы обеспечить зоны влияния двух великих держав и их безопасность, где экономическая зависимость и взаимозависимость были подчинены вопросам безопасности. Однако по окончании «холодной войны» между двумя сторонами началась новая эра сотрудничества и партнерства. Соответственно, на протяжении всей «холодной войны» российско-турецкие (точнее – советско-турецкие) отношения, в основном, определялись безопасностью Европы, НАТО и взаимным восприятием угроз. Однако крупных конфликтов удавалось избегать, а уже после «холодной войны» возобладала точка зрения, что является возможным достижение состояния интегрированности мировой экономики. Этот период, таким образом, стал отмечен полным идеологическим доминированием либерального мира по западному образцу и т.н. «концом истории» (или «концом идеологий»).

Различные пути развития, на которые встали в новейший период Запад и Россия, привели к использованию ими на практике разных способов утверждения идентичности. И Турция, и Россия стараются более активно и решительно развивать внешнюю политику, особенно в соседних с ними регионах. Учет подобного сдвига во внешней политике Турции и России необходим для понимания их видения глобальных проблем и, соответственно, недавних антизападных настроений в среде «незападных» держав.

Вот почему систематическое сравнение российско-турецких отношений может выявить внешнеполитические стремления России и Турции стать региональными и глобальными игроками. Стремление к признанию в качестве региональных держав доминирует во внешнеполитических кругах России и Турции. Это соответствует трансформации констант, приоритетов и переменных во внешней политике двух стран.

Через призму евроцентричного атлантического сотрудничества можно увидеть, что понятие «мир одного хозяина, одного суверена» все чаще под-

вергается сомнению. Эти вызовы находят свое отражение и в определенных концепциях и подходах во внешней политике. Один из них – взаимозависимость; другой – баланс в международной системе. Поскольку и Турция, и Россия проходили модернизацию по пути «сверху вниз», их народы на собственном опыте убедились, что периоды модернизации могут приводить к столкновениям с внешним миром. Подобные столкновения всегда, так или иначе, связаны с властными отношениями, однако политическая культура здесь также в значительной степени определяет способы и пути общественного развития государств в международной системе; т.е. власть здесь – всего лишь переменная, тогда как концепция ирредентизма способна во многом объяснить понимание ими желаемой для них структуры международного порядка.

В этой связи крайне важно отметить, что современные Россия и Турция рассматривают международные отношения через призму своей внутренней политики, и наоборот [10. Р. 11]. Внутренняя политика осуществляется во многом путем усиления общественной поддержки через повышение международного престижа государства. Российское вторжение в Сирию, а также турецкое вмешательство в дела этого государства строго связаны с внутривластной поддержкой соответствующих правительств со стороны населения: как «эрдоганизм», так и «путинизм» строят свою внутреннюю политику на базе международных и глобальных устремлений. Однако у этого стремления к изменению иерархии международного порядка, так или иначе, существуют свои пределы.

В этой связи парадигма социального конструктивизма постулирует, что правители являются лишь второстепенными фигурами, подчиненными гораздо более сильным силам коллективной идентичности своей нации. Однако в случае с турецкой и российской внешней политикой кажется, что культ личности лидеров опираются не только на коллективные идентичности через волны популизма, национализма и антизападных настроений, но и на вызовы, исходящие от внешних факторов.

В этой связи ученые с Запада, как аналитики политического развития, так и политические философы, отмечают выдающееся сходство российской внешней политики с турецким внешнеполитическим подходом и поведением. Здесь поведенческий образец внешней политики отражает общий аспект обеих внешнеполитических моделей поведения: демонстрацию внутренней идентичности внешней аудитории.

Кроме того, современный «призрак популизма» в Европе – это, пожалуй, возможность для России и Турции таким образом углубиться в критику европейского и американского «демократического дефицита», чтобы вывести их на поверхность, сделав еще более явными. Подобные действия вполне бы могли характеризоваться в качестве контрпропаганда против западной гегемонии в средствах массовой информации. Обе страны также повторя-

ют свои уникальные религиозные миссии и культуры: русскую православную и турецко-исламскую цивилизацию соответственно. В данном контексте понятия «русского мира» и турецкого исламского мира перекликаются со славой прошлых империй и вызывает чувство ностальгии.

Концепция взаимозависимости в Российско-Турецких отношениях: Соседство, Конкуренция, Сотрудничество. Если рассматривать российско-турецкие отношения сквозь призму взглядов Иммануила Валлерстайна и его теории мир-системного анализа, то можно прийти к выводу, что российско-турецкие отношения развиваются в рамках полупериферии. Они сочетают в себе как качества центра (общий уровень жизни граждан), так и качества периферии (например, зависимость экономики от экспорта энергоресурсов, невысокая производительность). Полупериферийные государства занимают промежуточное положение между центром и периферией. Как и периферия, полупериферия зависит от Центра (Ядро), в особенности от его высоких технологий, однако при этом сама имеет производство и эффективно выстраивает экономические отношения с периферией, которая становится дополнительным рынком сбыта для менее технологически оснащенной продукции. В отличие от периферии полупериферия в состоянии отстаивать свои интересы, но сами ее интересы обусловлены ее положением в мир-системе и тем, насколько данные интересы совпадают с интересами стран Ядра. Роль полупериферии противоречива: с одной стороны, она может служить в качестве агента стабилизатора, а с другой – агента изменений в системе. Одновременно с этим полупериферия может выстраивать гибкие отношения внутри самой системы. Здесь важно отметить существенную разницу между Турцией и Россией в этой связи. В отличие от Турции Россия ведет независимую от Центра (или Ядра по Валлерстайну) политику. Турция же связана обязательствами с Центром не только в финансово-экономическом плане, но и в политико-дипломатическом, что ведет к дополнительной нагрузке на двусторонние взаимоотношения между Турцией и Россией. Многие исследователи отмечают схожесть Турции и России в ходе исторического развития: борьба двух трансконтинентальных империй, схожесть экономических и политических моделей, технологического развития. Действительно, оба государства имеют много схожих особенностей, что, с одной стороны, становится фактором сближения и «взаимопонимания» двух государств, но, с другой стороны, – фактором определенного рода столкновения двух «имперских» государств. Как Россия, так и Турция не скрывают свои имперские амбиции и в государственных идеологиях ссылаются на подобные идеологии «государственного» характера (евразийство в случае с Россией, неоосманнизм в случае с Турцией). Как представляется, в данном контексте крайне важной для анализа двусторонних российско-турецких отношений, а, в еще большей мере, и отношений России и Турции со «внешним миром», могла бы стать концепция *геокультуры*, особая роль

в утверждении которой уделяется фактору идеологии. Геокультура может быть определена как процесс и результат, с одной стороны, развития в конкретной культуре собственно географических образов, с другой – «накопления» и формирования культуры осмысления этих образов [4]. Иначе говоря, геокультура – это способ организации общества на основе культуры; при этом она зародилась не сама по себе, а была создана вследствие разворачивания исторических процессов. Согласно Валлерстайну, современная мир-система зародилась в XVI в., однако функционировала в течение нескольких столетий без сопутствующей системы ценностей. Отправной точкой формирования геокультуры стала Великая французская революция – именно с этого времени основываются три идеологические партии: консерваторы, либералы, социалисты. Общество встало на путь поиска системы ценностей, которая бы наилучшим образом смогла организовать общество. Валлерстайн пишет, что принятие 26 августа 1789 г. французским Национальным собранием Декларации прав человека и гражданина фактически привело к появлению двух ключевых понятий, легших в основу современной геокультуры – права человека и права народов [3]. Валлерстайн отмечает, что слову «культура» он не дает новое определение, а использует определение антропологов. Например, что культуру можно описать «как систему ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями и наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убеждать членов общества в его легитимности» [3]. В этом плане можно констатировать, что и Россия, и Турция пытаются утвердить свою идеологию для обоснования своей геокультуры; именно здесь у России и Турции наблюдается больше всего противоречий.

Несмотря на возможность плодотворного сотрудничества, у России и Турции можно отметить ряд подобных противоречий. Многие исследователи турецкой внешней политики склоняются к мысли, что во внешнеполитической стратегии Турция руководствуется идеями «пантюркизма» и «пантуранизма». Обе идеи противоречат российским региональным интересам. Дело в том, что после распада СССР Россия в своих внешнеполитических доктринах провозгласила «ближнее зарубежье» зоной особых интересов. Здесь важно отметить, что ни одно из тюркоязычных государств не имеет выход к морю. Это стало одним из главных экономических факторов, которым попыталась воспользоваться Турция для реализации политических целей. С помощью западных партнеров Турция начала активный процесс имплементации мягкой силы в тюркоязычном регионе. Более того, турецкие организации, основываясь на специфичности такого явления, как «мягкая сила», начали свою деятельность внутри России (как известно, в России существует большое количество тюркоязычных народов). Однако на начальном этапе Турция в этой связи столкнулась с рядом проблем «идеологического характера»: как оказалось, бывшие тюркоязычные советские

республики в культурно-историческом плане ближе к России, чем к тюркоязычной Турции. Таким образом, одна из проблем в современных российско-турецких отношениях имеет идеологическое измерение. Тем не менее, Турции удалось добиться некоторых успехов в российском «ближнем зарубежье». Так, турецкой дипломатии удалось установить дружественные отношения с Украиной, Грузией и Азербайджаном, хотя степень их сотрудничества с Турцией во многом определяется степенью напряженности в отношениях этих бывших советских республик с Россией. Но, все же, в регионе «ближнего зарубежья» Турция и Россия воспринимаются соперниками – причем для Турции это наступательная политика, а для России – оборонительная.

В целом распад биполярной системы международных отношений вызвал кризис в рядах политической элиты Турции. Турецкие лидеры опасались снижения роли Турции для западных партнеров, вслед за чем внешнеполитическое ведомство стало активно разрабатывать внешнеполитические концепции. Но, как оказалось, для западных партнеров Турция не потеряла свои позиции, а даже усилила их. Как уже отмечалось, Турция при активной поддержке Запада активизировалась в странах бывшего СССР. В целом в период первого десятилетия после распада биполярной системы международных отношений в российско-турецких отношениях не наблюдалось конфронтации: оба государства были заняты развитием собственного экономического потенциала. С приходом Партии справедливости и развития (далее – ПСР) к власти в 2001 г. внешнеполитическая стратегия Турецкой республики приобрела новые черты. Многие исследователи связывают улучшение двусторонних отношений именно с приходом к власти ПСР. Дело в том, что внешнеполитическое ведомство Турции возглавил видный политический деятель – Ахмет Давутоглу. Придя к власти, Давутоглу начал претворение в жизнь концепции «стратегическая глубина». Еще в бытность преподавателем университета, Ахмет Давутоглу в 2001 г. опубликовал знаменитую книгу «Стратегическая глубина: международное положение Турции» [9], где изложил будущую стратегию Турции по достижению статуса мировой державы. В период, когда Давутоглу возглавлял министерство иностранных дел, Турция придерживалась внешнеполитической концепции «ноль проблем с соседями». Данная концепция также легла в основу «новых» российско-турецких отношений. Несмотря на то, что основная идея концепции заключалась в установлении долгосрочных партнерских отношений со странами ближневосточного региона, в целом под эгидой концепции произошло существенное экономическое сближение России и Турции. Сторонником сближения российско-турецких отношений в России принято считать бывшего председателя правительства В. Черномырдина.

С 2009 г. начинается новый этап в сотрудничестве России и Турции в сфере атомной энергетики. В ходе рабочего визита премьер-министр

В.В. Путина в Турция, был подписан соответствующий договор [5]. Тогда встреча В.В. Путина и Р. Эрдогана широко освещалась в СМИ, и многие политологи назвали ее «исторической». Тогда министр энергетики и природных ресурсов Турции Танер Йылдыз высоко оценил проект и отметил, что данный проект является одним из крупнейших проектов для Турции. Обе страны также пришли к соглашению об установлении безвизового режима.

Однако после 2010 г. отношения между двумя странами переходят на новый этап – от сотрудничества к противостоянию. Негативно на российско-турецкие отношения начинают влиять события на Ближнем Востоке. До событий «арабской весны» российский и турецкий подходы к ключевым ближневосточным проблемам совпадали: арабо-израильский конфликт, иранская ядерная программа, исламский фундаментализм, иракский кризис. Однако события в Сирии внесли кризис в российско-турецкие отношения. Отношение к сирийскому кризису у обоих государств оказалось принципиально разное – Турция выступила за немедленную отставку Башара Асада, а Россия начала активную поддержку правительственному режиму. Ситуация усугубилась после того, как российские и турецкие военные оказались в Сирии, и появилась прямая угроза столкновению. Кардинально же меняются отношения после того, как турецкие военные сбили российский самолет СУ-24 в ноябре 2015 г. Бывший на тот момент премьер-министром Турции Ахмед Давутоглу охарактеризовал кризис в российско-турецких отношениях как нежелание России учитывать региональные интересы Турции.

После кризиса наступил этап потепления в отношениях. Дело в том, что в политической науке принято считать, что острые политические кризисы сменяются оттепелью (Карибский кризис и дальнейшая оттепель в отношениях США и СССР). Примером успешного сотрудничества в сирийском кризисе принято считать Астанинский формат (Россия, Турция, Иран). Хотя многие политологи отмечают, что данный формат лишь дополняет «женевский», однако очевиден факт влияния обновленного формата на интенсификацию российско-турецких переговоров. В таком формате российско-турецкие отношения выглядят менее напряженными, хотя риски их эскалации не исчезают.

Российско-турецкие отношения развиваются не только в контексте ближневосточных процессов, но и в контексте процессов, происходящих в Кавказском регионе. Турция признает за Россией статус главного регионального игрока, по крайней мере до 2020 г. К такому мнению склоняется и Стивен Ларраби. Так, Ларраби утверждает, что в период нормализации армяно-турецких отношений Турция, по-видимому, надеялась, что Россия повлияет на Армению, и что последняя сделает уступки в нагорно-карабахском конфликте [11. Р. 109]. После начала активизации боевых действий в Нагорном Карабахе в сентябре 2020 г. Турция заняла однозначную пози-

цию и оказала всеобъемлющую помощь Азербайджану. Уже не раз турецкий лидер выдвигает такой тезис в турецко-азербайджанских отношениях, как «один народ – два государства». Турция, которая традиционно не имела существенного влияния на Нагорно-Карабахский конфликт, стала активным актором в регионе, в результате чего Россия уже не в состоянии единолично решать вопросы на постсоветском пространстве. Естественно, такой расклад сил в регионе может быть охарактеризован для России как «игра с отрицательной суммой»: появление нового игрока в регионе традиционных интересов России подрывает ее единоличное влияние там.

Помимо сирийского кризиса в российско-турецких отношениях камнем преткновения становится и украинский кризис. В свое время турецкий премьер-министр Давутоглу раскритиковал предложение России о федерализации Украины, заявив, что в интересах Турции было бы решение всех политических проблем дипломатическими методами, основанными на принципах международного права, так как Турция находится в непосредственной близости от Украины и России [6]. В целом активизация Турции на восточных границах России является новым феноменом. Если Турция была заинтересована в Кавказском и Среднеазиатском регионе сразу после распада СССР, то Украина становится новым регионом для Турции. Однако здесь невозможно сказать, что у Турции и России возможно будет наблюдаться конфронтация в будущем: Россия – активный участник украинского кризиса, а у Турции в этом вопросе, в отличие от других региональных стратегий, маленькое пространство для маневра. Поэтому степень выстраивания турецко-украинских отношений во многом зависит от степени враждебности последней по отношению к России.

Перспективы развития российско-турецких отношений во много определяются экономическими интересами обеих государств. Россия для Турции, в первую очередь, поставщик энергоресурсов. Для России Турция – перспективный транспортный коридор. Именно поэтому энергетическая сфера является самой перспективной в двусторонних отношениях, т.к. оба государства могут получать взаимовыгодные дивиденды от сотрудничества. Так, существенно вырос товарооборот: согласно материалам Федеральной таможенной службы (ФТС) России товарооборот Турции с РФ в первом полугодии вырос на 27,5% [7]. Однако успешные экономические и энергетические отношения неспособны свести на нет политические противоречия.

В целом отношения Турции с Россией напоминают ирано-турецкие отношения. Несмотря на глубинные политические проблемы, обе стороны плодотворно сотрудничают в экономической сфере, что помогает минимизировать огромную политическую конфронтацию.

После введения экономических санкций против России Турция не присоединилась к ним. Турция успешно использовала сирийский опыт: тогда, в период жестких европейских санкций в отношении Сирии, она наладила

отношения с последней, и смогла реализовать несколько успешных экономических проектов (турецкий бизнес успешно освоил вакуум сирийского рынка, который образовался в силу экономических санкций). В случае с Россией, Турции удалось заполнить определенный вакуум европейских товаров. Хотя в экономическом плане Турция избегает делать прямые иностранные инвестиции, но при этом турецкие корпорации осуществляют инвестиции в определенные отрасли.

Один из ведущих специалистов британского аналитического центра Chatham House Кристофер Филипс отмечает в качестве «мягкой силы» и инструмента культурной экспансии также турецкие сериалы, которые обрели широкую популярность на арабском востоке [8. Р. 38]. В России также турецкие сериалы приобрели огромную популярность, что привело к росту интереса к турецкой культуре и языку в российском обществе.

Парламентские выборы 2015 г. кардинально изменили внутривнутриполитическую обстановку в Турции. Впервые за историю страны в парламент попали сразу 4 партии: Партия справедливости и развития, Народно-республиканская партия, Партия националистического движения и Демократическая партия народов. ПСР, которая до этого уверенно лидировала, на выборах 2018 г. не смогла набрать большинство голосов, и попала в парламент с 40,87% голосов. Потеря голосов ПСР связана с несколькими факторами. Во-первых, после конфликта Эрдогана с лидером движения «Хизмет» Гюленом ПСР потерял электорат «Хизмета», который до этого выступал за ПСР. Во-вторых, появилось все больше граждан, недовольных столь сильной исламизацией общества и втягиванием Турции в региональные конфликты, в результате которых в Турции поселились более двух миллионов беженцев. Тем не менее, расстановка сил в парламенте говорит о том, что в ближайшее время политическая обстановка внутри Турции будет накаленной, т.к. все парламентские партии находятся в резкой оппозиции друг к другу. Расклад сил в парламенте несколько свяжет руки Эрдогану в наиболее опасных для дипломатии регионов.

Если в первое десятилетие правления ПСР главной идеологемой партии было устойчивое экономическое развитие, то уже после 2011 г. все чаще в риторике лидеров появляются ссылки на «общечеловеческие ценности». Стоит отметить, что подобная риторика стала уникальной для ближневосточного региона, так как ни одно региональное государство ранее не ставило во главе развития государства «общечеловеческие ценности». О таком подходе заявлял и Эрдоган в своей речи во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН, утверждая, что во время решения конфликтов на Ближнем Востоке «турецкая дипломатия ориентируется не на расовые и религиозные ценности и национальные интересы, а руководствуется только общечеловеческими ценностями» [1. С. 6]. Впервые за свою историю Турция стала активным сторонником борьбы против голода во всем мире и выступила

с поддержкой ряд инициатив ООН. Так, Эрдоган запустил гуманитарную кампанию по борьбе с голодом в Восточной Африке «Стань надеждой человечества» (İnsanlığın #UmuDuOl) [2. С. 57].

В качестве итога можно сделать вывод о том, что между обоими государствами на сегодняшний момент уже сформирована своеобразная структура «взаимозависимости отношений», которая редко встречается в международных отношениях, и которую бы мы могли назвать «сотрудничеством в условиях конфликтов и конкуренции». Основной характерной чертой этой модели является то, что обе стороны способны находить относительно выгодное для себя пространство во взаимоотношениях друг с другом при наличии взаимных разногласий. Масштабы, какие могут обрести общие интересы России и Турции, в том числе и критическая потребность в сотрудничестве, создающая условия для наличия взаимодействия, позволяют обоим государствам благоразумно справляться с существующими между ними противоречиями.

При этом нестабильные в последнее время отношения между Турцией и Западом могут увеличить роль и значимость России во внешней политике Турецкой республики. В данном случае невозможно игнорировать тот фактор, что в балансе, на котором основываются отношения между обоими государствами, Россия имеет сильные карты для того, чтобы торговаться с Турцией, и, соответственно, вероятность того, что она ими воспользуется.

Однако открытым вопросом остается то, насколько может быть в уравновешено сближение, происходящее в отношениях Турции с Россией, альтернативным развитием отношений между Турцией и Западом в ближайшем будущем.

***Область применения результатов.** Результаты, полученные при написании данной статьи, могут найти применение как в области анализа актуальных вопросов современных взаимоотношений Турции и России, так и в области прогнозирования долгосрочных тенденций эволюции внешнеполитических доктрин двух государств.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аватков В., Борчалинский М., Кочкин М., Хрусталева В.* Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010-2015 гг.). М.: Паблис, 2015.

2. *Алиева А.* Специфика современных подходов Турецкой Республики по оказанию помощи зарубежным государствам // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 1.

3. «Геокультурный подход западной школы: Иммануил Валлерстайн, Самюэль Хантингтон, Питирим Сорокин» // <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/geokulturniy-podhod-zapadnoy-shkolyi-immanuil-22139.html>.

4. *Замятин Д.* Геокультура: образ и его интерпретации // Вестник Евразии. 2002. № 2.

5. Россия будет строить АЭС в Турции // http://ria.ru/trend/atomic_power_station_turkey_06082009/.

6. Турция не признала крымский референдум. 18.03.2014 // <http://mk-turkey.ru/politics/2014/03/18/turciya-ne-priznala-krymskij-referendum.html>.

7. Товарооборот Турции с РФ в I полугодии вырос 27,5%. 04.08.2017 // <http://mk-turkey.ru/economics/2017/08/04/tovarooborot-turcii-s-rf.html>.

8. *Christopher Phillips.* Turkey's global strategy: Turkey and Syria, The London School of Economics and Political Science. London, May 2012.

9. *Davutoglu A.* Stratejik Derinlik/Türkiye'nin Uluslararası Konumu. The Strategic Depth: The Turkish International Location. Istanbul: Küre Yayinlari, 2001.

10. *Nalbandov Robert.* Not by bread alone: Russian foreign policy under Putin.

11. *Stephen Larrabee.* "Turkey's Eurasian Agenda" // The Washington Quarterly. Winter 2011.

URPER MEHMET

*Candidate of Political Sciences, Lecturer,
Assistant at the Chair of International relations
in the post-soviet space, Faculty of International Relations,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

PERSPECTIVES FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

At the center of this scientific work is the concept of interdependence, extremely important for the modern system of international relations, through the prism of which the author tries to determine the main components of the foreign policy of modern Turkey and Russia, based on the doctrine of "strategic depth." The author also tries to demonstrate the reflection and manifestation of such vision in the relations between the two countries. The main purpose of this article is to explore modern Russian-Turkish relations through the prism of Immanuel Wallerstein's theory of world-system analysis, especially emphasizing the general conceptual reorientation of relations between Russia and Turkey at the present stage. For the first time, the article presents a historical overview of the key aspects of Russian-Turkish relations after the end of the Cold War using descriptive, analytical, inductive, deductive and comparative methods, it also defines the current vision of foreign policy by these countries proceeding from the basic principles of the "geostrategic depth" doctrine. The article also analyzes the

main parameters of the political, economic, cultural, educational and religious components of Turkish-Russian relations and, in particular, the influence of Islam on the dimension of relations between Russia and Turkey, both in the post-Soviet space and in the Middle East region. As a result, this article presents the foreign policy of the two states at the beginning of the XXI century as reflecting the economic trends in the relations between Turkey and Russia, and emphasizes the degree of influence of geopolitical and socio-cultural factors on the relations between the two countries. The author specially stresses that relations between Russia and Turkey at the present stage develop in the presence in the international relations such trends as, on the one hand, interdependence, and, on the other hand, mutual competition and rivalry as well as an increased political role of the Islamic factor as a defining landmark in the current development of political processes in the Middle East.

Key words: *Russia, Turkey, Islam, Russian world, pan-Turkism, geoculture, Middle East, geo-strategy.*

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Данная статья посвящена современным тенденциям развития национальной системы образования республики Узбекистан в эпоху глобализации. Рассматривается процесс реформирования системы образования в Узбекистане. Автором предпринята попытка обобщения наиболее важных и заслуживающих внимания подходов к модернизации образовательной политики.

Ключевые слова: модернизация, развития, национальная система, образования.

В Республике Узбекистан за годы Независимости осуществлены коренные структурные и содержательные реформы, затронувшие все уровни и компоненты системы образования, которые были нацелены на обеспечение ее соответствия долгосрочным задачам и интересам страны, требованиям времени, а также мировым стандартам.

В эпоху глобальных изменений потребность в образовании растет. Потому что темп изменения жизни ускоряется. Это, с одной стороны, создаст общности и удобства в сферах жизни разных народов, а с другой – расширит информационное пространство. Вообще, в эпоху глобализации важно, чтобы образовательный процесс отвечал требованиям времени и не отставал. Это крайне важно для реализации задач построения демократического общества в нашей стране. Если достижения в области образования являются ключом к развитию, то уникальность области образования гарантирует развитие Узбекистана на пути независимого развития.

Различные идеи, взгляды и технологии, которые продвигают разные цели и интересы, стремятся эффективно увеличивать свою «привлекательность», чтобы влиять на общественное сознание и мышление. Вместо «советской» модели образования новые инновации в сфере образования, внедрение информационно-коммуникационных систем, внедрение педагогических технологий. Уделяется внимание внедрению на уровне публичная

политика. Его достижения признаны во всем мире. Например, Узбекистан о внедрении инноваций в образовании.

Необходимо обратить внимание и на то, что современный этап социально-экономического развития Республики Узбекистан связан с осуществлением процессов глубокого реформирования политической, экономической жизни, социальной сферы общества. В республике на современном этапе формируются общественные отношения, базирующиеся на рыночной экономике. Собственная узбекская модель перехода к рыночным отношениям основана на учете специфических условий и особенностей республики: традиций, обычаев, уклада жизни.

Создана соответствующая правовая база реформирования данной сферы, определившая в качестве приоритета рост инвестиций и вложений в человеческий капитал, подготовку образованного и интеллектуально развитого поколения, являющегося важнейшей ценностью и решающей силой в достижении целей демократического развития, модернизации и обновления, стабильного и устойчивого роста экономики.

Об этом свидетельствует, например, то, что Республика Узбекистан занимает второе место по инновационности в образовании. За годы независимости были приняты Закон «Об образовании», «Национальная программа по подготовке кадров», разработана национальная модель обучения, основанная на новом мировоззрении, разнообразии идей и идеологий. Важную роль в сфере образования играет подготовка нового поколения людей с независимым и творческим мышлением. Среди задач, которые необходимо рассмотреть в этой связи, можно выделить следующие. Во-первых, радикальная реформа и модернизация образования играют важную роль в выполнении задач демократического общества в нашей стране.

Во-вторых, в эпоху глобализации изменятся основные задачи учителя в педагогическом процессе. К его управленческой деятельности предъявляются новые требования.

Управление включает направление, назначение, изучение, помощь и поддержку, а также совет, руководство, наблюдение, требование. В образовании важно опираться на национальные и духовные ценности мудрых и внимательных людей нашего народа.

В-третьих, в изменениях в образовательном процессе важную роль играют молодые люди. Они включают в себя возможность поиска, самостоятельного поиска информации, сбора информации и ее использования [10].

Вообще, в эпоху глобализации важно, чтобы образовательный процесс отвечал требованиям времени и не отставал. Это очень важно для выполнения задач построения демократического общества в нашей стране. Если достижения в области образования являются ключом к развитию, то уникальность области образования гарантирует, что Узбекистан будет развиваться по пути независимого развития. Одна из самых широких сфер человеческой

деятельности в современном обществе – образование. За последние годы социальная роль образования возросла, и во многих частях мира изменилось отношение ко всем формам образования.

Глава нашего государства Ш. Мирзиёев в своей книге «Критический анализ, строгая дисциплина и личная ответственность – у каждого лидера должен быть свой ежедневный регламент деятельности» критически проанализировал положение дел в области внедрения новых, современных методов образования, в том числе информационно-коммуникационные технологии, ориентировано на выполнение ряда задач.

Одна из самых широких сфер человеческой деятельности в современном обществе – образование. В последние годы социальная роль образования повысилась, и отношение ко всем видам образования изменилось в большинстве стран мира. Образование рассматривается как ключевой фактор социально-экономического развития. Причина такого внимания в том, что самая главная ценность и главный капитал современного общества – это человек, способный искать, приобретать новые знания и принимать нестандартные решения.

Таким образом, образование играет решающую роль в развитии личности и общества в современную эпоху.

Образование рассматривается как ключевой фактор социально-экономического развития. Причина такого внимания в том, что самая главная ценность и главный актив современного общества – это человек, который умеет искать, приобретать новые знания и принимать нестандартные решения. Поэтому сегодня образование играет решающую роль в развитии личности и общества.

В условиях растущей глобализации и жесткой конкуренции в мировой экономике человеку необходимо получать образование на протяжении всей жизни, а не обучение на протяжении всей жизни в предыдущий период.

Согласно некоторым источникам, некоторые из самых ранних представлений о непрерывности образования были опровергнуты некоторыми западными учеными, даже в религиозно-философских представлениях Сократа, Платона, Аристотеля и Сенеки о постоянном духовном совершенствовании человека и из его научных работ и подобных идей мы можем найти в нашей священной религии ислама.

Идея непрерывного образования, в свою очередь, возникла как педагогическая концепция, с одной стороны, и как результат практики – с другой. В целом развитие образования взрослых в современном восприятии связано с последствиями изменений в науке, технологиях, социально-экономических отношениях в результате промышленной революции XIX века.

Среди ученых СНГ, внесших значительный вклад в развитие системы непрерывного образования, научного изучения его особенностей, являются С.Г. Вершловский, Н.В. Василенко, С.М. Кузнецов, В.И. Вишнякова, О.М. Илина, В. Никандров и другие.

Следует подчеркнуть, что в работах российских, узбекских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Однако проблему модернизации системы образования нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В современной научной литературе можно найти несколько различных взглядов на непрерывное образование. В мировой педагогике непрерывное обучение определяется несколькими терминами, включая термины «непрерывное образование», «непрерывное обучение», «непрерывное чтение» [8].

Согласно анализу, непрерывное образование является ведущим направлением социальной политики государства по обеспечению оптимальных условий для профессионального и общего развития каждого человека, в то время как для общества непрерывное образование является важным условием развития общественного производства, представляет собой механизм, ускоряющий процесс социально-экономического развития страны и повышающий ее профессиональный и культурный потенциал. Для мирового сообщества обучение на протяжении всей жизни – это способ сохранения, развития и взаимного обогащения национальных культур и универсальных ценностей посредством международного сотрудничества.

В целом, обучение на протяжении всей жизни идет рука об руку с ростом образовательных (общих и профессиональных) способностей на протяжении всей жизни человека через соответствующие потребности человека и общества через государственные и общественные институты и систему организационной поддержки.

Непрерывное образование создает необходимые условия для продвижения в подготовке творческих, социально активных, творческих, духовно богатых личностей и высококвалифицированных конкурентоспособных кадров. Типы образования могут включать дошкольное, общее среднее, среднее специальное, профессиональное, высшее, послевузовское образование, переподготовку и повышение квалификации, а также внешкольное образование. После обретения независимости Узбекистан, как равноправный субъект и неотъемлемая часть мирового сообщества, создал сильное демократическое государство, основанное на верховенстве закона и открытом гражданском обществе. В последние годы в процессе реформирования системы образования в стране создана прочная правовая, организационная и материально-техническая база, которая помогла обновить содержание обучения и воспитания молодого поколения с высоким интеллектуальным потенциалом.

За годы независимости система образования и воспитания гармонично развитого поколения в нашей стране поднялась до уровня основных приоритетов государственной политики. Однако анализ показывает, что эффективность и результаты проделанной работы в сфере дошкольного образо-

вания недостаточны. В то же время результаты анализа развития общего среднего и среднего специального, профессионального образования показали, что система не отвечает сегодняшним требованиям и нуждается в коренном реформировании. По результатам исследования ситуации в системе высшего образования Рабочей группой, созданной Указом Президента Республики Узбекистан № Ф4724 от 8 октября 2016 года, ряд высших учебных заведений по-прежнему имеет низкий научно-педагогический потенциал. Выявлено, что обеспечение образовательного процесса информационно-методической и учебной литературой не отвечает современным требованиям, существует необходимость в систематическом обновлении их материально-технической базы [9].

Анализ показывает, что в последние годы большая часть учителей, воспитателей недостаточно подготовлены, их уровень знаний и профессионализм остается серьезной проблемой, а квалифицированных учителей не хватает.

Проблема увязки структуры и этапов образовательного процесса, то есть организации системы непрерывного образования, не решена. Подготовка специалистов и система образования недостаточно увязаны с требованиями проводимых реформ и процессов обновления в обществе.

Недостаточное развитие системы профессионального обучения по принципу «непрерывное обучение» для различных категорий населения приводит к тому, что большая часть взрослого населения, а также безработная молодежь и инвалиды больше не востребованы на рынке труда.

Таким образом, сегодня новые условия рынка труда требуют более гибкого подхода к основным направлениям развития системы образования в республике. В связи с этим модернизация образования ориентирована на формирование нового поколения кадров с высокой общей и профессиональной культурой, творческой и социальной активностью, умеющих самостоятельно ориентироваться в общественно-политической жизни, способных ставить и решать задачи на перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Артамонова Я.С.* Фундаментальная наука и государство: теоретические основания и практика политического обеспечения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 7 (64).

2. *Жалнин В.А.* Теоретический инструментарий анализа государственной политики в сфере образования и науки как конфликт групповых и личностных интересов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).

3. *Комлева В.В.* Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).

4. Макаров Е.П., Макарова Т.Е. Роль Ассоциации детских садов в становлении дошкольного образования Великобритании в первой половине XX в. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

5. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Жалнин В.А. Возможна ли реформа университетского образования? Послесловие к статье Комлевой В.В. «Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия» // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).

6. Михайлова О.Н., Толок Е.С. Гуманитарно-образовательные основания формирования политико-правовой активности и совершенствования электорального поведения современной вузовской молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 1 (70).

7. Слизовский, Жалнин В.А., Медведев Н.П. Исторические сюжеты о роли государства и государственной образовательной политики в России: актуальный политологический ракурс // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 2 (32).

8. «Ешларга оид давлат сиесати самарадорлигини ошириш ва Ўзбекистон ешлар иттифоқи фаолиятини қўллаб-қувватлаш тўғрисида». Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2017 йил 5 июлдаги ПФ-5106 сонли Фармони.

9. Мирзиеев Ш.М. Танқидий таҳлил, катъий тартиб-интизом ва шахсий жавобгарлик – ҳар бир раҳбар фаолиятининг кундалик қоидаси бўлиши керак. Т.: «Ўзбекистон», 2017.

10. «2017-2021 йилларда Ўзбекистон Республикасини ривожлантиришнинг бешта устувор йўналиши бўйича Ҳаракатлар стратегияси». Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2017 йил 7 февралдаги ПФ-4947 сонли Фармони.

SH.K. QAMBAROV

Lecturer, Chair of social sciences, Karshi State University, city of Karshi, Republic of Uzbekistan

MODERNIZATION OF EDUCATION SYSTEMS IN UZBEKISTAN: PROBLEMS AND SOLUTIONS

This article is devoted to modern trends in the development of the national education system of the Republic of Uzbekistan in the era of globalization. The process of reforming the education system in Uzbekistan is considered. The author has made an attempt to generalize the most important and noteworthy approaches to the modernization of educational policy.

Key words: *modernization, development, national system, education.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В УЗБЕКИСТАНЕ

Мы знаем из истории, что позиция, престиж, внешняя политика каждой страны основаны на высокой духовности и культуре народа. Действительно, опыт народов мира показывает, что там, где государство и общество развиты, у людей будет достаточно возможностей жить в мире и спокойствии, имея благородное и великое будущее как высшую цель. Это также обеспечит устойчивое развитие, среду свободного мышления и, на этой основе, новые возможности для духовного роста. Основная цель реформ, проводимых в Узбекистане по многим направлениям, – всестороннее развитие страны и дальнейшее улучшение условий жизни людей.

Туризм – одна из важнейших отраслей экономики. Необходимо и дальше улучшать эту сферу, эффективно используя существующие возможности по мере необходимости. В статье рассматриваются перспективы развития туризма в Узбекистане и использование мирового опыта.

Ключевые слова: туризм, культурные связи, туристические и культурные организации, паломнический туризм, экологический, образовательный, этнографический, гастрономический туризм, государственно-частное партнерство.

Узбекистан – удобная страна как для путешествий, так и для паломничества. Потому что на этой земле жили люди, известные на весь мир. На международной арене наблюдается большой интерес к оставшемуся богатому духовному и культурному наследию. Для дальнейшего развития отрасли, прежде всего, необходимо усовершенствовать необходимую инфраструктуру [3].

Туризм служит важным фактором международных отношений, укрепления взаимных культурных связей, развития современной цивилизации. Как яркое доказательство нашего мнения, тот факт, что за последние два года Узбекистан посетили 7,5 миллионов иностранных туристов, требует дальнейшего развития отрасли и устранения таких проблем, как культура обслуживания в связанных процессах.

В этом смысле хорошо известно, что туризм является важным фактором развития общества и сильной промышленностью, которая в краткосрочной

перспективе обеспечит высокие темпы роста экономики страны. Это экономическое, социальное, политическое и культурное явление, которое оказывает серьезное влияние на мировой порядок и экономику многих стран и регионов. Значение туризма в мировой экономике и политике постоянно растет, что связано с влиянием этой отрасли на многие страны мира, которые выполняют множество важных функций.

Указ Президента Республики Узбекистан от 2 декабря 2016 года ПФ-4861 «О мерах по обеспечению ускоренного развития туризма в Республике Узбекистан» и Указ от 3 февраля 2018 года ПФ-5326 «О дополнительных организационных мерах по созданию благоприятных условий для развития туристического потенциала Республики Узбекистан» [1] являются важными факторами развития туризма в Узбекистане. Указом предусмотрена покупка типовых проектов гостиниц и гостиничных домов, в том числе у зарубежных проектных организаций, за счет внебюджетного фонда поддержки туризма с последующей передачей этих проектов предприятиям, инициировавшим строительство туристической инфраструктуры. При этом привязка типовых проектов к той или иной территории требует предоставления территориальных подразделений Государственного комитета по архитектуре и строительству Республики Узбекистан на недискриминационной основе, повышения качества систем связи и транспортных систем.

В связи с этим Государственный комитет по развитию туризма Республики Узбекистан, Министерство культуры, Национальный банк внешнеэкономической деятельности принимают ряд мер по развитию туризма. В частности, в проектах участвуют организации в сфере туризма и культуры из Узбекистана, России, Турции, Казахстана, Азербайджана, Армении, Саудовской Аравии, Болгарии, Сербии, Всемирная федерация ассоциаций туристических гидов, национальные ассоциации гидов, международные эксперты, гиды и тур-лидеры музеев.

Очевидно, что индустрия туризма сегодня стала одним из важнейших секторов экономики. Поэтому многие страны мира принимают все меры для дальнейшего развития этого сектора, создания соответствующей инфраструктуры на уровне мировых стандартов и увеличения туристического потока. Франция (83,7 миллиона), США (74,8 миллиона), Испания (65,0 миллиона), Китай (55,6 миллиона) и Италия (48,6 миллиона) входят в пятерку лидеров по количеству иностранных посетителей в 2015 году. Германия, Великобритания, Россия и Мексика входят в первую десятку. Однако по этому показателю лидируют несколько городов Европы и Азии. Примеры включают Гонконг (27,7 миллиона), Лондон (17,4 миллиона), Сингапур (17,1 миллиона), Бангкок (16,2 миллиона) и Париж (15,0 миллиона). Если мы учимся на опыте развитых стран в мире туризма, можно и дальше развивать туризм в красивых уголках нашей страны. В то же время, используя уникальную природу нашей страны, возможности красивых курортов, можно открывать

новые туристические маршруты. Активно привлекая мировые бренды в эту сферу, нужно уделять особое внимание развитию паломнического туризма, экологического, образовательного, этнографического, гастрономического туризма и других секторов индустрии. В этой связи необходимо учитывать, что использование государственно-частного партнерства открывает широкий спектр возможностей для развития отрасли. В связи с тем, что наши исторические святыни расположены больше в провинциях и районах, активность по привлечению туристов отстает. Очень важно развивать транспортную и коммуникационную систему святынь Кашкадарьи, Сурхандарьи и Ферганской долины.

Необходимо разработать и ускорить программу посещения святых мест и памятников в Самарканде, Бухаре, Ташкенте и Коканде. Все возможности в сфере внутреннего туризма должны быть полностью использованы.

В нынешнюю эпоху интенсивной глобализации страны мира объединяются, чтобы сформировать интегрированную экономическую, духовную, образовательную, политическую и межрегиональную систему. Отсутствие текущей повседневной таможенной деятельности во многих европейских странах является наглядным примером этого. Шенгенское соглашение – Соглашение об упрощении паспортного и визового контроля на границах ряда стран ЕС, подписанное 14 июня 1985 года пятью европейскими странами (Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция и Германия), было дополнено Шенгенской конвенцией в 1990 году, в котором были отменены пограничный контроль и внутренняя визовая политика [6]. Шенгенская конвенция 1990 года установила Шенгенскую зону из-за полной отмены пограничного контроля между государствами-членами Шенгенской зоны, общих правил выдачи виз, а также сотрудничества полиции и судебных органов. Он вступил в силу 26 марта 1995 г. В соответствии с Шенгенским соглашением будут сняты таможенные и визовые барьеры на границах стран-членов ЕС. Иностранному туристу, получившему визу в одну из стран Шенгенского соглашения, может свободно перемещаться по запросу этих стран.

В настоящее время Шенгенская зона охватывает 4 миллиона 312 тысяч 99 квадратных километров с населением 400 миллионов человек. За прошедшие годы 30 стран вошли в Шенгенскую зону, и на практике пограничный контроль был отменен в 26 странах. Это не значит, что по Европе можно гулять без документов. В каждой стране таможня, полиция и пограничники могут потребовать от вас предоставить удостоверение личности и разрешение на поездку в эту страну [7].

В то время, когда Узбекистан находится на пути всестороннего развития, он развивает экономические, политические и культурные отношения с соседними странами. Мы видим это в пятом направлении Стратегии действий Президента Республики Узбекистан по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017-2021 годы: В целях увеличения

числа иностранных туристов, посещающих Узбекистан, Узбекистан также должен использовать международный опыт для заключения соглашения с соседними странами Центральной Азии и СНГ, такого как Шенгенское соглашение, об отмене визового режима для свободного въезда населения из одной страны в другую. Отмена визовой системы, с одной стороны, создаст свободу передвижения для граждан соседних стран, а с другой стороны, иностранный турист, посещающий Среднюю Азию или СНГ, избежит визовой проблемы для каждой посещающей страны. Само это мероприятие откроет путь к увеличению количества посещающих туристов. Поскольку турист, посетивший Узбекистан, будет только наслаждаться красотой нашей страны, если эта система будет внедрена на практике, то туристы из соседних стран смогут пересекать нашу страну или, наоборот, туристы из соседних стран перейдут в соседние республики и это положительно скажется на экономике и занятости страны.

Сегодня туризм – одна из самых быстрорастущих сфер международных услуг. В последние годы Узбекистан стремится занять достойное место среди стран с развитой современной туристической инфраструктурой. В частности, создание всех условий для привлечения туристов и развитие внутреннего туризма в стране рассматривается как одна из актуальных задач по расширению имеющихся возможностей.

Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев сказал на совещании, посвященном перспективам устойчивого развития туризма в Узбекистане: «Узбекистан – хорошая страна как для путешествий, так и для паломничества, потому что наша родина является домом для наших всемирно известных предков. Для дальнейшего развития отрасли, прежде всего, необходимо улучшить необходимую инфраструктуру. Первое – это транспорт, второе – логистика» [4], – сказал он.

Система железнодорожной логистики по-прежнему отстает от крупных туристических центров Европы, и глава нашего государства, понимая это, поставил задачу развивать туризм. Что нужно сделать для выполнения этих задач. Во-первых, нам необходимо реконструировать транспортно-логистические маршруты, связывающие нас с соседними странами Центральной Азии. Во-вторых, организация новых рейсов, соединяющих страны СНГ, также должна снизить стоимость существующих. Статистика за прошедший период показывает, что поток туристов в Узбекистан из года в год растет. Мы также можем увидеть это по приведенным ниже цифрам. В 2017 году Узбекистан посетили 6 823 869 (шесть миллионов восемьсот двадцать три тысячи восемьсот шестьдесят девять) иностранных туристов, из них 6 375 273 (шесть миллионов триста семьдесят пять тысяч двести семьдесят три) туриста из стран СНГ.

Этот показатель соответствует 5 020 392 туриста из стран СНГ в 2018 году из 5 346 219 туристов, а в 2019 году – 6 260 110 из 6 748 512.

Видно, что за 2017-2019 годы количество туристов, посещающих Узбекистан, значительно увеличилось. Исторически сложилось так, что жители Средней Азии посещают Узбекистан в основном для того, чтобы увидеть и навестить своих близких родственников. Мы также можем увидеть это по следующей статистике. В 2017 году 4 336 338 туристов из стран СНГ посетили Узбекистан навестить своих родственников. Эти цифры растут год от года. Если вышеупомянутая работа будет эффективно организована, можно будет наблюдать резкий рост количества туристов, посещающих Узбекистан. Причина такого вывода в том, что полеты после открытия границы в прошлом – хороший тому пример. Нация, которая исторически была одноязычной религией, была разделена по национально-территориальным единицам в 1924 году. Туристическая деятельность в период до обретения независимости неразрывно связана с СССР.

После Второй мировой войны большое внимание уделялось организации въездного туризма в СССР. «Интурист», одна из 10 ведущих туристических компаний мира, предлагал свои услуги более чем в 100 городах по всей стране. В середине 1970-х годов СССР посетило до 3-4 миллионов иностранцев; более двух миллионов бывших советских граждан выехали за границу. Другое дело, что страны «социалистического лагеря» были основным партнером СССР в международном туризме, а большинством туристических направлений советских граждан были страны Европы (Болгария, ГДР, Чехословакия, Польша), Куба, Монголия и другие. Гости из несоциалистических стран составили треть всех посетителей. Эти искусственно созданные «ограниченные» внешние туристические потоки отрицательно сказались на их размере, географии, инфраструктуре и туристической отрасли. Поездка советских граждан в капиталистические страны считалась большой привилегией и разрешалась только в исключительных случаях наряду с преимуществами социалистического строя (зарубежные гастроли советских артистов, спорт и т.д.). Кроме того, практически исключалось свободное передвижение советских граждан за пределами группы [2]. Из этих данных видно, что, хотя индустрия туризма в странах бывшего СССР была создана после Второй мировой войны, она развивалась в основном в одностороннем порядке. Как и другие страны, узбекский туризм находился в прямой зависимости от СССР и был недостаточно развит.

До сих пор об Узбекистане мало известно за рубежом. В частности, большинство туристов, посещающих сегодня нашу страну, привлекают туристические компании. Практически во всех странах Европы у населения недостаточно информации об Узбекистане. Они слышали и выражали интерес через туристические агентства. Не хватает туристических плакатов, видео и короткометражных фильмов об узбекских святынях. Поэтому информация об узбекских святынях за рубежом не является подробной. Эта информация стала известна в разговорах со многими иностранными туристами, работающими на местах.

Кроме того, участие узбекской молодежи в творческих встречах в европейских странах низкое. Информация о святынях Узбекистана должна предоставляться в аэропортах или на автовокзалах всех стран, в средствах массовой информации. В настоящее время интернет-услуги стремительно развиваются. О любом государстве, его исторических и священных местах можно увидеть в интернет-сервисах. Например, мечеть Султана Ахмада в Турции с картами исторических зданий предоставляет обширную информацию. Также указаны цены на проживание и удобства для туристов. Действительно, язык, религиозная история и культура узбекского и турецкого народов очень близки друг другу. В процессе превращения Турции в одно из самых популярных туристических направлений, конечно, все секторы страны были мобилизованы на развитие этого маршрута.

Земли Узбекистана имеют особое значение для мусульман всего мира. Для них особенно важно посетить великих ученых, которые выросли в этой стране и навсегда поселились там. В этой связи визит Президента Турецкой Республики Реджепа Тайипа Эрдогана в Узбекистан по приглашению Президента Шавката Мирзиёева открыл новую страницу в этом отношении. Турция – одна из ведущих стран мира в сфере туризма. В процессе налаживания сотрудничества нам нужно будет изучить опыт этой страны в сфере туризма. В свою очередь, активистам, ответственным за развитие туризма в Узбекистане, необходимо обратить особое внимание на дальнейшее развитие туристической инфраструктуры, повышение удобства транспортных и гостиничных услуг и туристической логистики, а также создание необходимых условий для бизнеса, занимающегося туризмом.

Переговоры между президентами Узбекистана и Турции и эффективное выполнение задач, поставленных в принятых на их основе документах, будут способствовать дальнейшему развитию нашей экономики, популяризировать богатую историю, культуру, архитектурные памятники и уникальные традиции нашей страны, а также сделать Узбекистан одним из самых популярных туристических направлений в мире.

Конечно, у нашей страны огромный туристический потенциал, но во многих случаях этот потенциал используется недостаточно. Необходимо использовать эти возможности и направлять их на систематической основе. Во-первых, мир фауны и флоры Узбекистана, его привлекательная и неповторимая природа, во-вторых, то, что его исторические здания и сооружения внесены в список ЮНЕСКО, в-третьих, направление «Гастрономический туризм» может привлечь туристов благодаря кухне каждого региона. Кроме того, наша страна известна в мире своим историческим и культурным потенциалом. В целом, здесь много археологических, этнографических памятников, малых и больших исторических городов, религиозных комплексов, музеев, театров, образцов народных промыслов и других сооружений, которые являются частью культурно-исторического наследия. Однако в современ-

ном глобализированном мире невозможно ограничиться этими туристическими возможностями. Как отмечалось в Послании Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Парламенту в 2017 году: «В нашей стране более 7300 объектов культурного наследия, и большинство из них внесено в список ЮНЕСКО» [5].

В целом всестороннее развитие Узбекистана на основе мирового опыта и требований сегодняшнего дня играет важную роль в развитии туризма. Это определяется рядом объективных и субъективных факторов соответственно. Он состоит из выполнения задач, упомянутых выше. В то же время, используя уникальную природу нашей страны, возможности красивых зон отдыха, можно открывать новые туристические маршруты. Активно привлекая мировые бренды в эту сферу, нужно уделять особое внимание развитию паломнического туризма, экологического, образовательного, этнографического, гастрономического туризма и других секторов индустрии. В этой связи необходимо учитывать, что использование государственно-частного партнерства открывает широкий спектр возможностей для развития отрасли. Необходимо развивать и ускорять программу «малого паломничества», которая включает посещение святых мест и памятников Самарканда, Бухары и Ташкента. Также следует в полной мере использовать большие возможности в области внутреннего туризма. На данный момент мы должны принять меры для более эффективного использования этих возможностей. Необходимо задействовать высокообразованных и культурных представителей населения нашей страны с высоким образовательным, интеллектуальным и научным потенциалом в полноценном развитии туристической индустрии, выйти на новые рынки через формирование всесторонне конкурентоспособного туристического продукта, развивать международное сотрудничество. В сфере туризма важно расширять публичность. В то же время необходимо еще больше повысить уровень владения английским и русским языками. Сегодня нашу страну посещает множество туристов со всего мира. Но многие люди в популяции не знают английского. Мы знаем, что сейчас вторым языком мира является английский. Кроме того, в сегодняшних условиях стремительной глобализации информационных и коммуникационных технологий повсеместное внедрение передовых достижений в этой области во всех секторах и сферах является важным фактором будущего развития нашей страны. Действительно, отрасль программного обеспечения, которая является необходимым компонентом рынка информационных технологий, играет особую роль в повышении стабильности национальной экономики, получении конкурентных преимуществ, увеличении валютных поступлений и реализации стратегии производства импортозамещающих товаров, национальные продукты.

В заключение следует отметить, что полное выполнение решений и постановлений важно в развитии туризма в Узбекистане. Потенциал туристичес-

ческого бизнеса нашей страны, богатой историческими памятниками, огромными. При этом наши турфирмы предоставляют такие услуги, как групповой прием туристов, доставшихся в наследство от бывшего союза. Туристические услуги Орды Худоерханов, принадлежащей Кокандскому ханству, расположенной в городе Коканд в Ферганской долине, по-прежнему продолжают по старинке. Удобства для туристов не имеют современного стиля. Столовая, отражающая нашу национальность, находится в отдаленных районах Орды. Продажа национальных костюмов и антиквариата вообще отсутствует.

Однако в мире существует много новых и современных видов туризма, некоторые из которых были бы полезны в Узбекистане. Это, несомненно, приведет к дополнительному доходу и созданию рабочих мест в этих сферах. Переговоры с зарубежными странами, в том числе с Китаем, Японией, Сингапуром, Индонезией, Малайзией и Турцией, сыграют важную роль в развитии туризма в Узбекистане.

Мы считаем, что следующие предложения актуальны для развития туризма в Узбекистане:

- сотрудничество с местными туроператорами по организации групповых туров;
- направление предложений гостиницам и транспортным организациям по предоставлению льгот по организованным турам, включая проживание и туда, и обратно (перелет);
- необходимо увеличить количество тематических туристических карт, включающих указатели расположения туристических объектов (памятников архитектуры и др.) и инфраструктуры (гостиницы и другие объекты размещения, туристические маршруты и др.);
- необходимо развивать паломнический туризм, экологический, образовательный, этнографический, гастрономический туризм за счет привлечения в туристическую отрасль всемирно известных брендов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Мирзиеев Ш.* Ўзбекистон Республикаси Президентининг Қарори Ўзбекистон Республикаси Туризмни ривожлантириш давлат қўмитаси нинг фаолиятини янада такомиллаштириш чора-тадбирларитўғрисида. ПҚ-3510. Тошкент 2018 йил 6 февраль // lex.uz/docs/35502.

2. *Тарасова И.Ю.* Всемирная туристская организация (ЮНВТО) и Россия: политические аспекты взаимодействия.

3. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиеев мамлакатимизда туризмни изчил ривожлантириш истиқболлари, сайёҳлик объектларидан самарали фойдаланиш, кўрсатилаётган хизмат турлари сифатини ошириш, юртимизга ташриф буюраётган сайёҳлар оқимини кўпайтириш борасида амалга оширилаётган ишлар таҳлилига бағишланган йиғилиши УзА ахбарот

агентлиги электрон сайти // <http://uza.uz/uz/posts/turizmni-yanada-rivozhlantirish-masalalari-mu-okama-ilindi-03-10-2017>; <http://uza.uz/posts/56454>.

4. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёев мамлакатимизда туризмни изчил ривожлантириш истикболлари, сайёҳлик объектларидан самарали фойдаланиш, кўрсатилаётган хизмат турлари сифатини ошириш, юртимизга ташриф буюраётган сайёҳлар оқимини кўпайтириш борасида амалга оширилаётган ишлар таҳлилига бағишланган йиғилиш // <http://uza.uz/uz/politics/turizmni-yanada-rivozhlantirish-masalalari-mu-okama-ilindi-03-10-2017>.

5. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномаси. Тошкент: Ўзбекистон, 2018.

6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Шенгенская_зона.

7. http://uza.uz/uz/society/shengen-bitimi-nima-06-08-2018?month=03&year=2018&ELEMENT_CODE=shengen-bitimi-nima-06-08-2018&SECTION_CODE=society&.

F.Z. BOYMATOV

Post-graduate student working for the doctoral degree (PhD) at the Uzbek State University of World Languages, city of Kokand, Republic of Uzbekistan

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN UZBEKISTAN

We know from history that the position, prestige and foreign policy of each country are based on the high spirituality and culture of its people. Indeed, the experience of the peoples of the world shows that where the state and society are developed, people have enough opportunities to live in peace and tranquility, with a noble and great future as the highest goal. It also ensures sustainable development, an environment of free thinking and, on this basis, new opportunities for spiritual growth. The main goal of the reforms carried out in Uzbekistan in many areas is the comprehensive development of the country and the further improvement of the people's living conditions.

Tourism is one of the most important sectors of the economy. It is necessary to further improve this area, effectively using existing opportunities as needed. The article discusses the prospects for the development of tourism in Uzbekistan and the use of international experience.

Key words: *tourism, cultural relations, tourist and cultural organizations, pilgrimage tourism, ecological, educational, ethnographic, gastronomic tourism, public-private partnership.*

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ США И ТУРЦИИ

В статье проанализированы основные составляющие, по которым происходило и происходит формирование внешнеполитического взаимодействия между США и Турцией. Отмечается, что на различных этапах развития давняя курдская проблема используется США как элемент управления и влияния на региональную политику. Поощрение действий, используемых США, являются непостоянными и зависят от развития событий в Сирии, Ираке, Иране.

Правительство Турции под руководством АКР (Партия справедливости и развития) предполагало решить курдскую проблему примирительным путем, а не конфронтационным. Партией отвергался подход кемалистского правительства в отношении конфликта. Однако крах развивающегося мирного процесса в сентябре 2014 г., который последовал за распространением сирийской гражданской войны снизил шансы на мирное решение курдского вопроса, вероятно, прекращение любого потенциально продуктивного диалога между АКР и воюющими курдами. Целью данной статьи является изучение последствий регионализации курдского вопроса Турции. В частности, военные события в Сирии привели к провалу и последующему возврату политики правительства к старому, конфронтационному подходу.

За последние пять лет произошли драматические сдвиги в политике США и Турции в отношении курдских политических и военных субъектов как в самой Турции, так и в соседних Сирии и Ираке. Эти сдвиги были вызваны сложным совпадением внутренних политических тенденций Турции и быстро меняющейся региональной картиной.

В течение этого периода политика Турции колебалась от взаимодействия с курдскими игроками в стремлении к мирному сближению до реализации жестких мер. Между тем, Соединенные Штаты постепенно отказались от своей прежней политики невмешательства в отношении курдских негосударственных субъектов, руководствуясь тактическими военными требованиями ориентированной кампании по искоренению Исламского государства (ИГ).

Ключевые слова: Турция, США, курды, Рабочая Партия Курдистана, Сирия, Иран, Ирак.

Усиливающийся хаос на Ближнем Востоке создал возможности для серьезных изменений в статусе курдских меньшинств в Ираке, Сирии и Турции. Действия Турции в отношении курдского населения и ее взаимодействие с курдскими группами по всему региону создают новые проблемы для внешней политики США и американо-турецких отношений.

Курды, историческая родина которых сегодня разделена между Ираном, Ираком, Сирией и Турцией, являются одной из самых многочисленных в мире групп людей без гражданства (апатридов) [1].

Хотя точного подсчета не существует, примерно 36 млн курдов в регионе составляют чуть менее 10% населения Ирана и Сирии и 15-20% населения Ирака и Турции. Около 14 млн курдских граждан Турции сконцентрировано на востоке и юго-востоке страны – в районах, прилегающих к курдским регионам Сирии и Ирака [4].

Курды составляют почти пятую часть населения Турции, насчитывающего семьдесят девять миллионов человек. РПК, созданная Абдуллой Оджаланом в 1978 г., с 1984 г. ведет борьбу против турецких властей за расширение культурных и политических прав, в первую очередь, с целью создания независимого курдского государства. Продолжающийся конфликт привел к гибели почти сорока тысяч человек. Интенсивность этой кампании изменялась в течение последующих девяти десятилетий, усилившись после военного переворота в Турции в 1980 г. и вспышки восстания Рабочей партии Курдистана (РПК) в середине 1980-х гг.

Курдский вопрос обычно был второстепенным в американо-турецких отношениях. Вашингтон уже давно поддерживает кампанию Анкары против РПК. США признают, что продолжающаяся борьба курдов за создание собственного государства препятствует полной демократизации Турции и усугубляет региональную нестабильность. США декларативно поддерживают примирение между Анкарой и ее курдским населением. Политика США по курдскому вопросу базируется на вопросах региональной безопасности.

Следует отметить, что официально США не поддерживают создание независимого курдского государства. На практике политика США зачастую носит непоследовательный характер: они поддерживают курдские группы в одном регионе и противостоят им в других. В целом, в политике США проявляется осторожность, чтобы не оказывать чрезмерное давление по вопросу, чувствительному для Турции, особенно с учетом сохраняющейся определенной значимости Турции для проводимой стратегии США в решении и одновременном создании выгодных для администрации США проблем для руководства ряда стран, связанных с нестабильностью в регионе Ближнего Востока.

Несмотря на значительное сотрудничество, приоритеты США и Турции в отношении курдов в Ираке и Сирии расходятся.

Существует напряженность в связи с попытками Анкары наладить более тесные связи с иракскими курдами, которые вовлечены в спор с проамери-

канским правительством Ирака по вопросу контроля над нефтью в регионе, для укрепления энергетической безопасности Турции.

Официальные представители США и политологи высказывают опасения, что способность Эрбиля (место, где проживает большинство курдов, и сосредоточены значительные разрабатываемые запасы нефти) продавать нефть независимо от Багдада может подорвать единство Ирака [6].

Разногласия отражены в подходах Вашингтона и Анкары по сирийским курдам, когда поддерживаемые Турцией исламистские боевики сражаются с, преимущественно, светскими курдскими националистами, которых поддерживает Вашингтон.

В настоящее время Вашингтон решительно выступает против усилий КРГ по подписанию контрактов с иностранными, в том числе американскими, энергетическими компаниями через главу правительства в Багдаде. Компании Exxon Mobil и Chevron Техасо уже подписали сделки по разведке нефти напрямую с руководством Эрбиля.

Со стороны Соединенных Штатов возникают вполне обоснованные опасения, что доходы от продажи нефти создадут экономическую основу для отделения северного Ирака, оставив после себя слабое шиитское государство на юге, которое станет сателлитом Ирана.

Напротив, Анкара и Эрбиль стремятся наладить обширные связи. Отчасти это отражает ухудшение отношений Турции с правительством премьер-министра Ирака Нури аль-Малики. В более широком смысле, обращение Турции к сотрудничеству с КРГ направлено на обеспечение новых источников нефти, позволяющих ей снизить свою зависимость от импорта из Ирана и России, а также на обеспечение безопасности вдоль турецко-иракской границы [5].

Сближение Турции с КРГ, которое, как они опасаются, может ослабить проамериканское правительство Ирака и поставить под угрозу существующее единство иракского государства, которое, несомненно, будет подрываться в будущем [7].

США выражают озабоченность по поводу недавно заверщенного нефтепровода из северного Ирака в Турцию, который, как ожидается, будет подавать до 300 тыс. баррелей в день в турецкую трубопроводную систему для продажи на мировых рынках. Этот трубопровод может, в конечном итоге, освободить КРГ от финансовой зависимости.

Также важным аспектом, оказывающим на формирование отношений между Турцией и США, является ситуация в Сирии. Начало гражданской войны в Сирии заставило США и Турцию занять более четкую позицию по Сирии. И Анкара, и Вашингтон поначалу не хотели вступать в открытое противостояние с сирийскими курдами, в основном, из-за опасений по поводу основной курдской силы – Партии Демократического союза (ПДС), связанной с РПК.

Турция пыталась наладить связи с ПДС, чтобы поддержать свою стратегию против Асада, одновременно работая над тем, чтобы рост ПДС не ставил под угрозу территориальную целостность Сирии. Однако эти усилия не принесли особых результатов, и ПДС отказалась присоединиться к антиасадовской коалиции, а отношения с Анкарой ухудшились. В июле 2012 года ПДС захватил контроль над несколькими курдскими городами на севере Сирии после того, как силы, верные Асаду, ушли, чтобы сосредоточить свои силы ближе к Дамаску и Алеппо [2].

Почти бескровный захват власти вызвал подозрения в сотрудничестве с сирийским режимом, особенно с учетом растущей напряженности между Курдской демократической партией (The Kurdish Democratic Union Party – PYD) и сирийскими повстанцами, в основном арабскими, которые в принципе отказались от требований курдов о федерализме или курдской автономии в Сирии. Встревоженная захватом PYD контроля над северными районами Сирии, Анкара закрыла пограничные переходы с Сирией и попыталась изолировать PYD.

Бывший министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу назвал действия ПДС «террористической деятельностью» и предупредил, что Турция не потерпит угроз своей безопасности. Премьер-министр Эрдоган также пригрозил военным вмешательством, чтобы очистить север Сирии от сил ПДС/РПК [3].

На протяжении десятилетий турецко-курдский конфликт пережил насильственные и мирные циклы, при этом мирные инициативы неоднократно приносились в жертву в угоду националистической политике, региональной динамике и цензуре.

Более вероятно, что курдская проблема будет оставаться разменной картой во внешнеполитической игре с маятниковой динамикой, сулящей решение, но при возникновении новых внешнеполитических и внутренних факторов ее решение будет также отодвигаться на фоне новых жертв. Потребуется примирение и политический компромисс, если руководство Турции хочет полностью реализовать свой потенциал. Президент Эрдоган остается выдающейся фигурой в современной истории Турции и необходимым участником мирного курса внешнеполитических процессов.

Если курдам удастся создать независимое государство в Сирии на фоне хаоса, охватившего регион, это может ускорить сепаратистские движения в других курдских районах Ближнего Востока. Усиление террористической активности курдских сепаратистов также вызывает растущую озабоченность США и их союзников, которые в 1997 году объявили РПК иностранной террористической организацией [5].

Отношения между США и Турцией пошатнулись после того, как Эрдоган возобновил призывы к экстрადиции Фетхуллага Гюлена – турецкого политического и религиозного лидера, добровольно находившегося в изгна-

нии в США, – которого Эрдоган считает организатором переворота в июле 2016 года. Отношения также пострадали и из-за тесных отношений Соединенных Штатов с курдскими группировками (Соединенные Штаты продолжают поставлять оружие войскам, борющимся с Исламским государством в Ираке и сирийским группировкам), а также все более тесными отношениями между Россией и Турцией.

Ввиду стремительного приближения столетия Турецкой республики и окончания срока действия Лозаннского Договора в 2023 г. руководству страны необходимо принимать во внимание данную проблему.

На основе выполненного анализа допустимо предположить, что решение курдской проблемы не произойдет до 2023 г. После этого срока возникнут новые факторы, которые смогут повлиять тем или иным образом на ее разрешение, либо еще больше ее усугубить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Altan A.* The Kurds: The world's largest stateless nation // <https://www.france24.com/en/20150730-who-are-kurds-turkey-syria-iraq-pkk-divided>.

2. Conflict Between Turkey and Armed Kurdish Groups // <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/conflict-between-turkey-and-armed-kurdish-groups>.

3. *Daren Butler.* “Turkey counts cost of conflict as Kurdish militant battle rages on,” Reuters, May 31, 2016 // <https://www.reuters.com/article/us-turkey-security-kurds/turkey-counts-cost-of-conflict-as-kurdish-militant-battle-rages-on-idUSKCN0YM1GN>.

4. *Küçükkeleş M. and Mankoff J.* The Kurdish Question and US-Turkish Relations in a Changing Middle East.

5. *Müjge Küçükkeleş and Jeffrey Mankoff.* The Kurdish Question and US-Turkish Relations in a Changing Middle East. Atlantic Council, 2014.

6. *Park B.* Turkey-Kurdish Regional Government Relations after the U.S. Withdrawal from Iraq: Putting the Kurds on the Map? Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press 2014.

7. *Umut Uras.* Turkey continues peace talks with the PKK // <https://www.aljazeera.com/features/2013/01/10/turkey-continues-peace-talks-with-the-pkk/?gb=true>.

E.F. ASKEROVA

*PhD student, Saint-Petersburg state university,
Saint-Petersburg, Russia*

THE KURDISH ISSUE IN US-TURKEY RELATIONS

The article analyzes the main components of the formation of foreign policy interaction between the United States and Turkey. It is noted that at various stages of development, the long-standing Kurdish problem is used by the United States as an element of control and influence on regional politics. The non-intervention strategy, the encouragement of actions used by the United States, are volatile and depend on the development of events in Syria, Iraq, Iran. The Turkish government under the leadership of the AKP (Justice and Development Party) intended to solve the Kurdish problem with a conciliatory approach, not a confrontational one. The party rejected the dead-end policy of the Kemalist government regarding the conflict. However, the collapse of the emerging peace process in September 2014, which followed the spread of the Syrian civil war and the events surrounding the Kurdish city of Kobane in northern Syria, reduced the chances of a peaceful resolution of the Kurdish issue, likely ending any potentially productive dialogue between AKP and militant Kurds. The purpose of this article is to study the government's policy towards the Kurdish population of Turkey from the beginning to the Kurdish referendum in Iraq and the consequences of the regionalization of the Kurdish issue in Turkey. In particular, the military events in Syria led to the failure and subsequent return of government policy to the old, confrontational approach.

Over the past five years, there have been dramatic shifts in US and Turkish policy towards Kurdish political and military actors, both in Turkey itself and in neighboring Syria and Iraq. These shifts have been triggered by a complex convergence of domestic political trends in Turkey and a rapidly changing regional landscape. During this period, Turkey's policies ranged from engaging with Kurdish players in pursuit of peaceful rapprochement to harsh domestic repression and military intervention abroad. Meanwhile, the United States has gradually abandoned its previous policy of non-intervention against Kurdish non-state actors and adopted a temporary interim policy of engaging with left-wing Kurdish elements in Syria, guided primarily by the tactical military requirements of a targeted campaign to eradicate the Islamic State (IS).

Key words: *Turkey, USA, Kurds, Kurdistan Workers' Party, Syria, Iran, Iraq.*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Разворот политики России в сторону Азии активизировался в связи с «санкционным противостоянием» со странами Запада во главе с США. Важным регионом взаимодействия России и стран Востока является Дальний Восток России, а основной партнер России в азиатском регионе – КНР. При этом Китай имеет и проводит самостоятельную внешнюю политику относительно данного приграничного региона, направленную на перспективное решение задач в сфере экологии, демографии, геополитики, экономики и безопасности. Таким образом, цель данной статьи заключается в выявлении места и роли Дальнего Востока России во внешней политике Китая. В качестве исследовательских задач: характеристика уникальности дальневосточного региона России в системе международных отношений, изучение особенностей внешней политики Китая. Предмет исследования – политика КНР на Дальнем Востоке.

В рамках данной научной статьи автором были выявлены особенности внешней политики Китая по отношению к дальневосточному региону России, а также выявлено место Дальнего Востока в системе международных отношений.

Ключевые слова: *внешняя политика, Китайская Народная Республика, Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточная Азия.*

Россия является одним из трех государств мира, которые имеют одновременно выход к трем океанам: Северному Ледовитому, Атлантическому и Тихому океанам. Именно последний океан в начале XXI в. становится ареной взаимодействия двух крупнейших экономик мира – США и КНР и регионом формирования крупнейшей в мире зоны свободной торговли – Всестороннее региональное экономическое партнерство с перспективой расширения за счет США и иных стран Северной и Южной Америки. Наличие выхода России к Тихому океану, общая граница со странами Восточной Азии – КНДР, Монголией, КНР и Японией (морской участок границы)

предоставляет возможность Российской Федерации также принимать действенное участие в экономико-политическом сотрудничестве. Но при этом существуют политико-географические риски данного сотрудничества, которые обусловлены слабым демографическим потенциалом дальневосточного региона России, всевозрастающей геоэкономической активностью Китая и наличия различного рода нерешенных геополитических проблем в регионе: тайванская проблема, территориальные претензии Японии на Курильские острова, ядерная программа КНДР и т.д. Таким образом, данная тема является актуальной и перспективной и с научной, и с практической точки зрения.

Среди представителей российской науки данной проблематикой занимались следующие ученые: Изотов Д.А. [8. С. 56-72], Гатауллина С.Ю. [4. С. 70-75], Ларин А.Г. [9. С. 51-70], Лоханин А.М., Оторочкина А.Е. [10. С. 108-115] и др. При этом уделяется внимание или же одной из сфер взаимодействия между Россией и КНР на Дальнем Востоке, например, туризму или энергетической сфере, или же внешняя политика Китая рассматривается в целом, где роль Дальнего Востока является лишь эпизодической. В данной научной статье делается попытка рассмотреть место Дальнего Востока России во внешней политике КНР в общей структуре международной системы отношений.

С точки зрения физико-географического подхода положение Дальнего Востока России является достаточно удачным, а внешняя политика Китая относительно данного региона имеет все шансы давать положительный результат, как для Китая, так и для России. Так Дальневосточный регион имеет практически 1700 км выхода к Тихому океану, 4200 км общую границу с Китаем, 3500 км общую границу с Монголией и 17 км общую границу с КНДР. При этом Дальневосточный регион России имеет общую морскую границу с Японией (195 км) и США (49 км). Все это создает благоприятные условия для развития сотрудничества в области логистики. Так, Китай является одним из основных инвесторов в реализации программы свободных портов на Дальнем Востоке: инвестиции из КНР поступили в порт Ванино и Владивосток, при этом также во Владивостоке присутствуют инвестиции из специального административного района Сянган [18]. Одновременно указывает на потенциал развития приграничных взаимоотношений общее количество пунктов пропуска, но вместе с тем указывает и на неполноценное использование приграничного потенциала сотрудничества в условиях разворота России к Азии.

При этом сложности реализации приграничных проектов на Дальнем Востоке России с привлечением инвесторов из Китая диаметрально противоположно трактуются различными исследователями: так согласно Московскому центру Каргени «... регионы [России], получая запрос центра, в ответ отсылали списки стандартных предложений для крупных инвесто-

ров, не корректируя их под цели и задачи программы и, скорее всего, имея о них крайне смутное представление [12]», тогда как в аналитическом докладе «Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия» отдела китайских исследований Центра азиатско-тихоокеанских исследований указывается, что «... Искаженная картинка, прежде всего через статистику, компенсируется богатыми знаниями на нижних эшелонах власти. Проблема заключается лишь в том, что как нередко указывали представители органов МСУ, знания низового уровня не всегда востребованы «наверху» ...» [1]. По своей сути обо выводе друг другу противоречат, но при этом в обеих публикациях отмечено, что из-за слабой проработанности региональных проектов, происходит концентрация на глобальных проектах, тем самым нивелирую синергетический эффект и по сути продолжая советский подход, когда было актуально использование эффекта масштаба. Так в 2020 г. были утверждены проекты инвестиционного сотрудничества на 107 млрд. долларов США [15].

С 2014 г. по 2020 г. было реализовано 17 инвестиционных проектов: «Освоение Быстринского месторождения в Забайкальском крае» и «Создание Российско-Китайского агрохолдинга на Дальнем Востоке с АО «Легендагро Холдинг». К 2020 г. первая партия медного концентрата Быстринского горно-обогатительного комбината была экспортирована в Китай, а АО «Легендагро Приморье» совершена первая экспортная поставка нескольких тысяч тонн кукурузы. Завершены работы по строительству пограничного мостового перехода через реку Амур (Хэйлунцзян) Благовещенск – Хэйхэ, постройка которого началась от 1995 г. [12]. Российская и китайская стороны намерены предпринять все необходимые меры для скорейшего запуска движения по новому мостовому переходу [15]. При этом стоит учитывать опыт постройки моста – перехода через реку Амур (Хэйлунцзян) Благовещенск – Хэйхэ, для активизации процесса согласования, финансирования и сдачи в эксплуатацию подобных сооружений логистического значения.

В настоящее время 26 инвестиционных проектов находятся в стадии реализации. Большая часть компаний-операторов проектов, успешно сдав первую очередь строительства, приступает ко второй и увеличивает объем выпуска продукции [15].

Кроме этого стоит указать на наличие значительных запасов полезных ископаемых, разработка которых является привлекательной для Китая посредством участия в проекте «Сила Сибири» и в течение 30 лет предполагается, что по данному газопроводу в Китай из России будет поставлено свыше триллиона кубических метров газа [13].

Реализация энергетических проектов на Дальнем Востоке с участием Китая является одним из основных направлений внешней политики КНР по диверсификации поставок энергоносителей как одной из главных стран импортеров нефти и газа в мире [20].

Также в блоке физико-географических предпосылок реализации внешней политики Китая по отношению к Дальнему Востоку России можно выделить перспективы освоения лесных ресурсов и проблему существования незаконной вырубке леса с косвенным участием китайского бизнеса, в форме одного из основных потребителей продукции лесной промышленности Дальнего Востока. По данным экспертов, только в Приморском крае уровень незаконной вырубки может достигать до 1,9 млн. м³ в год [16]. Нерешенная проблема незаконной и неконтролируемой вырубки лесных богатств, вместе с глобальным изменением климата [6] могут привести к неконтролируемым последствиям в сфере экологии Северной Азии [5] и Восточной Азии.

Основными составляющими политико-географического положения является выгодное расположение, особенно ввиду глобального изменения климата, как результат Дальний Восток России может стать одним из ключевых регионов в реализации проекта «Один пояс – Один путь» [17. С. 86-97] и активного проведения арктической политики Китая. Дальний Восток России имеет непосредственный выход к Северному Ледовитому океану, тогда как ни один регион КНР не имеет прямого выхода к самому малому океану мира, и соответственно его арктическая политика реализует иные интересы страны в Арктике. Прежде всего, этого связано с поиском наиболее выгодного морского пути в страны ЕС для поддержания конкурентоспособности собственного экспорта путем снижения транспортных издержек [11], а также поддержания статуса сверхдержавы, на которую КНР по основным параметрам претендует (размер ВВП, размер военного бюджета, общий объем золотовалютных запасов и т.д.).

На официальном уровне КНР обосновывает собственные интересы в арктическом регионе беспокойством об экологии, максимальной свободе судоходства [19] и стремится проводить научные исследования. Данные тезисы подтверждаются тем, что на текущий момент в Китае самый большой рынок возобновляемых источников энергии [3; 2], а изменения климата в Арктике с помощью воздушных потоков напрямую влияют на климатические процессы в различных регионах Китая.

Также официальный Пекин обосновывает собственные интересы в арктическом регионе разработкой природных ресурсов. В «Белой книге» Госсовета Китая эти планы обозначены следующим образом: использование арктических морских путей и освоение природных ресурсов «чрезвычайно влияют на энергетическую стратегию и экономическое развитие Китая» [22].

Естественным образом для России в условиях санкционного противостояния со странами Запада наличие Китая в Арктическом регионе как союзного игрока может быть выгодно. Но с другой стороны, именно страны Запада (США, Канада, Норвегия, Исландия и Дания через Гренландию) имеют устойчивый выход к Арктике и их интересы совпадают с интересами России в стратегической перспективе хоть и на конкурентной нынешней осно-

ве: добыча полезных ископаемых с учетом экологической безопасности для прибрежных регионов, защита прав малых народов Арктики и комплексное развитие арктического региона, которое возможно только в сотрудничестве стран, которые имеет выход к Северному Ледовитому океану [14].

Одним из основных сложностей полноценного развития Дальнего Востока России, в том числе и в русле внешней политики Китая, которая часто проводится с помощью инвестиций, является слабая заселенность данного региона. Так на 2020 г. население Дальневосточного федерального округа России составило более 8 млн. человек [21], но при этом только население одной соседней провинции Хэйлуцзян порядка 40 млн. человек [23], что часто вызывает тревогу в России возможной демографической экспансией Китая на территорию Дальнего Востока [7].

Таким образом, внешняя политика Китая относительно российского Дальнего Востока основана на прагматическом подходе Китая относительно решения серьезных вызовов, которые стоят перед ним в начале XXI в. на пути становления как одной из сверхдержав современности: доступа к ресурсам планеты (энергетическим, лесным и биологическим); наиболее благоприятного логистического доступа к основным торговым партнерам (страны Запада); доступа к научному изучению стремительно меняющегося климату планеты. При этом, Дальний Восток России в стремительно меняющемся мире, в экономической и экологической сферах будет играть все более существенную роль, что потребует от КНР комплексного подхода к взаимодействию с пограничным русским регионом на взаимовыгодных условиях для нивелирования страха относительно демографического дисбаланса между странами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аналитический доклад «Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия» отдела китайских исследований Центра азиатско-тихоокеанских исследований // <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>.

2. *Баранюк К.* Как Китай возглавил мировое производство солнечной энергии // <https://www.bbc.com/russian/features-40367429>.

3. Большие надежды. Сделки М&А в возобновляемой энергетике // <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2018/05/ru-ru-renewables-report-full-year-data-2017.pdf>.

4. *Гатауллина С.Ю.* Развитие сотрудничества Приморского края и северо-востока КНР в сфере туризма // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2014. № 15.

5. *Демченко Н.* Дым от пожаров в Сибири достиг США и Канады // <https://www.rbc.ru/society/01/08/2019/5d42b1ff9a794773f8c45aa8>.

6. Дивный новый мир // <https://lenta.ru/articles/2019/06/08/siberian/>.
7. Дудченко Г. Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе // <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0165/analit06.php>.
8. Изотов Д.А. Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции. прогноз*. 2019. Т. 12. № 2.
9. Ларин А.Г. К анализу новых моментов во внешней политике КНР // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2014. № 19.
10. Лоханин А.М., Оторочкина А.Е. Россия и КНР: взаимное восприятие внешней политики соседа (2000-2010) // *Вестник ВУиТ*. 2014. № 3 (16).
11. Мацонг Е. Риски Арктики. Может ли Северный морской путь составить конкуренцию Южному, через Суэцкий канал? // <https://rg.ru/2019/01/28/mozhet-li-severnyj-morskoj-put-sostavit-konkurenciiu-iuzhnomu.html>.
12. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества // <https://carnegie.ru/commentary/77081>.
13. Путин и Си Цзиньпин запустили газопровод «Сила Сибири» // <https://rg.ru/2019/12/02/putin-i-si-czinpin-zapustili-gazoprovod-sila-sibiri.html>.
14. Россия и Китай в Арктике: сотрудничество, соперничество и последствия для евразийской безопасности // <https://carnegie.ru/commentary/81384>.
15. Россия и Китай утвердили перечень значимых проектов инвестиционного сотрудничества на 107 млрд долларов // https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_utverdili_perechen_znachimyh_proektov_investicionnogo_sotrudnichestva_na_107_mlrld_dollarov.html.
16. Российско-китайская торговля лесом и нелегальная заготовка древесины в Сибири и на Дальнем Востоке // http://www.enpi-fleg.org/site/assets/files/1449/russian_chinese_ttrade.pdf.
17. Самусева О.А. Оценка и анализ целесообразности участия различных стран Евразии в проекте «Пояс и Путь» // *Восточная аналитика*. 2018. № 3.
18. Свободный порт Владивосток // <https://minvr.gov.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/>.
19. Свободное судоходство в ЮКМ не подверглось негативному влиянию – МИД КНР // http://russian.news.cn/2016-03/03/c_135152845.htm.
20. Тинтин Ф. Энергетический фактор во внешней политике КНР // <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2011/8/east-asia-prospects-of-development/energy-factor-in-prcs-foreign-policy>.
21. Численность постоянного населения на 1 января // <https://showdata.gks.ru/report/278928/>.
22. Это план Китая по завоеванию Арктики // <https://www.welt.de/wirtschaft/plus218265264/Polare-Seidenstrasse-Das-ist-Chinas-Plan-fuer-die-Eroberung-der-Arktis.html>.
23. CHINA: Hēilóngjiāng // <https://www.citypopulation.de/de/china/cities/heilongjiang/>.

VAN CZIN'HUJEJ

*Graduate student of Department of Political
Science of the East of the Institute of Asia and Africa,
Moscow State University Lomonosov,
Moscow, Russia*

CHINA'S FOREIGN POLICY IN THE FAR EAST: PROBLEMS AND PROSPECTS

The reversal of Russia's policy towards Asia has intensified in connection with the "sanctions standoff" with Western countries led by the United States. An important region of interaction between Russia and the countries of the East is the Russian Far East, and the main partner of Russia in the Asian region is the People's Republic of China. At the same time, China has and conducts an independent foreign policy regarding this border region, aimed at promising solutions to problems in the field of ecology, demography, geopolitics, economy and security. Thus, the purpose of this article is to identify the place and role of the Russian Far East in China's foreign policy. As research tasks: characterization of the uniqueness of the Far Eastern region of Russia in the system of international relations, the study of the features of China's foreign policy. The subject of the study is the policy of the People's Republic of China in the Far East.

Key words: *foreign policy, People's Republic of China, Far East, Asia-Pacific, East Asia.*

ПРОГРЕСС В НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КАТАРОМ И АРАБСКОЙ «ЧЕТВЕРКОЙ» ВО ГЛАВЕ С САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ: ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В исследовании рассматриваются результаты саммита Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в Саудовской Аравии, прошедшего в начале 2021 года, на котором формально был положен конец Катарскому дипломатическому кризису. Цель данной статьи – проанализировать предпосылки и перспективы дальнейшей нормализации отношений между Катаром и странами арабской «четверки». Основные задачи, решаемые автором, включают в себя: изучение причин, приведших к началу кризису в 2017 году; рассмотрение итогов более чем трехлетнего конфликта между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом, Бахрейном; анализ тех факторов, которые привели к урегулированию данного конфликта, как в рамках двусторонних отношений, так и с учетом региональной и международной повестки, и возможностей для дальнейшего развития отношений между вышеперечисленными странами. Автор, проводя анализ в рамках традиционной для востоковедческих исследований реалистической парадигмы международных отношений, уделяя внимание положениям либерального институционализма, использует сравнительный, системный и исторический методы политологии. В результате в статье показано, что, хотя Катарский дипломатический кризис де-факто полностью не разрешен, на данном этапе Катар вынудил страны арабской «четверки» и, прежде всего, Саудовскую Аравию пойти на серьезные уступки и отказаться от ранее выдвинутого ультиматума. Делается вывод о том, что основное противостояние внутри Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива теперь сместится в сторону катарско-эмиратского трека, при этом Катар не откажется от своих претензий на региональную гегемонию и будет «развивать» свое главное оружие – влияние пропаганды «братьев-мусульман».

Ключевые слова: Катарский дипломатический кризис, политическое урегулирование, нормализация отношений, арабская «четверка», «братья-мусульмане», «Аль-Джазира», Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, региональный конфликт.

В начале января 2021 года перед саммитом Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее – ССАГПЗ) стало известно об открытии воздушных и сухопутных границ между Катаром и странами «арабской четверки» – Саудовской Аравией, Бахрейном, ОАЭ и Египтом. На самом саммите, который прошел в Саудовской Аравии в городе Аль-Ула, 5 января 2020 было подписано Заявление о перемирии между арабскими странами [22]. Это событие, по мнению многих специалистов, стало важной и завершающей точкой Катарского дипломатического кризиса [1; 10]. Однако представляется, что ситуация, которая сложилась внутри ССАГПЗ и между странами арабской «четверки» и Катаром, гораздо сложнее и запутанней. Таким образом, цель данного исследования – провести комплексный анализ тех предпосылок, которые сделали урегулирование возможным, а также перспектив дальнейшей нормализации отношений между Катаром и странами арабской «четверки».

Прежде всего, необходимо обозначить и проанализировать причины Катарского дипломатического кризиса, требования, выдвинутые по отношению к Катару, и итоги более чем трехлетнего противостояния внутри арабского «хартленда».

Если говорить о внутреннем двигателе противоречий между Катаром и арабской «четверкой», то им являлись всевозрастающие амбиции и влияние Катара, опирающиеся, прежде всего, на сверхдоходы от экспорта натурального газа и популярность телеканала, и медиа-империи «Аль-Джазира» [18]. Эти факторы стало невозможно игнорировать после начала «арабской весны», когда семья Аль Тани поддержала движение «братьев-мусульман» и «исламскую демократию» в арабском мире, а Саудовская Аравия и ОАЭ оказались на стороне «консервативных» и «авторитарных» лидеров – Абдель Фаттаха ас-Сиси в Египте, Халифы Хафтара в Ливии и ряда других [2; 4; 5]. В 2017 году это противостояние вылилось в Катарский дипломатический кризис. Арабская «четверка» и ряд присоединившихся к ней стран-клевретов выдвинули Катару ультиматум, включавший 13 требований. Главные из них заключались в следующем: прекратить поддержку ассоциации «Братьев-мусульман» (одна из наиболее влиятельных исламистских организаций в мире, запрещена на территории РФ) и других «террористических организаций»; остановить вещание телеканала «Аль-Джазира» и некоторых других СМИ (в том числе, порталов «Аль-Араби аль-Джадид» и Middle East Eye); закрыть турецкую военную базу в Катаре; остановить экономические и политические контакты между Эмиратом и Ираном [7; 17].

Многие эксперты указывали на то, что этот ультиматум и обвинения имели смысл в качестве «теодицеи» силовой смены режима в Катаре [7. С. 258]. Однако после фактического запрета со стороны США на какие-либо военные операции против семейства Аль Тани, шансы на то, что газовый гигант решит хотя бы частично выполнить эти требования, стали минимальными.

За период 2017-2020 годов Катар смог практически полностью преодолеть зависимость от сухопутных поставок товаров через границу с Саудовской Аравией, расширил сотрудничество со старыми и новыми партнерами, прежде всего, в военно-технической сфере [14]. Так, в течение этих трех лет Эмират закупил более 100 американских, французских и британских боевых самолетов [16; 19], немецкие реактивные системы залпового огня и танки Leopard 2A7 [15], итальянские корветы и подводные лодки, китайские баллистические ракеты малого радиуса действия, турецкие беспилотники Bayraktar TB2 [14; 20] и даже российские системы обнаружения и стрелковое оружие [3; 11]. Нельзя не отметить успешную кампанию по защите интересов Катара в военном и политическом истеблишменте США, когда катарским лоббистам удалось блокировать усилия ОАЭ и Саудовской Аравии по «демонизации» Эмирата, прежде всего, уменьшив влияние посла ОАЭ в Вашингтоне Юсефа аль-Отейбы. Успехов не достигла и финансовая война против Катара. Базирующийся в ОАЭ First Abu Dhabi Bank, саудовский Samba Bank и зарегистрированный в Люксембурге Banque Havilland, также связанный с ОАЭ, пытались девальвировать катарскую валюту и государственные казначейские обязательства, устроив скоординированные «распродажи». Однако глубины катарского финансового портфеля оказалось достаточно для отражения этой диверсии [12; 17]. Впоследствии Катар перешел в контратаку на юридическом поле и подал иски в Лондоне и Нью-Йорке о манипуляции и враждебных действиях [21]. Кроме того, успехи и расширение влияния Катара на Ближнем Востоке и в Северной Африке совпали с развалом «арабского НАТО» – военной коалиции во главе с Саудовской Аравией, созданной для интервенции в Йемен. К 2020 году из нее вышли все участники, включая ОАЭ. Наследный принц Абу-Даби Мухаммад ибн Зейд достиг своих стратегических задач – ОАЭ получили фактический контроль над югом Йемена – и оставил Саудовскую Аравию в сложном положении один на один с хуситами [7; 13].

Заметим, что среди всех нефтяных монархий Персидского залива только Саудовская Аравия обременена социальными обязательствами перед десятками миллионов жителей (население Королевства на конец 2019 года составляло более 34 миллионов человек, около 70 процентов из которых являются коренными жителями и гражданами). В то же время, Катар, например, несет социальные обязательства только перед 12 процентами (около 320 тысяч человек) населения, которые имеют гражданство. Остальные почти 2,5 миллиона жителей – это трудовые мигранты без гражданства. Именно поэтому йеменская кампания на фоне ряда других проблем серьезно сказалась на финансовых возможностях саудитов, что, в свою очередь, вызвало постепенную утрату «оплачиваемой» лояльности к семье Аль Сауд со стороны многочисленных группировок и племен как в Сирии и Ираке, так и в Ливии, странах Африканского Рога.

Еще одним комплексным и важным фактором, приведшим к нормализации отношений между Катаром и Саудовской Аравией, является приближающийся процесс передачи власти от короля Салмана ибн Абдул-Азиза к его сыну, наследному принцу, Мухаммеду ибн Салману. Этот вопрос изначально предполагал серьезную внутривластную турбулентность в Саудовской Аравии, так как впервые в истории власть после изменения порядка престолонаследия должна перейти не к одному из сыновей основателя современного саудовского государства Абдул-Азиза Аль Сауда, а к его внуку [13]. Хотя кронпринцу Мухаммеду ибн Салману удалось предпринять удачные шаги по укреплению своего положения, оппозиция внутри королевской династии продолжает существовать. Прежде всего, речь идет о Мухаммеде ибн Наифе, который был наследным принцем с 2015 по 2017 год, а сейчас пользуется поддержкой своего дяди Ахмеда ибн Абдель-Азиза – брата действующего короля. Ситуация еще может осложниться тем, что новая американская администрация во главе с Джо Байденом вряд ли будет игнорировать систематические нарушения прав человека властями Саудовской Аравии и продолжит «закрывать глаза» на убийство журналиста Джамала Хашогги в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле 2 октября 2018 года [10]. Организацию этого преступления связывают лично с Мухаммедом ибн Салманом. Таким образом, находясь в состоянии холодной войны с Катаром, который направляет пропаганду не только медиа-империи «Аль-Джазира», но и в значительной мере влияет на всю исламскую умму через «братьев-мусульман», стало непозволительной роскошью для Саудовской Аравии.

Прежде чем перейти к анализу самого процесса нормализации отношений и дальнейших перспектив развития политической парадигмы внутри ССАГПЗ, внимательно рассмотрим еще три фактора. Первый, который можно назвать «катализатором» урегулирования, это пандемия коронавируса, приведшая к драматическому падению цен на углеводороды в 2020 году и продолжающейся волне «локдаунов» по всему миру. Рынок нефти удалось стабилизировать лишь благодаря сделке ОПЕК+, в рамках которой Саудовская Аравия пошла на дополнительные колоссальные сокращения добычи на своих месторождениях. Кроме того, из-за эпидемии COVID-19 саудитам пришлось отменить хадж для зарубежных паломников, что всегда было важной статьей доходов бюджета и домохозяйств Королевства. Принимая во внимание финансовое «бремя» йеменской кампании, о котором упоминалось выше, становится понятно, почему Мухаммад ибн Салман оказался готов к переговорам с Катаром.

Вместе с тем, ошибочно было бы предполагать, что Катар воспринимает урегулирование дипломатического кризиса как чистую победу. Эмир Катара Тамим бин Хамад Аль Тани достаточно прагматичный лидер, который хорошо осознает «хрупкость» того положения, которое его государство за-

няло в региональных отношениях [9]. Эмират в проводимой им политике во многом опирается не на устойчивые и фундаментальные факторы: численность населения, современную и большую армию, диверсифицированную мощную промышленность, а на сложную и противоречивую систему «сдержек и противовесов», состоящую из военных, политических и экономических союзов, дипломатической игры, лоббирования своих интересов в США, Европейском Союзе, Великобритании и т.д.

В таких условиях налаживание отношений Катара с Саудовской Аравией – исторически одним из наиболее близких союзников, важно и для семейства Аль Тани, учитывая, что культурно, этнически и религиозно эти две страны наиболее близки, являются приверженцами арабской идентичности, имеют крепкий базис для сотрудничества. И, наоборот, тесное и растущее взаимодействие Катара с Турцией, которая открыто придерживается идеи пантюркизма и претендует на эксклюзивную лидерскую роль в исламском мире, или «заигрывания» с Ираном, где большинство населения исповедует шиизм, при явной тактической выгоде в стратегической перспективе несут больше рисков и опасностей. Следует учитывать и предстоящий в 2022 году Чемпионат мира по футболу, который Катар надеется провести на самом высоком уровне, без скандалов и провокаций, и тем самым значительно повысить свой авторитет среди арабских стран и на международной арене.

Наконец, анализируя процесс налаживания отношений между Катаром и «арабской четверкой», следует иметь в виду, что у него есть несколько измерений. Если с точки зрения снятия конкретных ограничительных мер, сухопутной и воздушной блокады урегулирование между Катаром и Саудовской Аравией занимает центральное место в разрешении Катарского дипломатического кризиса, то конфликт между Катаром и ОАЭ, Египтом, Бахрейном менее выражен: страны не имеют общих сухопутных границ и значимого для Катара воздушного пространства. Таким образом, как формальная нормализация, так и ухудшение отношений между этими странами могут быть некоторым фарисейством для создания определенной картины, предназначенной для мирового сообщества и СМИ. При этом насколько изменится реальная картина взаимоотношений, будет зависеть от непубличных договоренностей и действий.

Переходя к рассмотрению итогов саммита ССАГПЗ в Саудовской Аравии, необходимо разобрать те основные и весьма ограниченные сведения, которые мы имеем и которые позволяют судить о будущем этого урегулирования.

Прежде всего, нельзя не согласиться с рядом экспертов, которые указывали на активную роль Джареда Кушнера – старшего советника и зятя бывшего президента США Дональда Трампа – в финальном этапе урегулирования Катарского дипломатического кризиса [23].

Чем была вызвана такая активность в последние месяцы президентства Трампа, особенно когда стало известно, что на второй срок он не проходит? Представляется, что Джаред Кушнер получил от президента карт-бланш

на выполнение ранее взятых обязательств, к которым исследователи относят: продолжение кампании по установлению дипломатических отношений между Израилем и странами ССАГПЗ, урегулирование конфликта внутри ССАГПЗ, подготовку единой арабо-израильской платформы для возможного противостояния Ирану, который объявил о решении обогащать уран до «оружейного» [23]. Подобное повышение ставок со стороны Исламской Республики должно пойти на пользу прочности достигнутых в Аль-Уле соглашений, так как, скорее всего, отпугнет осторожное и прагматичное руководство Катара от дальнейшего расширения взаимодействия с Ираном.

Вместе с тем, ряд факторов серьезно нарушают оптимистическую картину арабского единства.

Во-первых, на саммите отсутствовали наследный принц Абу-Даби Мухаммед ибн Зейд, король Бахрейна Хамад Аль Халифа и президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси, что по условиям международного дипломатического языка говорит о том, что решение о примирении было вынужденным, соответственно, долгосрочные перспективы урегулирования остаются под вопросом [22].

Вместе с тем, было бы абсолютно неправильно говорить об условной конструкции Катар против «монолитной арабской тройки» – ОАЭ, Бахрейн и Египет. Напротив, каждая из этих стран теперь стремится решать вопросы отношений с Эмиратом в двустороннем формате.

Отсутствие Мухаммеда ибн Зейда вполне объяснимо: ОАЭ были одним из ключевых организаторов дипломатического кризиса. Более того, Катар и ОАЭ чрезвычайно схожи по геополитическим характеристикам, можно сказать, относятся к одному «политическому виду» – маленьких, финансово успешных и амбициозных государств, которые стремятся играть особую роль в регионе, а, как известно, внутривидовая конкуренция – это наиболее острая форма борьбы за существование. Представляется, что противостояние по линии Доха – Абу-Даби останется главным центром напряженности внутри ССАГПЗ, где Бахрейн, имеющий территориальные споры с Катаром, будет выступать на вторых ролях, лавируя между более агрессивной позицией ОАЭ и более «спокойной» позицией Саудовской Аравии для того, чтобы максимально защитить свои интересы и финансовую стабильность.

Более интересны для анализа перспективы нормализации между Катаром и Египтом. С одной стороны, в 2010-е годы Эмират серьезно вмешивался во внутренние дела Египта, фактически финансировал приход к власти Мухаммеда Мурси и «братьев-мусульман», прямыми оппонентами которых являются военные во главе с действующим президентом ас-Сиси [8]. С другой стороны, египетская экономика находится в тяжелом финансовом состоянии и нуждается в инвестициях, источником которых мог бы стать Катар. Кроме того, власти Египта не могли не оценить и тот факт, что за 2020 год поддержка египетских «братьев-мусульман» со стороны семейства Аль Тани значитель-

но уменьшилась, а «Аль-Джазира» заняла нейтральную позицию по отношению к президенту ас-Сиси. В ряде региональных конфликтов Египет также хотел бы найти поддержку со стороны Катара, в том числе, в Эфиопии, где в острую фазу входит спор из-за плотины «Возрождение», которая угрожает водной безопасности «страны пирамид» [6]. Суммируя все вышеперечисленные факторы, можно указать на то, что урегулирование и дальнейшее развитие отношений на треке Доха-Каир выглядит наиболее перспективно, хотя и сталкивается с рядом трудностей, обусловленных недавней историей.

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Прежде всего, драйвером нормализации отношений между Катаром и арабской «четверкой» стала позиция Саудовской Аравии, которая в силу указанных в исследовании факторов, была вынуждена пойти на такой компромисс. Кроме того, именно от Саудовской Аравии, имеющей сухопутные границы с Эмиратом и важное для Дохи воздушное пространство, зависела практическая реализация соглашений, достигнутых в Аль-Уле. Вместе с тем, если подход Саудовской Аравии можно обозначить как «центристский», то на одной стороне, в более радикальном поле, окажутся Бахрейн и ОАЭ, которые, в отличие от саудитов, имеют возможность не отказываться от части своих амбиций, а на другой – Египет, который видит большое пространство для взаимовыгодного сотрудничества с Катаром. Семейство Аль Тани, конечно, сохранит свои претензии на лидерство в арабском мире, однако будет стремиться поддерживать процесс нормализации, хотя бы до окончания Чемпионата мира по футболу в 2022 году.

Отдельно следует отметить, что Катар продолжит финансировать и пропагандировать идеи политического ислама «братьев-мусульман». Сегодня после разгрома Исламского государства (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) именно «братья-мусульмане» являются инклюзивным, международным и самым популярным исламистским движением, которое можно сравнить, например, с Интернационалами конца XIX – начала XX века. Во время «арабской весны» многие эксперты говорили о телеканале «Аль-Джазира» как об «информационной атомной бомбе», которую Катар сбросил на Ближний Восток и Северную Африку. Возможно, в будущем арабский мир столкнется с «информационной термоядерной бомбой» – исламским призывом к новым революциям. Катар же будет главным оператором этого процесса, так как именно на территории Эмирата вместе с многочисленными последователями и соратниками проживает и работает один из самых влиятельных исламских ученых, и неформальный лидер ассоциации «Братья-мусульмане» Юсуф аль-Кардави.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беленькая М.* Персидскому заливу добавили согласия. 05.01.2021 // Интернет-портал издания «Коммерсантъ» // <https://www.kommersant.ru/doc/4638903>.

2. *Васецова Е.С.* Основные тенденции развития ситуации на Ближнем Востоке // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2016. № 1.

3. *Васецова Е.С., Егоров И.С.* Сотрудничество Государства Катар и Российской Федерации в контексте региональных противоречий // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020. № 3.

4. *Васильев А.М.* Рецепты Арабской весны: Русская версия. М.: Алгоритм, 2012.

5. *Видясова М.Ф.* Арабская весна: разброс мнений. Размышления на полях одной книги // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2017. № 7.

6. *Видясова М.Ф.* Египет после революции 2011 года // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2013. № 11.

7. *Егоров И.С.* Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4.

8. *Егорова О.А.* Правление Мухаммеда Мурси в Египте: исторические уроки // Право и политика. 2017. № 11.

9. *Егорова О.А., Егоров И.С.* Феномен харизматического лидерства в постколониальный период в странах Азии и Африки // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2017. № 2.

10. *Кузнецов А.А.* Размышления по поводу катарско-саудовского примирения на саммите ССАГПЗ. Часть 1 // Официальный интернет-портал Института Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/?p=75074>.

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Катар о военно-техническом сотрудничестве от 25 октября 2017 года // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru // <http://docs.cntd.ru/document/555742718>.

12. Суверенный фонд Катара. Досье // ТАСС // <https://tass.ru/info/3852778>.

13. After the Al-Ula Summit: Prospects for a GCC Rapprochement. 13.01.2021 // Официальный интернет-портал подразделения Брукинского института // <https://www.brookings.edu/events/after-the-al-ula-summit-prospects-for-a-gcc-rapprochement/>.

14. *Gatopoulos A.* How the Gulf crisis spurred Qatar to expand its military. 05.01.2021 // Официальный сайт телеканал «Аль-Джазира» // <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/5/the-dramatic-expansion-of-qatars-military>.

15. Germany approves export of weapons systems to Qatar. 24.01.2019 // Официальный интернет портал информационного агентства «Reuters» // <https://www.reuters.com/article/us-germany-qatar-arms-idUSKCN1PI2CF>.

16. *Hodgson C.* Qatar has boosted spending by 282% to become the world's 3rd biggest weapons importer. 10.08.2017 // Официальный сайт издания «Businessinsider» // <https://www.businessinsider.com/qatar-becomes-worlds-third-biggest-weapons-importer-in-two-years-2017-8>.

17. How UAE tried to sabotage Qatar's economy amid the GCC crisis Rapprochement in the Gulf crisis may finally be in sight, but the blockade has changed Qatar's economy in many ways. 24.12.2020 // Официальный сайт телеканал «Аль-Джазира» // <https://www.aljazeera.com/economy/2020/12/24/how-uae-sabotage-qatar-economy-gcc-crisis>.

18. *Kamrava M.* Qatar Small State, Big Politics. Ithaca. L.: Cornell University Press, 2015.

19. Qatar flexes financial muscle with 12 billion euros of French deals. 07.12.2017 // Официальный интернет портал информационного агентства «Reuters» // <https://www.reuters.com/article/us-qatar-france-contracts-idUSKBN1E1162>.

20. *Shelton T.* US and Qatar ink deals for 'tremendous amounts' of military weapons and Boeing planes // Официальный интернет-портал информационного агентства «ABC» // <https://www.abc.net.au/news/2019-07-10/qatar-donald-trump-military-and-commercial-deals/11294500>.

21. The State of Qatar Files Lawsuit Against Currency Manipulators in New York and London Doha. 08.04.2019 // Официальный интернет портал новостного агентства Qatar News Agency // <https://news.qna.org.qa/lang/en/w/article/1554751110018764400>.

22. Transcript: Closing statement of 41st GCC summit. 07.01.2021 // Официальный сайт телеканал «Аль-Джазира» // <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/7/closing-statement-of-41st-gulf-cooperation-council>.

23. With Qatar feud solved, are Saudis better placed for Israel normalization? 05.01.2021 // Официальный сайт газеты Times of Israel // <https://www.timesofisrael.com/with-qatar-feud-solved-are-saudis-better-placed-for-israel-normalization/>.

I.S. EGOROV

*Post-graduate student of the Department
of Political Science of the East of the Institute of Asian and
African Studies of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

PROGRESS IN THE NORMALIZATION OF RELATIONS BETWEEN QATAR AND THE ARAB “QUARTET” LED BY SAUDI ARABIA: CAUSES AND PROSPECTS

The study examines the results of the Gulf Cooperation Council summit in Saudi Arabia in early 2021, which formally ended the Qatar diplomatic crisis. The purpose of this article is to analyze the background and prospects for further normalization of relations between Qatar and the countries of the Arab Quartet. The main tasks solved by the author include: studying the reasons that led to the

beginning of the crisis in 2017; consideration of the results of more than three years of conflict between Qatar and Saudi Arabia, UAE, Egypt, Bahrain; analysis of the factors that led to the settlement, both within the framework of bilateral relations and the regional and international agenda, and opportunities for the further development of relations between the countries. The author, conducting his analysis within the framework of the realistic paradigm of international relations that is traditional for oriental studies, paying attention to the provisions of liberal institutionalism, uses the comparative, systemic and historical methods of political science. As a result, the article shows that, although the Qatari diplomatic crisis is de facto not fully resolved, at this stage Qatar forced the countries of the Arab Quartet and, above all, Saudi Arabia to make serious concessions and abandon the previous ultimatum. It is concluded that the main confrontation within the GCC will now shift towards the Qatari-Emirates track, while Qatar will not abandon its claims to regional hegemony and will “develop” its main weapon – the influence of the “Muslim Brotherhood” propaganda.

Key words: *Qatari diplomatic crisis, political settlement, normalization of relations, Arab Quartet, Muslim brothers, Al-Jazeera, Cooperation Council for Arab States of the Gulf, regional conflict.*

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматриваются основные итоги проведенного исследования внутривнутриполитических, региональных и глобальных аспектов сирийского конфликта. При раскрытии данных вопросов, описываются результаты проведенного анализа основных оппозиционных сил и национальных интересов стран региона, в рамках описания перспектив развития сирийского конфликта и его влияния на систему региональных отношений. В частности, особое внимание уделено рассмотрению перспектив усиления геополитического влияния Ирана, которое вызывает беспокойство, как в США, так и в ряде стран региона. Также в статье рассматривается международное участие в политическом процессе урегулирования сирийского конфликта в рамках принятых резолюций Совета Безопасности ООН.

Ключевые слова: сирийский конфликт, Сирия, САР, Ближний Восток, урегулирование конфликтов, региональные и международные отношения.

Данная статья посвящена рассмотрению основных результатов проведенной исследовательской работы, объектом которой являлось – развитие и взаимовлияние сирийского конфликта и системы региональных и глобальных отношений.

За теоретическую основу проведенного исследования, среди основополагающих теоретических подходов, взяты теории реализма и либерализма, которые позволили провести анализ внутривнутриполитических, региональных и глобальных аспектов сирийского конфликта с различных точек зрения. В частности, теория реализма – способствовала рассмотрению сирийского конфликта, в ходе продвижения различными акторами региональных и глобальных отношений своих национальных интересов, путем применения силового воздействия в рамках реализации политической мощи государств, участвующих в сирийском конфликте. В свою очередь, теория либерализма,

исходя из принципов договорной и партнерской основы международных отношений, способствовала рассмотрению аспектов сирийского конфликта, связанных с его урегулированием, а также – его взаимовлиянием с развитием системы региональных и глобальных взаимоотношений.

Вместе с тем, значительное влияние на формирование теоретических подходов к рассмотрению внутригосударственных, региональных и глобальных аспектов сирийского конфликта, повлияли работы Г. Киссенджера «Мировой порядок», С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и Р. Каплана «Мечь географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного» [6; 12; 5].

В ходе исследования, автор прибегал к анализу работ российских, казахстанских и западных экспертов и научно-исследовательских центров, а также опубликованных материалов структурных подразделений ООН, Всемирного банка, Бюро статистики Сирийской Арабской Республики, российских, западных и ближневосточных СМИ.

На основе проведенного анализа внутриполитических аспектов сирийского конфликта, рассмотрены позиции основных оппозиционных социально-политических формирований, участвующих в его развитии.

В частности, основной политической структурой, находящейся за пределами Сирийской Арабской Республики, но стремившейся к объединению и координации действий оппозиции, участвующей в конфликте на территории Сирии, являлся созданный 2 октября 2011 года в Стамбуле «Сирийский национальный совет» (СНС/СНС), который был переформирован 11 ноября 2012 года в Дохе в «Сирийскую национальную коалицию», известную также как «Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил» (СНК или НКСРОС/СОС). При рассмотрении данных структур оппозиции, необходимо обратить внимание на то, что они признавались, в-первую очередь – западными странами, как легитимные представители сирийской оппозиции, но, тем не менее, фактически, не были способны к оказанию значительного влияния на внутренние процессы развития и урегулирования сирийского конфликта, о чем неоднократно подчеркивали российские и западные эксперты [13; 14].

Среди структур вооруженной оппозиции необходимо выделить – «Свободную сирийскую армию» (ССА/ФСА), образованную 29 июля 2011 года 7 дезертировавшими из правительственных войск офицерами, во главе с Риядом аль-Асаадом [16]. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение инициатив США по подготовке и поддержке вооруженных формирований, так называемой «умеренной оппозиции», которые также часто именуют как – «вооруженная оппозиция» в районе базы США эт-Танф, расположенной на границе с Ираком. Основными целями так называемой «Новой сирийской армии», сформированной при основном участии США, а также КСА и Катара в Иордании в 2015 году, являлось свержение правительственного

режима Б. Асада, а также противостояние террористической организации ИГИЛ. Вместе с тем, в ходе развития конфликта, участие «Новой сирийской армии» в значительном вооруженном противостоянии с террористическими группировками не наблюдалось. Вместе с тем, поддерживаемые США отряды вооруженной оппозиции, взяли под контроль значительную часть приграничной территории, расположенной в районе пропускного пункта эт-Танф, расположенного на юго-востоке Сирии, вдоль основной магистральной трассы, соединяющей Дамаск и Багдад.

Продолжая анализ основных участников сирийского конфликта, необходимо особо выделить террористические группировки, деятельность которых предлагается рассматривать – как основную угрозу международной безопасности, вследствие нанесения наибольшего ущерба в ходе развития сирийского конфликта, а также наличия значительного потенциала распространения теории и практики религиозного экстремизма и терроризма в региональном и глобальном масштабах.

При этом, в ходе проведенного исследования сирийского конфликта, обращено особое внимание на парадоксальный, на первый взгляд, алгоритм его развития, связанный с содержанием и направленности первоначальных целей и требований ведущих оппозиционных сил – к демократическим преобразованиям и смене руководства страны, обеспечению и защиты прав и свобод, которые были, впоследствии, перехвачены, развиты и замещены доминирующим влиянием постулируемых целей религиозно-мотивированных террористических группировок. Более подробно, алгоритм перехода на радикальные позиции значительной части протестующих был рассмотрен ранее [9] и, вместе с тем, находил некоторые параллели в проведенной исследовательской работе казахстанских исследователей по схожей проблематике [1].

Продолжая рассмотрение основных участников сирийского конфликта на внутригосударственном уровне, необходимо отдельно выделить роль курдов, стремящихся к созданию национальной автономии – Рожавы и являющихся основными участниками «Партии демократического единства» (ПДЕ/РУД) и имеющих эффективные мужские и женские отряды народной самообороны (YPG и YPJ, соответственно). При рассмотрении участия сирийских курдов в развитии событий конфликта, важно обратить внимание на их характер действий, который можно описать – как выбор некоего «третьего пути». Иными словами, пользуясь прямой поддержкой США, сирийские курды могут вступать во взаимодействие с проправительственными силами (в качестве примера можно привести – операцию по освобождению Алеппо) и, при этом, противостоять, как структурам вооруженной оппозиции (в-первую очередь – ориентированными на Турцию), так и террористическим группировкам.

По результатам проведенного исследования региональных аспектов сирийского конфликта, рассмотрены внутривосточные императивы Тур-

ции, Катара и Королевства Саудовская Аравия, а также Ирана и Израиля, стремившихся к обеспечению и продвижению своих национальных интересов и реализовавших ряд инициатив, повлиявших на ход развития сирийского конфликта.

В частности, Турция стремилась к реализации своей новой внешнеполитической доктрины, на формирование которой определяющее влияние оказал А. Давутоглу и его работа «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» [15; 4]. Вместе с тем, к основным определяющим факторам, повлиявшим на изменение направления развития внутривосточной жизни Турции, необходимо отнести приход к власти в результате выборов в 2002 году «Партии справедливости и развития», изменившей вектор развития общественных отношений в сторону усиления религиозного фактора, вопреки изначально провозглашенного – с момента образования Турецкой Республики, курса на построение светского государства. Таким образом, благодаря А. Давутоглу были заложены рационально-обусловленные концепции внутри внешнеполитической доктрины Турции, способной реализовывать свои внешнеполитические интересы, не как региональной страны, являющейся мостом между Востоком и Западом, но – как ключевого актора, имеющего влияние не только на Ближнем Востоке, но и в Центральной Азии, Европе, Кавказе, Балканском регионе, Средиземном, Черном и Каспийском морях. В свою очередь, в общественном сознании широких масс Турции, в связи с влиянием правящей партии, был передан мощный импульс к изменению и формированию религиозно-ориентированного восприятия происходящих процессов, как внутри страны, так и за ее пределами.

Вместе с тем, рассматривая одни из наиболее примечательных аспектов взаимовлияния сирийского конфликта и развития системы региональных отношений, необходимо подчеркнуть текущие процессы усиления позиций Исламской Республики Иран. Несмотря на политическое противостояние с США, а также со странами региона, в лице Турции, арабских монархий Персидского залива и Израиля, Ирану удалось не только сохранить свое политическое влияние, но и расширить его, что вызывает особое беспокойство у западного экспертного сообщества, уделяющего данному процессу пристальное внимание [17].

Проводя ретроспективный анализ развития системы региональных отношений, к месту, следует отметить, что Ирак при С. Хусейне – играл особую роль в региональном балансе сил, так как противостоял, как шиитскому Ирану, так и суннитским монархиям Персидского залива. Однако после вторжения США в Ирак в 2003 году, созданный хаос, впоследствии, породил религиозно-мотивированную террористическую организацию «ИГ», которая в ходе расширения поля своего присутствия была переименована в «ИГИЛ» (террористическая организация, запрещенная в ряде стран, включая Российскую Федерацию и Республику Казахстан). Вместе с тем,

в образованном в Ираке политическом вакууме, укрепили свои позиции проирански-ориентированные политические силы, которые уже в 2005 году начали играть одну из определяющих ролей во внутривнутриполитической жизни Ирака. Таким образом, каким бы это парадоксальным не было, но именно за счет жизней американских солдат и финансовых средств американских налогоплательщиков, Исламская Республика Иран – укрепила свои позиции в Ираке.

Учитывая выше изложенное, на основе текущих тенденций развития региональных отношений, необходимо сделать вывод, что в рамках реализации своих национальных интересов, Иран успешно преодолевает усилия США по его сдерживанию, а также успешно реализует инициативы, направленные на увеличение своего военного, культурного, политического и экономического влияния в регионе. В частности, Исламская Республика Иран, в Ливане – имеет связи солидарности и рычаги политического влияния благодаря Хезболле, в Сирии – вследствие выстроенных отношений с правительством и прямым военным участием в конфликте, в Ираке – вследствие свержения прежнего режима и усиления политического влияния шиитов, в Йемене – благодаря шиитам-зейдитам, именуемых «Хуситами». Кроме того, ИРИ имеет перспективы влияния на шиитское население КСА, проживающее именно в районах, богатых энергоресурсами, не говоря уже о возможном продвижении политических интересов в иных странах Персидского залива.

С учетом выше изложенного, необходимо подчеркнуть, что развивающиеся тенденции укрепления регионального влияния Ирана – вызывают особое беспокойство не только у арабских монархий Персидского залива, стремившихся в ходе развития сирийского конфликта к реализации своих геополитических интересов [10], но и у Израиля. В этой связи, в ходе проведенного исследования отдельное внимание было уделено рассмотрению национальных интересов Израиля, среди которых, необходимо особо выделить – недопущение возможности военных действий на своей территории, а также недопущение даже минимальных боевых потерь, которые крайне тяжело воспринимаются в израильском обществе и, как правило, оказывают определяющее влияние на внутривнутриполитическую борьбу и смену руководства страны.

В целях рассмотрения международного участия в политическом процессе урегулирования сирийского конфликта, уделено особое внимание и произведен анализ следующих резолюций Совета Безопасности ООН:

1. Резолюция 2042 от 14 апреля 2012 года.
2. Резолюция 2043 от 21 апреля 2012 года.
3. Резолюция 2118 от 27 сентября 2013 года.
4. Резолюция 2165 от 14 июля 2014 года.
5. Резолюция 2254 от 18 декабря 2015 года.

6. Резолюция 2268 от 26 февраля 2016 года.

7. Резолюция 2336 от 31 декабря 2016 года.

Проводя анализ обозначенных Резолюций Совета Безопасности ООН, обращено внимание на их ключевой принцип, в соответствии с которым – постоянно подчеркивается и подтверждается решительная приверженность суверенитету, независимости и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики.

Продолжая рассмотрение процесса урегулирования сирийского конфликта, необходимо подчеркнуть, что особого внимания заслуживает рассмотрение международных инициатив, разработанных при содействии ООН в Женеве, которые, впоследствии, были закрепленные в Заключительном коммюнике «Группы действий» по Сирии от 30 июня 2012 года [8; 3]. Здесь необходимо подчеркнуть, что на основании женевского формата переговорного процесса и выстроен весь процесс международного участия в урегулировании сирийского конфликта, что крайне важно – закрепленный в Резолюциях СБ ООН.

Вместе с тем, с целью анализа многостороннего участия в процессе урегулирования сирийского конфликта рассмотрены политические инициативы, направленные на урегулирование конфликта со стороны двусторонних позиций России и Турции [7], а также трехсторонних – со стороны России, Турции и Ирана [11]. Благодаря предпринятым дипломатическим усилиям данных стран, во время острой фазы вооруженного конфликта в САР, удалось перевести вооруженный конфликт в процесс дипломатического урегулирования, путем прекращения огня и последующего участия сторон в переговорном процессе.

Подчеркивая важность Женевского формата урегулирования сирийского конфликта, отдельное внимание уделено рассмотрению дипломатических успехов «Астанинского процесса» по урегулированию сирийского конфликта, проводимого в соответствии с резолюцией СБ ООН (2336) в столице Казахстана – городе Нур-Султан. Резолюция 2336 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7855-м заседании 31 декабря 2016 года – закрепила необходимость проведения переговорного процесса в столице Казахстана и уже 23-24 января 2017 года – состоялся первый раунд переговоров, начальным успехом которого являлось участие сторон, представляющих различные внутриполитические силы САР.

К особо-важным итогам переговорного процесса в г. Нур-Султан, следует отнести: положение о примирившимся районе с определением статуса, полномочий и обязательств стран-гарантов, позволяющий укрепить режим прекращения боевых действий (далее – РПБД); проделанную работу по накладыванию карт в целях разграничения террористических групп от групп – присоединившихся к РПБД; положение об обмене насильственно-удерживаемых, похищенных и задержанных лиц; положение по между-

народному гуманитарному разминированию и другие предложенные особо необходимые меры, что не маловажно, предпринятые – в период острой фазы вооруженного конфликта. К исключительно-важным инициативам по урегулированию сирийского конфликта, предлагается отнести рассмотрение проекта Конституции Сирии – как светского государства, проекта положения о Конституционной комиссии, позволяющих решить комплекс политических задач мирного урегулирования под эгидой ООН, а также проектов дальнейшего урегулирования путем последующих выборов в парламент и президентских выборов, разработанных в рамках переговоров в Нур-Султане.

По итогам проведенного исследования, необходимо особо подчеркнуть, что предложенные меры политического урегулирования ни в коем случае не навязываются, как это уже бывало в истории международных отношений, а исключительно основываются на предоставлении решения политической судьбы – непосредственно сирийскому народу, учитывая интересы сторон переговорного процесса, в целях дальнейшего урегулирования вооруженного конфликта и начала процесса восстановления. Данное обстоятельство – качественным образом выделяют «Астанинский процесс» урегулирования сирийского конфликта, который, основываясь на достигнутых результатах дипломатического урегулирования, стал наиболее эффективной международной платформой разрешения современного конфликта на территории Сирийской Арабской Республики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003.
2. *Григорьев М.С., Майзель С.Г.* Белые каски: пособия террористов и источники дезинформации. М.: Международные отношения, 2019.
3. Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии. Женева, 30 июня 2012 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации // http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/150810.
4. *Иванова И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016). М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.
5. *Каплан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.
6. *Киссинджер Г.* Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Миллюкова. Москва: Издательство АСТ, 2019.
7. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций и Временного поверенного в делах Постоянного предста-

вительства Турции при Организации Объединенных Наций от 29 декабря 2016 года на имя Председателя Совета Безопасности.

8. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Резолюция 2118 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7038-м заседании 27 сентября 2013 года. Приложение II. Заключительное коммюнике Группы действий по Сирии 30 июня 2012 года.

9. *Сарсембаев Н.В.* Развитие сирийского конфликта: от требований демократических преобразований – к религиозно-мотивированному террору // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 11 (63).

10. *Сарсембаев Н.В.* Региональные аспекты сирийского конфликта // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).

11. Совместное заявление министров иностранных дел Исламской Республики Иран, Российской Федерации, Турецкой Республики по согласованным мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского конфликта, Москва, 20 декабря 2016 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2573489.

12. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимева. М.: Издательство АСТ, 2019.

13. *Ходынская-Голенищева М.С.* Сирийский кризис в трансформирующемся миропорядке: роль эмигрантских оппозиционных структур // Азия и Африка сегодня. 2018. № 1 // https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2018/201801/Khodynskaya_sirijskij.pdf.

14. *Bowker J., Tabler A.J.* The Narrowing Field of Syria's Opposition. Beyond Islamists & Autocrats. Prospects for Political Reform post Arab Spring // The Washington Institute for Near East Policy // <http://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/BeyondIslamists-Tabler.pdf>.

15. *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001 // <https://www.twirpx.com/file/1872562/>.

16. Free Syrian Army Founded by Seven Officers to Fight the Syrian Army // <https://www.joshualandis.com/blog/free-syrian-army-established-to-fight-the-syrian-army/>.

17. *Smyth Ph.* The Shia Militia Mapping Project // The Washington Institute for Near East Policy // <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-shia-militia-mapping-project>.

N.V. SARSEMBAEV
*Postgraduate student of the Institute
of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
chief specialist of the state institution «Department of Religious
Affairs of the Karaganda region», Republic
of Kazakhstan, Karaganda*

INTERNAL, REGIONAL AND GLOBAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT AND RESOLUTION OF THE SYRIAN CONFLICT

The article examines the main results of the study of the internal political, regional and global aspects of the Syrian conflict. When disclosing these issues, the results of the analysis of the main opposition forces and the national interests of the countries of the region are described, as part of the description of the prospects for the development of the Syrian conflict and its impact on the system of regional relations. In particular, special attention is paid to examining the prospects for the strengthening of Iran's geopolitical influence, which causes concern both in the United States and in a number of countries in the region. The article also examines international participation in the political process of resolving the Syrian conflict in the framework of the adopted UN Security Council Resolutions.

Key words: *Syrian conflict, Syria, SAR, Middle East, conflict resolution, regional and international relations.*

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ПОНЯТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Пандемия 2019-нCoV стала серьезным поводом задуматься о формировании качественно иной модели системы международных отношений, которая смогла бы эффективно реагировать на глобальные вызовы и угрозы.

Для воплощения такого проекта нужно понять, удовлетворяет ли текущее наполнение теоретического понятия «система международных отношений» («система», «структура», «миропорядок», «баланс сил», «баланс интересов» современным реалиям? Остались ли эти определения неизменными или на них тоже повлияла «среда», которая является важнейшей частью формирования и функционирования системы? Именно на эти вопросы автор пытается ответить в данной статье.

Ключевые слова: *система, структура, миропорядок, баланс сил, баланс интересов, среда, глобальные угрозы и вызовы, альтернативный путь формирования миропорядка, выживание человечества.*

Для понимания исторического контекста вопроса формирования систем международных отношений, нам необходимо вернуться почти на четыреста лет назад, к дате основания первой модели миропорядка. Как известно, в теории международных отношений в рамках традиционного подхода выделяется несколько таких моделей: Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская и современная, сформировавшаяся в Хельсинки в 1975 [1. С. 67].

Основой первой из них, «государственно-центристской» либо Вестфальской модели (системы) мира стало государство. Модель была настолько важной, что ее основные принципы с изменениями и некоторыми уточнениями продолжают свое существование и функционирование и до настоящего времени. Некоторые исследователи так и вовсе склонны считать, что от Мюнстера и Оснабрюка до Хельсинки модель и не уходила вовсе, а просто претерпевала модификации. Необходимым элементом этой

государственно-центристской модели мира стало понятие «национальных интересов» – объективных целей и задач основных акторов международных отношений, благодаря которым можно найти компромиссные решения. Вестфальская система установила такие основополагающие принципы как приоритет национального интереса, «баланс сил», приоритет государств – наций, государственный суверенитет как императив (*jus cogens*) международного права, невмешательство во внутренние дела суверенных государств, равенство прав государств, обязательность выполнения заключенных договоров – *pacta sunt servanda* и главенство международного права в регулировании международных отношений.

Вестфальским мирным договором в Европе была установлена первая модель миропорядка и положено начало эпохе взаимодействия на мировой арене суверенных государств. Доминирующей формой их общения в этот период были двусторонние отношения. Различные формы многосторонней дипломатии не являлись ни постоянным, ни устойчивым сегментом международной жизни. Вестфальская система была далеко не совершенна. Отсутствие коллегиального механизма поддержания «баланса сил» в условиях существования лишь двух гарантов данной системы – Франции и Швеции сразу дало о себе знать, когда эти страны ослабели. Последовавшие за отходом на второй план государств-лидеров масштабные войны, Великая французская революция и завоевательские походы Наполеона окончательно уничтожили данную систему.

Учрежденная по итогам поражения Франции Венская система, основывалась на общем согласии наиболее могущественных европейских монархий в отношении политического и территориального статус-кво в Европе.

Вопреки войнам, революциям, кризисам, Венская модель МО просуществовала в течение девяти десятилетий. По факту, с момента Венского конгресса и до Первой мировой войны список ведущих держав остался без изменений. Казалось бы, данная модель имеет большую устойчивость, нежели чем Вестфальская, ведь многополярность должна помочь сохранить единый порядок (основная роль в этой системе в международных отношениях игралась Россией, Пруссией, Австрией, Францией и Англией [1. С. 176]). Однако очередная череда глобальных вызовов, таких как появление национально-освободительных движений по всей Европе, что показало несостоятельность системы в урегулировании внутренних конфликтов. Упорное же игнорирование «восточного вопроса», открытого Российской империей, что переросло в дальнейшем в Крымскую войну, по итогам которой Россия оказалась в изоляции, что разрушило тот самый «баланс сил» и показало, что на первый план вновь вышли территориальные требования и собственные интересы ведущих держав. Закономерный итог – распад «европейского концерта». Отсутствие системы коллективной безопасности, помноженное на империалистическую политику, привело к новой катастрофе – Первой

мировой войне, которая стала результатом стремления вновь сформировавшихся центров силы в виде сложившихся к концу XIX века Антанты и Тройственного союза к абсолютному доминированию в мире.

Формирование следующей, Версальско-Вашингтонской системы международных отношений после окончания Первой мировой войны было завершено на Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. Система была сформирована под воздействием военно-стратегических и политических соображений государств-победителей, с игнорированием интересов побежденных. Созданная в 1920 году Лига Наций не включала в свой состав США и СССР, а без таких крупных акторов международную стабильность и порядок попросту невозможно поддерживать. Вторично образованные страны тоже были проигнорированы. Все это автоматически превращало эту структуру в уязвимую по причине требований ее преобразования и не способствовало долговременной стабильности в мировых делах.

Асинхронность в трансформациях европейской и дальневосточной подсистемах вкупе с остальными недостатками и проблемами не позволили предшественнице ООН провести стратегический анализ мировой обстановки и предотвратить самый крупный военный конфликт XX века [6]. Версальская система просуществовала всего 20 лет. Символичным здесь является поистине пророческое заявление одного из главных архитекторов этой модели, 28-ого президента США В. Вильсона, о том, что новая Великая война (Greater War) будет неизбежна, если не будут соблюдаться базовые принципы Лиги Наций.

С завершением Второй мировой сложилась новая геополитическая ситуация и новый мировой порядок. Возникли и новые акторы международных отношений, конституционный строй большинства ныне существующих государств, да и многих из государственных образований современности сложился на развалинах мировых колониальных империй [2. С. 305-307].

Новая послевоенная система международных отношений, сложившаяся в результате окончания Второй мировой войны, и пришедшая на смену Версальско-Вашингтонскому порядку, базировалась на новом соотношении сил.

Эту систему стали называть Ялтинско-Потсдамской, основываясь на Ялтинской конференции лидеров стран антигитлеровской коалиции, а также на конференции в Потсдаме. И уже во время войны возникли предпосылки зарождения биполярной структуры мирового порядка. Так, в ходе первой за годы Второй мировой войны конференции в Тегеране, которая состоялась в конце 1943 года, уже были намечены контуры послевоенного мирового устройства. Интересный факт – в августе 1944 года комитетом начальников штабов США в рекомендациях государственному департаменту отмечалось: «После разгрома Японии только СССР и США будут первоклассными военными державами, что объясняет сочетание географического положения и огромный военный потенциал».

После окончания войны полярность мира быстро изменилась – старые колониальные страны Европы и Япония находились в руинах, в лидеры выдвинулись Соединенные Штаты и Советский Союз, которые заполнили своеобразный вакуум, который образовался после крушения Германии и Японии. И с этого времени интересы двух сверхдержав стали противоречивыми. При асимметричности влияния и мощи США и СССР именно этими двумя державами было занято определяющее положение в Ялтинско-Потсдамской системе. Ее биполярность усиливало наличие у данных держав сателлитов и союзников. СССР и США под своей эгидой сформированы военно-политические блоки, международные экономические организации, пропагандистско-идеологические организации. Происходит значительное усиление взаимосвязанности регионов и стран. Система международных отношений стала всемирной и всеобъемлющей. Для поддержания стабильности этой системы была создана Организация Объединенных Наций. В дальнейшем, с развитием послевоенной системы международных отношений, все большая роль в ней занималась различными международными организациями: политическими и экономическими, правительственными и неправительственными. Вместе с государствами, они стали выступать в качестве субъектов системы международных отношений.

Несмотря на то, что биполярностью Ялтинско-Потсдамской системы обеспечивалась для нее определенная стабильность, превращение СССР в сверхдержаву после Второй мировой войны усложнило отношения с США, положив начало длительной «холодной войне», характеризовавшейся напряженным политическим и военным противостоянием двух сверхдержав во всем мире, вскоре ставшим глобальным. Желание обеих стран занимать лидирующую позицию на мировой арене только возрастало. Возникшая на этой почве гонка вооружений чуть было не привела к ядерной войне между странами. Оба государства имели одинаковое стремление – установить преобладающее влияние на международные дела в области безопасности и экономики. Все это предопределило исход существования спроектированной в далеком 1943 году «Большой тройкой» международной системы.

Постоянное усложнение и многообразие проявлений международных отношений привело исследователей к мысли о структуризации и теоретизации международного взаимодействия. Выходом из ситуации стал системный подход, известный в методологии политической теории с середины 20 века, начиная с его основоположников Л. Фон Берталанфи и Д. Истона [7. Р. 383-400]. Применению системного подхода в значительной степени поспособствовал научно-технический прогресс, информатизация, а также постоянно растущая глобализация общества. В отечественной науке системный подход также применялся, однако в силу специфики условий эти работы в основном касались естественнонаучных аспектов проблемы. В медицине, к примеру, системный подход был методологической основой

исследований академика И.П. Павлова, который установил, что любой биологический организм есть комплекс (система), которая реагирует как единое целое на различные изменения внешней среды. Кроме того, изменение в любом органе неизбежно вызывает за собой изменения во всем организме. Подобный подход применял в своих работах и отец советской кибернетики, академик А.И. Берг, который насчитывал более двадцати различных определений системы. Немаловажными являются и мысли Акселя Ивановича о том, то кибернетика должна быть междисциплинарной наукой, откуда бы разные науки могли заимствовать общие модели и методы исследования, в том числе и в рамках системного подхода.

Итак, основополагающим определением данного подхода является «система», применимое и к науке о международных отношениях, однако существующие определения в приложении к предмету исследования носят неполный характер. Важным шагом в понимании возможностей дальнейшей трансформации международного взаимодействия является определение понятия «система международных отношений». При определении данного понятия на современном этапе политической теории стоит обратиться ко всей методологии науки в целом, учитывая при этом тот факт, что международные отношения постоянно развиваются во времени и пространстве на фоне усиливающейся глобализации мира.

Система международных отношений есть сложная, взаимозависимая и реагирующая на окружающую среду как единое целое структура мирового порядка, состоящая из множества постоянно взаимодействующих акторов (участников), причем изменения в статусе и взаимодействии одного из участников с другими обязательно имплицитно означают изменения других акторов и системы в целом.

Если проанализировать историю эволюции систем международных отношений, то становится ясно, что это история о национальных государствах. Само понятие «международные отношения» неотрывно связаны с появлением государства. Государство же, в свою очередь, осуществляя свои, эгоистические интересы (которые имеют идентичный характер: борьба за перераспределение и распределение ресурсов, которые выступают в виде источников власти, богатства, авторитета) является неиссякаемым источником политических конфликтов в борьбе за власть и влияние в мировом экономическом и политическом пространстве.

Существующий порядок вещей нашел свое отражение во взглядах политического реализма и концепции «баланса сил». «Баланс сил» предполагает, что государства не позволяют другим странам становиться сильнее, оглядываясь именно на военную мощь страны, что постоянно актуализирует проблему войны и мира. Но поскольку государства априори не развиваются равномерно, это постоянно провоцирует борьбу политических «тяжеловесов» или коалиций за передел власти и влияния, что автоматически нарушает «баланс сил».

Национальное государство и вышеупомянутый «баланс сил», как и политический реализм, хоть и уходят в прошлое эволюционно, но отчаянно цепляются за жизнь. Именно этим обуславливается то, что все существовавшие в истории модели миропорядка – от основополагающей Вестфальской до агонизирующей ныне «пост-Хельсинкской системы», формируются по устаревшим принципам, которые неизбежно вступают в противоречие с принципиально новыми внешними вызовами. Так, архитекторы вышеупомянутой «пост-Хельсинкской системы», используют постулаты о главенстве прав человека и демократических свобод для прикрытия попыток установления комендатурного режима США на постсоветском пространстве. Ярким примером жесткой, направленной на достижение только личных целей политики США являются боевые действия в Югославии, расширение НАТО и ввод американских войск в Ирак 20 марта 2003 года. И на данный момент формирование будущей системы международных отношений идет по уже знакомому сценарию, лишь той разницей, что сегодня мы наблюдаем очередную многополярную конфигурацию мира в формате четырехугольника «Россия – Китай – ЕС – США» [5. С. 119-131].

Исследователи всего мира выстраивают различные варианты формирования нового порядка, возможные альянсы и варианты объединения. Такой сценарий ведет мир к формированию очередной системы на основе «баланса сил» и военной мощи государств. Казалось бы, на этом можно было бы провозгласить победу исторического реализма и, дождавшись нового крупного и разрушительного конфликта, нарисовать новые карты и закрепить новый миропорядок. Однако в результате очередного неизбежного масштабного конфликта на новом витке развития человечество попросту прекратит свое существование. Создание оружия массового уничтожения наглядно показало, что войны исчерпали себя как средство поддержания «баланса сил» и что данный принцип формирования новой системы международных отношений абсолютно неприемлем.

Именно об этом нам постоянно напоминает глобализация и сопутствующие ей новые вызовы и угрозы [4]. Она развивается с самого начала возникновения человеческой цивилизации и неизбежно меняет все аспекты человеческой жизни, одновременно сплавляя их в одну огромную взаимосвязанную и взаимозависимую систему. Такие коренные изменения не могли не повлиять и на изменения в понятии «система», «структура» и «баланс сил» в международных отношениях. Стоит отметить, что современный мир – это огромная система или макросистема, в которой в противоречивом взаимодействии и единстве происходит функционирование основных политических субъектов: народов, государств, общественных движений и организаций, международных неправительственных организаций. Международные отношения на современном этапе – сложное сочетание экономических, политических, военных, дипломатических, культурных, на-

учно-технических и прочих взаимоотношений и связей между народами, объединениями государств и государствами [3].

Не получится рассмотреть международные отношения отдельно, в виде особого пространства или определенной территории, отделенной от других – немеждународных – отношений. Многие авторы, такие как, В. Гладков, Е. Примаков, Н. Иноземцев, Г. Моргентау, Р. Арон, К. Уолц утверждают, что невозможно найти «нередуцируемую» специфику международных отношений, а также особые, присущие только им черты.

Сама суть понятия «системы», «структуры» и «миропорядка» международных отношений кардинально изменилась. В систему включилось огромное количество новых акторов, количество факторов влияния на всемирное сообщество также значительно увеличилось. А национальное государство как актор уже попросту неспособно справиться с теми вызовами и угрозами, которые принесло с собой третье тысячелетие. А это значит, что и баланс сил должен уйти в прошлое, уступив новой концепции «баланса интересов», понимаемого как рациональное взаимодействие государств и всех прочих акторов, направленных на противодействие глобальным вызовам, ставя перед собой цель более важную – вопрос выживания человечества. Хорошей тенденцией является то, что после Кубинского кризиса и серьезной вероятности ядерного столкновения в мировом сообществе всерьез стали говорить о данной концепции.

Тут стоит упомянуть прекрасный инструмент для осуществления принципиальной новой формы международного взаимодействия, который подарила нам Ялтинско-Потсдамская система – Организация Объединенных Наций. Все необходимые современные принципы международных отношений перечислены в Уставе этого органа и должны обеспечивать стабилизацию международных отношений, с ограничением их благодаря определенным нормативным рамкам. Их не могут отменять государства в одностороннем порядке либо по соглашению. Они признаны всеми государствами и на них основана вся документация, фиксирующая международные договоренности и соглашения. И именно взаимодействие мирового сообщества через ООН и подобные ей организации поможет в осуществлении этой основной идеи современных международных отношений – обеспечение коллективной безопасности и сохранение человеческой среды обитания. Важным аспектом является способность эффективно и своевременно реагировать на вызовы и угрозы, а в идеальном варианте – и предотвращать их.

А подобных глобальных угроз множество – кризис финансовой архитектуры мировой экономики, деградация окружающей среды, международный терроризм, наркотрафик и преступность, демографические диспропорции в развитии современного мира. Все эти угрозы также представляют собой единую взаимосвязанную систему. Достаточно вернуться к упомянутому

в начале статьи коронавирусу и к его влиянию на мир. Вирус 2019-ncov лишь с натяжкой можно считать настоящей биологической катастрофой – мировое сообщество оказалось попросту неготовым к этому вызову. А ведь когда-нибудь может появиться гораздо более серьезный и смертоносный штамм.

Резюмирую вышесказанное, стоит еще раз остановиться на принципиально важных моментах:

– с усилением глобализации международные отношения претерпели качественные и количественные изменения, что отражается на всем понятийном аппарате системного подхода в науке;

– используя новое измерение понятий системного подхода, необходимо искать альтернативные пути формирования новой системы миропорядка. Именно на поиск принципов формирования иной, отличной от классической системы международных отношений, соответствующей новому измерению современных международных отношений и должны быть направлены усилия человечества, что является стратегической задачей всего мирового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. История международных отношений: учебник. В 3-х т. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А.В. Ревякин, Н.Ю. Васильева; ред. 1-го т. А.В. Ревякин; под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Москва: Аспект Пресс, 2012. Т. 1.

2. *Кабардин М.С.* Ялтинско-Потсдамская система международных отношений: создание, развитие и прекращение ее действия // Молодой ученый. 2014. № 11 (70) // <https://moluch.ru/archive/70/12063/>.

3. *Лукашук И.И.* Международное право: учебник в 2 ч. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2008.

4. *Пряхин В.Ф.* Глобализация не повернет вспять // Независимая газета. 2020 // https://www.ng.ru/courier/2020-05-17/9_7862_globalization.html.

5. *Пряхин В.Ф.* Захлопнется ли ловушка Фукидида? О возможных и невозможных построениях геополитического четырехугольника «Россия – Китай – США – Европейский союз» // Евразийский Союз: Вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 2 (32).

6. *Фархутдинов И.З.* Версальско-Вашингтонская система – 20 лет мира. 2020 // Евразийский юридический журнал // <https://eurasianlaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/versal-sko-vashingtonskaya-sistema-20-let-mira>.

7. *Easton D.* An Approach to the Analysis of Political Systems // World Politics. 1957. Vol. 9. Issue 3.

A.A. KUZMICHEV

*National League of Political Scientists' Member,
Russian state university for the humanities – RSUH (RGGU),
Moscow, Russia*

SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS AS A DEFINITION IN MODERN POLITICAL THEORY

The coronavirus pandemic has become a serious reason to think about the formation of a qualitatively different model of the system of international relations, which could effectively respond to global challenges and threats.

In order to implement such a project, it is mutual to understand whether the current content of the theoretical concept of the “system of international relations”, “system”, “structure”, “world order”, “balance of forces”, “balance of interests” is applicable to modern realities? Have these definitions remained unchanged or have they also been influenced by the “environment”, which is an essential part of the formation and functioning of the system? The author is trying to answer to these questions in this article.

Key words: *system, structure, world order, balance of power, balance of interests, environment, global threats challenges, alternative way of forming the world order, survival of the mankind.*

DOI 10.35775/PSI.2021.66.2.030

УДК 32.327

ФАНЬ ТЯНЬЯН

магистрант кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета, Китай

Н.М. БОГОЛЮБОВА

научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ПОЗИЦИИ КОНФЛИКТУЮЩИХ СТОРОН

Проблема морских территориальных конфликтов в западной части Тихого океана сохраняет актуальность в XXI веке, несмотря на углубление региональной экономической интеграции, тесные двусторонние отношения между участниками споров, многочисленные дебаты по вопросам принадлежности островов на правительственном уровне и в формате «второй дорожки». Особое внимание мировой общественности уделяется обстановке в Южно-Китайском море (ЮКМ). Статья посвящена ситуации в Южно-Китайском море (ЮКМ), где в последние годы отмечается серьезное нарастание напряженности вследствие обострения территориальных споров в регионе. Южно-Китайское море является точкой пересечения интересов множества государств и предметом целого ряда территориальных споров, важных для региональной безопасности. Остроту конфликту придает антиномичность интересов его участников, рекламационная деятельность Китая, возрастающее внимание к проблеме со стороны внерегиональных игроков. Напряженность в регионе значительно выросла в 2010-х годах в связи с ростом активности Китая. После анализа различных работ, посвященных теме статьи, автором было определено, что на протяжении десятилетий ситуация со спорными территориями остается нерешенной, попытки урегулирования конфликтов оказались неудачными, обсуждение проблемы в многосторонних структурах не принесло результата. Предлагаемые как противоборствующими, так и внерегиональными сторонами варианты выработки единой платформы для последующего перевода проблемы в русло конструктивного решения упираются в разные позиции спорщиков и нежелание идти на ком-

промисс. В статье представлено авторское видение проблемы, затронуты вопросы соотношения правового регулирования территориального спора, национальных интересов сторон-участниц, геополитические реалии. В исследовании анализируются позиции и политика трех основных конфликтующих сторон: Китая, Филиппин и Вьетнама.

Ключевые слова: Южно-китайское море, Китайская Народная Республика, Республика Филиппины, Вьетнам, конфликт, регион, напряженность.

Введение. Территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ) являются одним из главных факторов региональной нестабильности, имея также геополитическое значение для ведущих мировых держав. Основным предметом споров является принадлежность Парасельских островов, архипелага Спратли, рифа Скарборо, а также вопросы делимитации морских границ и правил экономической деятельности в регионе. ЮКМ имеет стратегическое значение для стран региона.

Хотя территориальные споры в регионе имеют давнюю историю, современный рост напряженности начался во втором десятилетии XXI века, когда Китай значительно усилил свою военную и экономическую активность. Важной вехой стало международное судебное разбирательство, инициированное в 2013 году Филиппинами, которые обвинили Китай в нарушении своих прав на мелководье рифа Скарборо, и в 2016 г. трибунал признал факт нарушения. Несмотря на это, регион характеризуется ростом напряженности и милитаризации, которую многие наблюдатели считают беспрецедентной за последние десятилетия и связывают с общим ростом влияния Китая и его становлением в качестве великой державы [8; 6. Р. 435-466].

Цель настоящего исследования заключается в оценке актуальных стратегий и подходов трех основных заинтересованных государств в отношении территориальных споров в ЮКМ.

Позиция и стратегия Китая. Китай – ключевой актер, определяющий в настоящее время ситуацию в ЮКМ. В течение последнего десятилетия Китай сформулировал активную экспансионистскую позицию, выразившуюся в притязаниях на целый ряд островов, расширении экономической деятельности и резком усилении военного присутствия в регионе, вызвавшего серьезную озабоченность у многих стран [8. Р. 213-237]. В частности, КНР заявляет о существовании исторических прав на суверенитет на острова Спратли и Парасельские острова, мелководье Скарборо, а также на особые морские права на значительной территории моря внутри т.н. «девятиштриховой линии», которая на сотни километров удалена от юго-восточного побережья китайской провинции Хайнань [5]. Усиление активности, направленной на установление фактического присутствия и контроля в ЮКМ, включало

в себя активное строительство военных объектов на островах Спратли, масштабные проекты по мелиорации земель и т.д. [8; 12. Р. 435-466; 3].

Большинство специалистов сходится в том, что поведение КНР в районе ЮКМ носит напористый, асертивный характер, основанный на обеспечении фактического контроля над регионом с упором на демонстрацию силы. Эта политика носит устойчивый и системный характер, несмотря на традиционно дипломатическую риторику, наличие заключенного в 2011 году соглашения о правилах поведения на море со странами региона, регулярно проводимыми саммитами по безопасности и взаимодействию с АСЕАН, а также наличие решения международного арбитража, вынесенное не в пользу Китая. Во взаимодействии с другими странами региона Китай ориентируется на двусторонние отношения, позволяющие сохранять значительный диспаритет и доминирующее положение.

Тем самым можно заключить, что серьезный рост активности КНР в усилении своего регионального присутствия отражает стратегическую позицию, которой придерживается руководство КНР и которая настойчиво реализуется на протяжении последнего десятилетия. Тем не менее, точное содержание стратегии КНР в регионе остается предметом дискуссий и может быть интерпретировано по-разному. С одной стороны, западными экспертами политика КНР нередко воспринимается как проявление растущих геополитических амбиций Китая, регионального гегемонизма и противостояния США [6]. Однако есть и более сложные интерпретации. Так, П. Абб провел контент-анализ почти двух тысяч публикаций, ведущих китайских аналитических центров по вопросам территориальных споров в ЮКМ и выяснил, что экспертное сообщество очень дифференцировано воспринимает различных акторов в регионе [1. Р. 139-157]. Другие исследователи также отмечают существенное влияние отношений стратегической кооперации между США и Китаем, которая оказывается важнее, чем эскалация в публичном поле [8]. Наконец, Ф. Джан показывает существование в китайском истеблишменте различных групп, имеющих различные стратегические цели в отношении ЮКМ, от соотношения сил которых зависит принятие решений в конкретных ситуациях [12].

Позиция и стратегия Филиппин. Филиппины – основная «мишень» современных усилий КНР по обеспечению регионального контроля. На этапе эскалации в начале 2010-х годов позиция Филиппин заключалась, прежде всего, в противодействии влиянию и притязаний КНР на ресурсы региона, имеющие критическое значение для страны. Политика, направленная на решение этой задачи, включала в себя как военное присутствие, так и инициирование судебной тяжбы против Китая. Эта политика основывалась как на внутренних, так и внешних соображениях. Во-первых, из всех стран региона население Филиппин характеризуется наиболее сильными негативными установками в отношении КНР и воспринимаемым уровнем

угрозы [8]. Во-вторых, Филиппины активно эксплуатировали союзнические отношения с США, опираясь на них как гаранта собственной безопасности. Однако с приходом к власти в 2016 г. президента Р. Дутерте отмечается переход от политики сдерживания к политике умиротворения в отношении с Китаем при одновременном дистанцировании от США. Новая политика вызвала неоднозначную реакцию в экспертном и политическом сообществе, поскольку ряд специалистов рассматривает ее как ущерб для стратегической безопасности и долгосрочных отношений с традиционными партнерами в пользу краткосрочных экономических предпочтений и соглашений с КНР [2].

Позиция и стратегия Вьетнама. Политика Вьетнама в ЮКМ также определяется, прежде всего, отношением к активности КНР. Несмотря на то, что неурегулированные споры существуют и с другими странами региона, большинство из них эффективно разрешаются мирными средствами в рамках АСЕАН, тогда как асертивная политика КНР вызывает серьезное напряжение [10]. Вьетнам отвергает исторические аргументы Пекина, утверждая, что до середины XX века последний не предъявлял никаких претензий на острова Парасельской гряды и Спратли, тогда как Вьетнам ведет там активную хозяйственную деятельность с XVII века. Трения с КНР усилились после 2012 года, когда китайские корабли сорвали несколько исследовательских проектов Вьетнама, что вызвало массовые антикитайские протесты, а также начали несогласованное возведение нефтяных вышек. Стратегическая позиция Вьетнама в конфликте с КНР заключается в защите собственной автономии при принятии объективной асимметрии в отношениях с более могущественным партнером [10; 11]. Во взаимодействии с КНР по территориальным вопросам Вьетнам ориентируется на дипломатические переговоры и взаимодействие по партийной линии. Поиск мирных средств разрешения споров и стремление к многостороннему сотрудничеству считается наиболее эффективной стратегией в отношениях с Китаем, потенциал которой еще не полностью реализован [10].

Заключение. Регион ЮКМ представляет стратегическую значимость для прибрежных государств, что объясняет их резкую реакцию на притязания КНР и готовность к защите своих интересов. Несмотря на достаточно агрессивный и напористый характер политики КНР, в настоящее время страны региона не готовы к жесткому противодействию ей. В соответствии с принципами реализма, государства понимают существующие асимметрии и стремятся сочетать противодействие экспансии КНР с развитием прагматических экономических отношений. Одновременно в политике КНР следует признать доминирование внутренних, а не геополитических мотивов расширения своего присутствия в регионе, что открывает возможности стратегического маневра и расширения роли международных институтов, особенно АСЕАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Abb P.* Punish the Philippines, forgive Vietnam? The South China Sea disputes in the eyes of Chinese experts. In: *Power Politics in Asia's Contested Waters: Global Power Shift* / Ed. by E. Fels, T.-M. Vu. Cham: Springer, 2016.
2. *De Castro R.C.* 21st century Philippine maritime security policy: from balancing to appeasement / JIIA. Policy Brief 21. 11.06.2018 // https://www2.jiia.or.jp/en/article_page.php?id=4.
3. *Do H.* Assessing China's Crop Success in the South China Sea / CSIS. 27.07.2020 // <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/assessing-chinas-crop-success-south-china-sea>.
4. *Enterprises, Localities, People, and Policy in the South China Sea: Beneath the Surface* / Ed. by J. Spangler, D. Karalekas, M.L. de Souza. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
5. *Fravel T.* China's Strategy in the South China Sea // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2011. Vol. 33 (3).
6. *Great Powers, Grand Strategies: The New Game in the South China Sea* / Ed. by A. Corr. Annapolis: Naval Institute Press, 2018.
7. *Hu X.* China must be militarily and morally ready for a potential war // *Global Times*. 09.11.2020 // <https://www.globaltimes.cn/content/1200595.shtml>.
8. *Regilme S.S.* Beyond paradigms: understanding the South China Sea dispute using analytical eclecticism // *International Studies*. 2018. Vol. 55 (3).
9. *Tanaka Y.* *The South China Sea Arbitration: Toward an International Legal Order in the Oceans*. Oxford: Hart Publishing, 2019.
10. *Thuy T.T.* Territorial and maritime disputes in the South China Sea and Vietnam's Policy // JIIA. 30.07.2018 // https://www2.jiia.or.jp/en/article_page.php?id=8.
11. *Thayer C.A.* Vietnam's strategy of 'cooperating and struggling' with China over maritime disputes in the South China Sea // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol. 3 (2).
12. *Zhang F.* Chinese thinking on the South China Sea and the future of regional security // *Political Science Quarterly*. 2017. Vol. 132 (3).

FAN TIANYANG

*Master, International Humanitarian
Relations, Saint Petersburg State University,
China*

N.M. BOGOLYUBOVA

*Scientific adviser – candidate of historical sciences,
associate professor, International Humanitarian
Relations, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

TERRITORIAL DISPUTES IN THE SOUTH CHINA SEA: THE POSITIONS OF THE CONFLICTING PARTIES

The problem of maritime territorial conflicts in the western Pacific remains relevant in the twenty-first century, despite the deepening of regional economic integration, close bilateral relations between the parties to the disputes, and numerous debates on the ownership of the islands at the government level and in the “second track” format. The world community pays special attention to the situation in the South China Sea (SCS). The article is devoted to the situation in the South China Sea (SCS), where in recent years there has been a serious increase in tension due to the aggravation of territorial disputes in the region. The South China Sea is a point of intersection of the interests of many States and the subject of a number of territorial disputes that are important for regional security. The conflict is sharpened by the antinomian interests of its participants, China’s advertising activities, and the increasing attention to the problem from non-regional players. Tensions in the region increased significantly in the 2010s due to the growth of Chinese activity. After analyzing various works devoted to the topic of the article, the author determined that for decades the situation with the disputed territories has remained unresolved, attempts to resolve conflicts have failed, and discussion of the problem in multilateral structures has not brought results. The options offered by both the opposing and non-regional parties to develop a single platform for the subsequent transfer of the problem to a constructive solution rest on the different positions of the disputants and the unwillingness to compromise. The article presents the author’s vision of the problem, addresses the issues of the correlation of the legal regulation of a territorial dispute, the national interests of the participating parties, and geopolitical realities. The study analyzes the positions and policies of the three main conflicting parties: China, the Philippines, and Vietnam.

Key words: *South China Sea, People’s Republic of China, Republic of the Philippines, Vietnam, conflict, region, tension.*

DOI 10.35775/PSI.2021.66.2.031

УДК 32.327

А.И. БУДНИК

*магистрант Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

Т.В. ГРИГОРЬЕВА

*магистрант Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

А.А. КАН

*магистрант Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУРИЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена одному из наиболее проблемных вопросов на сегодняшний день, препятствующий построению более крепких, доверительных отношений между Россией и Японией – территориальному размежеванию Курильских островов, непосредственно ее современному состоянию. Территориальный спор между Россией и Японией является весьма сложным, поскольку в течение длительного времени и под влиянием ряда факторов он сумел вобрать в себя комплекс причин, не позволяющих государствам разрешить проблему.

Ключевые слова: *Курильские острова, Россия, Япония, территориальные споры, современное состояние.*

После распада Советского Союза правительство Российской Федерации считало отношения с Японией основой экономического развития России на Дальнем Востоке, а также ее вступление в международные институты в качестве постоянного члена. Японская сторона, в свою очередь, видела отношения с Россией только с учетом факторов территориальной проблемы и с большими возможностями решения, поскольку отныне инициатива по этой проблеме была у правительства, а не у Министерства иностранных дел, которое в свое время в 1960 году отказалось высказываться по поводу заявления о передаче островов Хабомаи и Шикотан под руководство Японии после заключения мирного договора и вывода военного контингента США со своей территории. Таким образом, территориальная проблема была признана, но теперь передача территории Японии была невозможна [11].

Действия государств по истечении первых десяти лет после распада Советского Союза так и не смогли принести положительных результатов. Сто-

роны не нашли совместных точек соприкосновения для подписания мирного договора и решения территориального вопроса. Однако необходимо отметить, что государства пришли к пониманию необходимости учитывать не только свои интересы, но и интересы оппонента, что, собственно, и является важной составляющей для тесного сотрудничества.

С приходом к власти в России Владимира Владимировича Путина был кардинально изменен курс по разрешению территориальной проблемы. Новым президентом было сделано заявление о признании Совместной декларации 1956 года и о необходимости продолжения обсуждений о принадлежности спорной территории на основании условий этого документа. Япония восприняла заявление российского президента, как готовность передать Хабомаи и Шикотана японской стороне и продолжать переговоры для установления принадлежности двух других островов Итуруп и Шикотан.

Впрочем, дискуссия о владении четырьмя островами не была целью российского правительства. Недоразумение Японии повлияло на отсрочку встречи в Иркутске, которая состоялась 25 марта 2001 года. На встрече Владимир Путин еще раз озвучил новый вектор развития отношений, подчеркнув важность Совместной декларации, но не оставил без внимания подписанный документ во время президентства Б.Н. Ельцина – Токийскую декларацию 1993 года. Стороны закрепили свои изъяснения, подписав Иркутское заявление [16].

Состояние российско-японских отношений ухудшилось и из-за противоречий, которые возникли в политическом истеблишменте Японии, поскольку на политической вершине было два варианта развития отношений с Россией в мирном договоре: традиционный подход заключался в том, что Япония защищала все четыре острова, в то время как другая часть японского офиса была за поэтапное возвращение территории. В результате чего, большую поддержку нашел традиционный подход, то есть со стороны Японии не предпринималось каких-либо новых векторов в решении данного вопроса.

Впоследствии, в 2003 году во время визита министра иностранных дел Японии, японской стороной была предпринята попытка налаживания отношений. Стороны подписали так называемый российско-японский план действий. Первоначально план предусматривал дальнейшее развитие двустороннего сотрудничества, а также улучшение отношений, что позволит странам в их отношениях выйти на новый уровень [12]. Касательно области территориальных споров, в этом документе стороны пришли к выводу, что должны продолжать переговорный процесс на его основе, опираясь на ранее заключенные документы, поддержку культурного развития и гуманитарной помощи на спорной территории, а также найти компромиссы в обеспечении совместной хозяйственной деятельности [13]. Стороны также обсудили международные вопросы, после чего было принято решение

продолжить сотрудничество в борьбе с террористическими актами, усовершенствовать систему контроля в области вооружений и совместно урегулировать конфликты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Руководство обратило внимание и на экономическую составляющую отношений между Японией и Россией [17].

В 2005 году состоялся второй визит В.В. Путина в Токио. Японское руководство продолжало отстаивать позицию необходимости преодоления разногласий в вопросе Курильских островов, а также вновь подчеркивало, что заключение мирного договора отражает интересы обеих сторон. Россия воздержалась от упоминания действий в сфере территориальной проблемы, но высказалась за развитие отношений в области торговли и инвестиций.

Плодотворными стали встречи главы правительства Японии Синдзо Абэ и президента РФ В.В. Путина. Первая встреча состоялась в ноябре 2006 года, в результате которой стороны приняли решение перевести отношения государств в новый формат, так называемый «стратегический диалог»: стороны согласились проводить обсуждения по вопросам как международной, так и региональной безопасности на уровне первых заместителей министров иностранных дел [14].

Вторую встречу стороны провели в 2007 году в рамках саммита «большой восьмерки». В ходе обмена мнениями Синдзо Абэ озвучил В.В. Путину идею об «Инициативе по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири» [2], в развитии и интеграции в АТР которого заинтересована японская сторона.

В ноябре 2007 года состоялся визит руководителя аппарата правительства России – С.Е. Нарышкина – в Токио. Стороны, как и прежде, пришли к выводу о том, что никакие обстоятельства не должны препятствовать развитию двусторонних отношений и приближению к заключению мирного договора.

После смены президента в России и прихода к власти Д.А. Медведева Япония продолжила выражать готовность развивать контакты с Россией во всех ранее обсуждаемых сферах, что, по мнению японского руководства, повысит стабилизацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Относительно территориальной проблемы во время встречи Д.А. Медведева и Асо Таро японская сторона выдвинула предложение о разделе спорной территории наполовину, то есть Япония бы получала четверть острова Итуруп, а также все остальные острова. Российским правительством подобное предложение было полностью отвергнуто, поскольку при согласии Япония имела возможность приобрести не только желаемую территорию, но и 200-мильную зону экономической зоны.

Японская сторона после своего предложения вновь заявила о своих правах на южные Курильские острова, обнародовав заявление о незаконной оккупации курильской территории Россией. Ответом российской стороны стало высказывание о том, что переговоры по проблеме спорных территорий

должны проходить сугубо в личной обстановке, а также, по мнению российской общественности, всякие сомнения относительно принадлежности южно-курильской территории России являются абсолютно неприемлемыми и способствуют разрушению доверия, на котором строятся двусторонние отношения. Однако, несмотря на напряженную ситуацию в отношениях, российское правительство охотно проявляло желание и дальше развивать совместную деятельность в различных областях [10].

В ноябре 2010 года Д.А. Медведев посетил остров Кунашир для выработки плана действий по развитию островов южной Курильской гряды, а также улучшению жизненных условий населения на данной территории. Визит президента и членов высшего руководства России на спорную территорию вызвал ажиотаж, как в японском правительстве, так и среди японского населения, считающих подобные действия неправомерными, в результате чего Япония отозвала своего посла из Москвы и развернула на своей территории антироссийскую кампанию [3].

На последнем этапе президентства Д.А. Медведева отношения с Японией не подверглись каким-либо изменениям, поскольку Москва продолжала заявлять о неоспоримости суверенитета на южных Курилах, основанного на результатах Второй мировой войны. Таким образом, Россия вновь доказывала принадлежность курильских островов на правовой основе. Однако даже при таких обстоятельствах Россия не отказывалась от ведения переговоров для подписания мирного договора. Не отказывалась российская сторона и от своего предложения о совместном российско-японском развитии курильской территории для усовершенствования условий проживания и привлечения иностранных инвестиций, что в будущем будет способствовать повышению экономического уровня данного региона.

Давление Японии оказало положительное воздействие на сознание политической верхушки России и стало толчком к пониманию необходимости осуществления ряда программ для экономического и социального развития Сахалина и южно-курильской гряды. Также усиление давления японского руководства и жесткие требования о возвращении спорной территории Японии заставили правительство России пересмотреть политику уступок во время переговорного процесса.

В 2012 году пост президента Российской Федерации вновь занял В.В. Путин, о котором, благодаря его ранней политике, к тому времени уже было сформировано мнение в японском руководстве и общественности, как о человеке, понимающем Японию во всех совместных сферах деятельности, включая территориальный вопрос [4]. В том же году в Японии снова премьер-министром был назначен Синдзо Абэ, который после своего вступления в должность провозгласил вектор на улучшение российско-японских отношений [5].

В апреле 2013 года С. Абэ прибыл в Москву, где состоялась его встреча с В.В. Путиным. Стороны выразили сожаление о создавшейся ситуации

между Россией и Японией и заявили о необходимости приложить усилия для подписания мирного договора. Во время встречи стороны подписали Совместное заявление о развитии российско-японского партнерства. Руководство пришло к выводу о том, что необходимо совместными усилиями оказывать гуманитарную помощь странам-участникам военных конфликтов, делать вклад в мировую борьбу с терроризмом. Относительно двусторонних отношений, стороны подчеркнули важность сотрудничества в многосторонних организациях, как для развития стабильности в АТР, так и разрешения международных проблем, а также провозгласили о начале консультаций между внешнеполитическими и оборонными ведомствами на уровне министров в формате «два плюс два». Не осталась без внимания и территориальная проблема: С. Абэ и В.В. Путин заявили о необходимости преодоления разногласий и подписания мирного договора на условиях, приемлемых для обеих сторон [9].

В ноябре 2013 года в Токио состоялась первая встреча в формате «два плюс два», во время которой стороны обсудили такие важные вопросы, как кибербезопасность, совместные антитеррористические операции и т.п. Таким образом, руководству обеих сторон удалось добиться развития отношений в важных сферах, не опираясь на территориальную проблему, как делала Япония ранее.

К ухудшению отношений привели антироссийские санкции, связанные с кризисом в Украине в 2014 году. В результате присоединения Крымского полуострова к территории России Япония приостановила переговоры по усовершенствованию визового режима, сотрудничеству в военной и космической сферах. Необходимость соответствовать единому курсу своих союзников «большой семерки», а также давление Соединенных Штатов заставили Японию присоединиться к политике санкций по отношению к России и несмотря на то, что характер японских санкций был менее жестким, В.В. Путин заявил о приостановлении консультаций на уровне министров иностранных дел [15].

Обострение в отношениях Японии и Китая, а также имидж самого государства побудили японскую сторону к активизации на российском направлении. Осознание пагубного влияния санкций на российско-японские отношения присутствовало и у самой России [6]. Необходимость «реанимации» взаимоотношений побудило руководство к восстановлению переговорного процесса. Исходя из этого, Япония осветила свою позицию, заключающуюся в разрешении территориального спора и последующем подписании мирного договора. Как и прежде, взгляды сторон имели расхождения, поскольку Россия не планировала вести обсуждение вокруг курильской территории, а лишь согласование условий, на которых страны заключат мирный договор.

В свою очередь С. Абэ, понимая необходимость переговоров с Россией, и исходя из интересов своего государства, стал участником встречи с В.В. Пу-

тинным в Сочи в мае 2016 года. Встреча не несла официальный характер, однако стала весьма плодотворной.

Премьер-министр Синдзо Абэ предоставил на рассмотрение В.В. Путину «План сотрудничества» из 8 пунктов. План предусматривал развитие исключительно территории России и повышения качества жизни российских граждан за счет таких проектов, как повышение уровня медицинского обслуживания, сотрудничество в области нефтегазового сектора, развитие промышленности на Дальнем Востоке, увеличение двусторонних гуманитарных обменов [18]. Также стороны пришли к выводу о необходимости восстановления встреч в формате «два плюс два», приостановленных в 2014 году российским руководством. Относительно территориального вопроса Японией был заявлен «новый» подход, предусматривавший отказ от старых точек зрения для поиска взаимоприемлемого решения. Таким образом, несмотря на резкое повышение уровня российско-японских отношений после сложной международной ситуации, ни руководство обоих государств, ни общественность не смогли наблюдать прогресс в территориальном вопросе, поскольку стороны вновь истолковали свои прежние позиции в измененной трактовке. Большие надежды были возложены на визит В.В. Путина в Токио в декабре, однако и здесь стороны не смогли продвинуться в интересующем вопросе: обсуждению подверглась совместная хозяйственная деятельность на южных Курильских островах, а также порядок посещения японскими гражданами могил родственников [1].

В период 2017 года во время официального визита в Москву господина Абэ был выработан ход реализации ранее достигнутых договоренностей по экономическому и политическому сближению, а также стороны обсудили вопросы культурного обмена, после чего 2018 год был объявлен «перекрестным» годом России в Японии и Японии в России [8].

На период 2018-2020 годов наблюдается тенденция к стремительному развитию двусторонних отношений между Россией и Японией. Ведутся регулярные переговоры глав внешнеполитических ведомств и оборонных ведомств в формате «два плюс два» в соответствии с договоренностью на высшем уровне об обеспечении комплексного характера российско-японских отношений.

Таким образом, российско-японские отношения прошли долгий путь развития, в ходе которого страны смогли перевести свои взаимоотношения на новый уровень и расширить сферы совместной деятельности в условиях глобализации и международных проблем. Безусловно, на протяжении всего времени, начиная с 90-х и заканчивая 2020 годом, можно наблюдать развитие российско-японских отношений в различных областях, а именно в культурной, экономической, хозяйственной и других. Однако хотелось бы еще раз отметить, что обеим сторонам все также не удастся найти точки соприкосновения в наиболее острой и важной международной проблеме –

территориальном споре, разрешение которой будет возможно лишь после регулярных встреч и переговоров с целью поиска условий, которые бы отражали интересы обоих государств.

Территориальный спор между Россией и Японией является весьма сложным, поскольку в течение длительного времени и под влиянием ряда факторов он сумел вобрать в себя комплекс причин, не позволяющих государствам разрешить проблему. Стоит понимать, что спорная территория, по мнению каждого из государств, является его неотъемлемой частью. Учитывая данный фактор, при разрешении или же замораживании конфликта, каждое из правительств подвергнет себя массе критики и поставит под сомнение качество управления в государственном аппарате. Передача Японии части островов будет рассматриваться в России, как уступка, нарушающая территориальную целостность страны, в то время как в Японии общественность воспримет подобный шаг, как неспособность японского правительства в достижении поставленных целей и отсутствие должного влияния на международной арене [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров // Токио. 2016 г. // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474>.

2. Инициатива по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири // Саммит G8. 2007 // http://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/heiligendamm.html.

3. Казаков О.И. Курильская парадигма Медведева // Япония наших дней. М.: ИДВ РАН, 2011 г. № 1 (7).

4. Кошкин А. Япония предупреждает, что будет следить за Россией // Regnum. Информационное агентство. 2017 г. // <https://regnum.ru/news/2313748.html>.

5. Кузьминков В.В. Российское направление во внешней политике С. Абэ в 2013-2017 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2017 г.

6. Кожевников В.В. Российско-японские политические отношения сегодня: надежды и перспективы // Россия и АТР. Издательство Дальневосточного университета. 2016. № 2.

7. Нелидов В. Добрым словом и ракетными комплексами: непростой путь к российско-японскому миру // РСМД. 2016 г. // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dobrym-slovom-i-raketnymi-kompleksami-neprosto-put-k-rossiy/>.

8. О состоянии и перспективах развития российско-японских отношений на современном этапе // <http://www.mid.ru/perspektivy-rossijsko-aponskih-otnosenij>.

9. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства. М., 29 апреля 2013 г. // <http://www.kremlin.ru/supplement/1446>.

10. Харюшина Н.А. Российско-японская территориальная проблема в президентство В.В. Путина (2004-2008) и Д.А. Медведева (2008-2012). Владивосток: Дальневосточный Федеральный Университет.

11. Черевко К.Е. Территориально-пограничные вопросы России и СССР с Японией. М., 1992 г.

12. Dr Mark A Smith. Russo-Japanese Relations // Conflict Studies Research Centre. 2003 // https://www.files.ethz.ch/isn/96235/03_Nov.pdf.

13. Japan-Russia Action Plan / Ministry of Foreign Affairs of Japan // <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/pmv0301/plan.html>.

14. Japan Studies: Changing Global Profile // Northern Book Centre. 2010.

15. Joshua W. Walker, Hidetoshi Azuma. Abe and Putin Make Peace Why Japan and Russia Are Working Together / Foreign Affairs. September 15, 2016 // <http://aa.usembassy.or.kr/pdf16/IN50.pdf>.

16. イルクーツク声明 /2001.

17. プーチン来日で惨敗の日本外交 / 週刊新潮. 日本ルネッサンス 第193回. 2005.

18. 8項目の「協カプラン」 /在ロシア日本国大使館 // <http://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ja/index.html>.

A.I. BUDNIK

*Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

T.V. GRIGORIEVA

*Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.A. KAN

*Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

THE CURRENT STATE OF THE KURIL PROBLEM

The article is devoted to one of the most problematic issues today, which hinders the building of stronger, trusting relations between Russia and Japan – the territorial delimitation of the Kuril Islands, directly its current state. The territorial dispute between Russia and Japan is very complex, since for a long time and under the influence of a number of factors, it managed to absorb a set of reasons that did not allow states to resolve the problem.

Key words: Kuril Islands, Russia, Japan, territorial disputes, current state.

НАШИ АВТОРЫ

Аймалетдинов Айрат Ансарович – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (airat.bia@gmail.com).

Аскерова Эмира Фаиговна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (a_esmira_f@mail.ru).

Боголюбова Наталья Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (525993349@qq.com).

Бойкузиева Гузалхон Худойбердиевна – Кокандский государственный педагогический институт, Республика Узбекистан, г. Коканд (economykspi@gmail.com).

Бойматов Фарходжон Зиедкузи угли – докторант (PhD) Узбекского государственного университета мировых языков, Республика Узбекистан, г. Ташкент (economykspi@gmail.com).

Брагин Алексей Дмитриевич – аспирант, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Будник Ангелина Ивановна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (budnik.ai@students.dvfu.ru).

Ван Цзиньхуэй – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (littlecherry610@gmail.com).

Гончаров Петр Сергеевич – доктор социологических наук, профессор Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва (pkgoncharov@mail.ru).

Григорьева Татьяна Викторовна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (grigoreva.tv@students.dvfu.ru).

Денисенко Полина Викторовна – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (apollinaire1877@gmail.com).

Егоров Игорь Сергеевич – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (egorov.igor.rtl@mail.ru).

Камбаров Шерзод – преподаватель кафедры социальных наук Каршинского государственного университета, Республика Узбекистан, г. Карши (avazov.75@bk.ru).

Кан Анна Андреевна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (kan.aa@dvfu.ru).

Кругляков Даниил Андреевич – аспирант кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Россия, г. Москва (dan_kruglyakov@mail.ru).

Кузнецов Евгений Александрович – аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (kuznetsovevgenyalex@yandex.ru).

Кузьмичев Александр Андреевич – член Национального Союза Политологов, аспирант Российского государственного гуманитарного университета, Россия, г. Москва (alejandro.kuzmichev@gmail.com).

Макаренко Кирилл Михайлович – старший преподаватель кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Россия, г. Волгоград (makarenko_km@volsu.ru).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, начальник Управления Администрации Президента России по работе с территориями (1993-1994 гг.), Россия, г. Москва (Medvedev_rudn@mail.ru).

Медведев Вадим Николаевич – кандидат юридических наук, доцент Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (medvedev1978@yandex.ru).

Мехдиева Улькер Мустафа кызы – кандидат исторических наук, старший преподаватель Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Азербайджан, г. Баку (ulker_m@dia.edu.az).

Морозов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Россия, г. Волгоград (si.morozov@mail.ru).

Нечай Екатерина Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (nechay.ee@dvfu.ru).

Никлаус Анна Александровна – кандидат политических наук, доцент, декан факультета управления интеллектуальной собственностью Российской государственной академии интеллектуальной собственности, Россия, г. Москва (nicklaus.anna@gmail.com).

Овчинников Павел Сергеевич – бакалавр кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (px199zyz@mail.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (setjpo@mail.ru).

Сабирова Нагима Садыковна – кандидат политических наук, Московский государственный областной университет, Россия, г. Мытищи (snagima95@gmail.com).

Салимов Диловар Мирзомуддинович – соискатель кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (dilovar.salimov.1988@mail.ru).

Сариева Диана Суйунбаевна – кафедра государственной, муниципальной службы и менеджмента Бишкекского государственного университета им. К.К. Карасаева, Кыргызская Республика, г. Бишкек (sarieva_diana@mail.ru).

Сарсембаев Николай Владимирович – аспирант Института востоковедения Российской академии наук, главный специалист Государственного учреждения «Управление по делам религий Карагандинской области», Республика Казахстан, г. Караганда (sarsembaevnv@mail.ru).

Сахненко Алексей Сергеевич – магистрант кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (aleksey.sakhnenko@gmail.com).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Тащилин Алексей Львович – выпускник аспирантуры Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (alexey.tashchilin@gmail.com).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Тушков Анатолий Александрович – аспирант кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Урпер Мехмет – кандидат политических наук, преподаватель, ассистент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского Государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (mehmeturper@mail.ru).

Фань Тяньян – магистрант кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета, Китай (525993349@qq.com).

Черникова Эллина Максимовна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (ellinaweb@mail.ru).

Шангараев Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (r.shangaraev@dipacademy.ru).

Шаршебаева Тынара Аманбековна – ученый секретарь Центра политологических исследований и экспертиз НАН КР, Кыргызская Республика, г. Бишкек (sharshebaeva_tynara@mail.ru).

Шошич Милена – магистр кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (svvenmra@mail.ru).

Юрчиков Никита Владимович – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (myfriendgoo@mail.ru).

OUR AUTHORS

ASKEROVA E.F. – PhD student, Saint-Petersburg state university, Saint-Petersburg, Russia.

AYMALETDINOVA A.A. – Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University, Postgraduate student of the Department of Political Science of the East, Moscow, Russia.

BOGOLYUBOVA N.M. – Scientific adviser – candidate of historical sciences, associate professor, International Humanitarian Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

BOYKUZIEVA G.Kh. – Kokand State Pedagogical Institute, city of Kokand, Republic of Uzbekistan.

BOYMATOV F.Z. – Post-graduate student working for the doctoral degree (PhD) at the Uzbek State University of World Languages, city of Kokand, Republic of Uzbekistan.

BRAGIN A.D. – PhD Student, Junior researcher of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

BUDNIKA I. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

CHERNIKOVA E.M. – Bachelor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

DENISENKO P.V. – Postgraduate student at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

EGOROV I.S. – Post-graduate student of the Department of Political Science of the East of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FAN TIANYANG – Master, International Humanitarian Relations, Saint Petersburg State University, China.

GONCHAROV P.S. – Doctor of Sciences (sociology), Professor, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia.

GRIGORIEVA T.V. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

IURCHIKOV N.V. – Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University, Postgraduate student of the Department of Political Science of the East, Moscow, Russia.

KAN A.A. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

KRUGLYAKOV D.A. – Postgraduate student, Political Analysis Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Assistant to the Deputy, State Duma, Moscow, Russia.

KUZMICHEV A.A. – National League of Political Scientists' Member, Russian state university for the humanities – RSUH (RGGU), Moscow, Russia.

KUZNETSOV E.A. – Postgraduate student at the Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MAKARENKO K.M. – Senior Lecturer at the Chair of international relations, political science and regional studies, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the Presidential Administration for Work with Territories (1993-1994), Moscow, Russia.

MEDVEDEV V.N. – Candidate of Sciences (law), Associate Professor, the MIGS Ranepa, Moscow, Russia.

MEKHDIEVA U.M. – Phd in History, Senior Lecturer, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

MOROZOV S.I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Chair of international relations, political science and regional studies, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

NECHAY E.E. – Academic Advisor, Candidate of Political Science, Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

NIKLAUS A.A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Intellectual Property Management, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia.

OVCHINNIKOV P.S. – A bachelor of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

QAMBAROV Sh.K. – Lecturer, Chair of social sciences, Karshi State University, city of Karshi, Republic of Uzbekistan.

SABIROVA N.S. – Cand. Sci. (Pol. Sci.), Moscow Region State University, Mytishchi, Russia.

SAKHNENKO A.S. – Graduate student of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

SALIMOV D.M. – Applicant for the Department of Political Management, Faculty of Political Science Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

SARIEVA D.S. – Department of “State, municipal service and management”, Bishkek States University them. K.K. Karasaev, Bishkek, Kyrgyz Republic.

SARSEMBAEV N.V. – Postgraduate student of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, chief specialist of the state institution «Department of Religious Affairs of the Karaganda region», Karaganda, Republic of Kazakhstan.

SHANGARAEV R.N. – Ph.D, associate professor, Department of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Federation, Moscow, Russia.

SHARSHEBAEVA T.A. – Scientific Secretary, Center for Political Science research and expertise NAS KR, Bishkek, Kyrgyz Republic.

SHOSHICH M. – Master, Department of Policy Analysis and Management, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

SLYZOVSKIY D.E. – Doctor of Sciences (history), Professor, Peoples’ Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russia.

TASHCHILIN A.L. – Financial University under the Government of the Russian Federation, Postgraduate Student, Department of Political Science, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – PhD student in the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

TUSHKOV A.A. – Professor of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

URPER MEHMET – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Assistant at the Chair of International relations in the post-soviet space, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

VAN CZIN’HUJEJ – Graduate student of Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 10 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 13 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 2 (66), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.
Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.02.2021
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ____.
Printed at the LLC “PrintUP”
Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

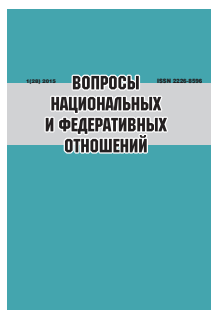

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

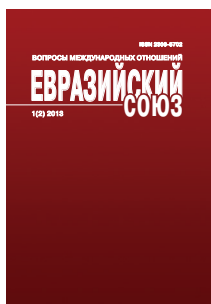
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru**

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

**Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru**

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70035					
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная					Количество комплектов					
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											